

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакцію Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго.

Выпускъ I

Годъ пятый

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій пр., № 12.

1895.

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ОТДѢЛЪ I.

Отчетъ о поѣздкѣ въ Чудской край (Олонецкой губ., Лодейнопольскаго уѣзда) въ 1894 г.

Въ нынѣшнемъ 1894 году мѣстомъ для этнографическихъ наблюденій я избралъ Чудской край Лодейнопольскаго уѣзда, Олонецкой губерніи. Мой путь въ намѣченный край лежалъ чрезъ Лодейное-Поле, городъ когда-то извѣстный, служившій мѣстомъ выполненія нѣкоторыхъ геніальныхъ замысловъ Петра. Во время извѣстнаго своего путешествія изъ Архангельска до устья Свири Петръ восхитился изобиліемъ и ростомъ первобытныхъ лѣсовъ, растущихъ въ этихъ мѣстахъ; и близъ деревни Мокршивицы, гдѣ теперь стоитъ городъ Лодейное-Поле, въ 1702 году заложилъ корабельную верфь, назначивъ начальникомъ ея поручика Меньшикова. Здѣсь выстроены были—походный храмъ и дворецъ на время пребыванія Петра на верфи, а въ 1703 г. строились уже корабли. Петръ понималъ всю важность быстроты работы, часто понукалъ въ письмахъ своихъ Меньшикова; натура его не выносила откладыванія дѣла въ долгій ящикъ; онъ самъ первый показывалъ примѣры энергии и трудолюбія; огромныя деревья были свезены на сосѣднее поле, за сѣянное рожью; изъ Олонца, Каргополя, Вѣлозерска и Пошехонья явились рабочіе; Петръ самъ пріѣхалъ въ Лодейное поле, заложилъ собственноручно 6 фрегатовъ и 9 шнявъ и въ сентябрѣ 1703 г. возвратился въ Петербургъ на первомъ построенномъ на Лодейнопольской верфи фрегатѣ «Штандартъ», который и былъ первымъ русскимъ кораблемъ, вышедшимъ подъ императорскимъ флагомъ черезъ Ладогу и Неву въ Балтійское море (Майковъ, Оболенше и Корела). Безъ сомнѣнія, въ тѣ далекія времена г. Лодейное-поле былъ болѣе дѣятеленъ, болѣе оживленъ, чѣмъ теперь представляется всякому новопрїѣзшему. Въ настоящее время онъ состоитъ изъ какой-нибудь сотни маленькихъ деревянныхъ домишекъ, и вся былая жизнь его перешла въ конечные пункты Свири—Вознесенье и Сермаксу. Лодейное-поле теперь ни болѣе ни менѣе, какъ промежуточная станція для судовъ и пароходовъ, направляющихся въ Петербургъ. Отъ прежнихъ историческихъ воспоминаній не осталось

почти ничего, за исключеніемъ только нѣсколькихъ деревянныхъ тумбъ, окрашенныхъ зеленой краской, съ прибитыми къ нимъ безграмотными надписями: на сихъ мѣстахъ была церковь Петра... или — на сихъ мѣстахъ жилъ Петръ... Да еще сохраняется неуклюжій обелискъ, сооруженный частнымъ лицомъ, которое отдало этимъ дань удивленія предъ энергической дѣятельностью Петра; на обелискѣ съ боку вставленъ медальонъ съ барельефнымъ изображеніемъ императора; на верху приделанъ двуглавый орелъ, а внизу витѣватая надпись: «Да знаменуетъ слѣды Великаго сей скромный простымъ усердіемъ воздвигаемый памятникъ»...

Городъ мертвъ, молчаливъ, скученъ и бѣденъ такъ, какъ могутъ быть бѣдны только уѣздные города убогой Олонки. Здѣсь рѣшительно нѣтъ никакихъ заработковъ, никакихъ промысловъ, полное отсутствіе всякой заводской и фабричной дѣятельности. И городскіе жители — мѣщане, кой-какъ перебиваясь на какихъ-то аферахъ, чистыхъ пустякахъ, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе бѣдняютъ и накапливаютъ въ своей груди желчи и недовольства противъ своего роднаго городка, и отводятъ сердце въ бѣсѣдѣ съ случайнымъ проѣзжимъ, не стѣняясь при этомъ въ выразительныхъ фразахъ и сильныхъ выраженіяхъ.

«Будь онъ — анафема, трижды проклятъ, безпутный нашъ городишка», ругался въ моемъ присутствіи Лодейнопольскій мѣщанинъ, — «да и народъ-то нашъ какой-то безмозготой... Вотъ Олончане (жители г. Олонки и его окрестностей), однимъ словомъ — кореляки; а поди-ка... телѣгу ли сдѣлать, санки ли смастерить, шляпу ли изъ соломы сплести... да лучше его вѣту: сейчасъ все пойметъ и перейметъ. А у насъ — хоть бы что, ничего не родится... Придется, кажется, ничего не подѣлаешь, въ деревню ѣхать да въ крестьяне записываться».

И дѣйствительно, своими глазами видѣлъ нѣсколько домишекъ на окраинѣ города, наглухо забытыхъ досками, жители которыхъ, вѣроятно, куда-то выселились на новыя мѣста, ища себѣ болѣе счастливой жизни.

Развитіе города, — если только оно еще есть, — идетъ такимъ медленнымъ курнымъ шагомъ, что въ полустолѣтній періодъ времени не замѣтишь въ его жизни никакихъ измѣненій. Жизнь здѣсь идетъ постоянно неизмѣннымъ порядкомъ, по разъ намѣченной колѣѣ, и никакихъ улучшеній, никакихъ усовершенствованій не наглядѣлъ бы здѣсь самый зоркій, пристальный взглядъ.

Единственный, буквально единственный фонарь, прибитый къ воротамъ полицейскаго управленія, скупо освѣщаетъ фасадъ угрюмаго зданія; остальнымъ же улицамъ предоставлено тонуть въ безпосвѣтной темнотѣ, особенно въ осеннія ночи; и потому, рассказывали мнѣ, мѣстные религіозные старики

и старушки ходятъ ко всенощнымъ и утренямъ съ фонарями въ рукахъ. 2—3 лавченки, торгующія мукой, лукомъ, чеснокомъ, столярнымъ клеемъ и постнымъ масломъ,—вполнѣ удовлетворяютъ неприхотливымъ вкусамъ обитателей. Нѣтъ ни извозчиковъ, ни гостинницъ для прїѣзжихъ, ни уличной мостовой, не говоря уже о другихъ изобрѣтеніяхъ и усовершенствованіяхъ въ родѣ телефона и электричества, которыя, встаетъ сказать, уже годъ-другой какъ сдѣлались достояніемъ такихъ маленькихъ финскихъ городовъ, какъ Кексгольмъ и Сердоболь.

А что въ Лодейномъ-полѣ поражаетъ каждаго новопрїѣзжаго, такъ это обиліе всевозможныхъ присутственныхъ мѣстъ и обиліе чиновниковъ. На каждомъ болѣе или менѣе порядочномъ домѣ, который еще отъ ветхости не согнулся, какъ старушка, и въ которомъ цѣлы еще всѣ оконныя стекла,—непремѣнно вы увидите вывѣску. Тамъ—уѣздное присутствіе по крестьянскимъ дѣламъ, тамъ—уѣздная управа, тамъ—полицейское управленіе, воинское присутствіе, почтовая контора, тамъ еще и еще вывѣска и, наконецъ, какой-то «сиротскій судъ», занимающій длинное неуклюжее зданіе, не обшито тесомъ. Такое обиліе всевозможныхъ Госуд. учреждений естественно породило и многочисленный контингентъ служащихъ—чиновниковъ. Ихъ вы замѣтите въ любое время дня входящими и выходящими шумной толпой изъ своихъ присутствій, съ взбитыми на затылокъ форменными фуражками, съ прицѣпленными къ нимъ на лету кокардами. «Господи, да какъ ихъ много», невольно скажетъ всякій прїѣзжій, пораженный такою ихъ многочисленностью,—«да тутъ служащихъ должно быть гораздо больше, чѣмъ остальныхъ жителей, не занимающихъ никакой государственной должности».

Изъ Лодейнаго-поля я поѣхалъ далѣе въ Чудской край, по направленію къ рѣкѣ Ояти, гдѣ жила и живетъ понынѣ «бѣлоглазая Чудь».

«Вамъ на Русковицы (одинъ изъ ближайшихъ приходоѡвъ къ Лодейному полю, въ 35 верстахъ отъ города) значитъ надоть ѣхать?» — говорилъ лодейнопольскій мѣщанинъ, котораго я нанималъ въ извозчики до ближайшей станціи.

«Вамъ, значитъ, на «смычкахъ» гдѣ-быть способнѣй будетъ; дорога теперь больно ужъ плоха, и на телѣгѣ пожалуй не проѣхать будетъ. Тамъ, я вамъ «смычки» припрягу»...

Смычки... я почему-то увѣренъ, мм. гг., что нѣкоторымъ изъ слушателей не только не приходилось ѣздить, но даже и слышать о такого рода экипажѣ, который между тѣмъ широко распространенъ въ Лодейнопольскомъ уѣздѣ и является здѣсь почти незамѣнимымъ. Представьте себѣ двѣ длинныхъ оглобли, припряженныхъ одними концами къ лошади, какъ припряга-

ютъ обычно оглобли дровней или какого -нибудь другого экипажа. Задніе концы ихъ тащатся по землѣ, опираясь въ нее; къ этимъ оглоблямъ прикрѣпляются гибкими ивовыми прутьями или просто верѣвками—перекладинами; на нихъ кладутъ багажъ путешественника, и садится самъ путешественникъ, если онъ не мастеръ или почему либо не смѣетъ взобраться на спину тощей клячкени. Вотъ и все незамысловатое устройство «смычковъ». Экипажъ, какъ видите, самый первобытный, примитивный, употреблявшійся, вѣроятно, когда-нибудь еще въ доисторическія времена, а между тѣмъ въ Лодейнопольскомъ уѣздѣ—это почти единственный, болѣе всего распространенный и самый удобный по здѣшнимъ дорогамъ экипажъ. Такой же точно экипажъ предложили мнѣ, и я, кой-какъ примостившись на немъ со своимъ чемоданомъ, потарахтѣлъ въ Чудской край, знакомиться съ его жителями.

Лодейнопольская Чудь, какъ я уже сказалъ, живетъ по теченію рѣки Ояти, притившись между высокими горными хребтами, тянущимися вдоль этой мелководной, порожистой рѣченки. (Оять—отъ Чудскаго или Корельскаго слова «оја»—ручеекъ, канава). «Въѣдешь на Оять, такъ и свѣту болѣе не видать»—говоритъ мѣстная пословица, какъ нельзя лучше опредѣляющая характеръ и условія этого края. И дѣйствительно, едва-ли скоро сыщется гдѣ въ другомъ мѣстѣ болѣе глухой медвѣжьей уголокъ, чѣмъ Чудской край на Ояти. Здѣсь нѣтъ ни проѣзжихъ дорогъ, ни веретовыхъ столбовъ, «ни проѣзду, ни клязгаго переходу»,—пробирайся какъ знаешь и какъ умѣешь. Высокія горы плотно обступили рѣченку и надежно защитили ея жителей отъ вліянія остальнаго міра. Здѣсь на большое чудо встрѣтите вы печатное слово, найдете какую-нибудь книжку или услышите интересную новость, волнующую всякаго человѣка, живущаго въ обществѣ и чувствующаго съ нимъ свою органическую связь. Вѣсти приходятъ сюда самыя запоздалыя и при томъ съ такимъ трудомъ, какъ бы онѣ вышли съ того свѣту. Такъ, извѣстія о коронаціи или смерти Государя доходятъ сюда не раньше, какъ мѣсяцъ или полтора спустя, и при томъ черезъ столько устъ и въ такомъ извращенномъ видѣ, что, наконецъ, перестаешь даже вѣрить переданному слуху и терпѣливо ждешь того счастливаго случая, когда будешь имѣть возможность прочесть газету и провѣрить слухъ печатнымъ словомъ. И причиной этого не дальность разстоянія, а отсутствіе всякихъ проѣзжихъ дорогъ, а отсюда естественно и отсутствіе почти всякихъ проѣзжихъ. И живутъ люди въ такихъ уголкахъ, живутъ иногда всю жизнь до самой смерти, ни разу почти не перебравшись черезъ свои горы, не интересуясь ничѣмъ, что не имѣетъ самаго ближайшаго отношенія къ ихъ хозяйству. Жизнь чудянь или «чухарей, кайвановъ», какъ называютъ ихъ здѣсь русскіе, мало чѣмъ отличается отъ жизни корель. Обряды и обычаи

въ большинствѣ случаевъ здѣсь тѣ же самыя, что у корель Олонецкаго и Петрозаводскаго уѣздовъ, за небольшими только разностями, не имѣющими, правда, существеннаго значенія. Языкъ «чухарей» также мало отличается отъ корельскаго: себя они называютъ *ljuvdiköt*, а языкъ свой *ljuvdiköi keli*,—такъ же точно, какъ называютъ себя корелы. Чухари живутъ бѣдно, въ маленькихъ избушкахъ, крытыхъ соломой; невѣжественны и въ нравственномъ отношеніи стоятъ гораздо ниже корель; всѣ они любятъ пить водку и держатся не особенно высокихъ понятій о цѣломудренности и супружеской вѣрности. Дѣвушка 15—16 лѣтъ непременно заводитъ для себя «бесѣдника», съ которымъ въ большинствѣ случаевъ состоятъ въ интимной связи; замужнія женщины также свободно измѣняютъ своимъ мужьямъ, и такое поведеніе вслѣдствіе своей обычности, заурядности не обращаетъ на себя особеннаго вниманія и не разстраиваетъ семейнаго міра: «*Ка hjanel on ota dnšcha*»—Да у него, т. е. у мужа есть своя душа—любовница. И такой порядокъ вещей, мнѣ кажется, можетъ быть объясненъ, если не вполне, то по крайней мѣрѣ—отчасти, вліяніемъ здѣсь помѣщичьей жизни... Оятскіе помѣщики, если и не принесли другой какой пользы мѣстному крестьянству, за то порядочно таки развратили его...

Я прожилъ въ Чудскомъ краѣ почти все лѣто, съ іюля мѣсяца и до половины августа, и за это время успѣлъ посѣтить много деревень, расположенныхъ въ большинствѣ случаевъ по теченію рѣки Ояти или не далеко въ сторонѣ отъ нея—въ уѣздѣ Лодейнопольскомъ и отчасти Тихвинскомъ Новгородской губ. (Люговичи, Сюръга, Чука, Мальгиничи, Шутиницы, Быкова гора, Русконицы, Шапша, Агашова, Койжема, Юбеничи, Кукасъ, Рати-гора, Мусть-оя, Погья, Верхнее Тойвино, Нижнее Тойвино, Мириничи, Мустиничи, Подборье верхнее и нижнее, Надпорожье, Боръ, Ямка, Семова гора, Власковы, Нижне-Конная и Верхне-Конная, Кривошейная, Войновщина, Никифоровщина, Лутохино, Корышевъ Ручей, Панчукова, Берегъ, Ярославичи, Норьино, Ниргичи, Кяницы, Каргиничи, Печеницы, Семкина гора, Кекозеро, Ладвозеро, Магозеро, Мутнозеро...); во время этихъ странствованій я успѣлъ записать: 1) сто слишкомъ загадокъ, 2) причитанья свадебныя и похоронныя, 3) нѣсколько пѣсенъ, правда, не представляющихъ особаго интереса по своему содержанію, 4) нѣсколько заговоровъ, 5) сдѣлалъ описаніе нѣкоторыхъ мѣстныхъ обычаевъ и 6) записалъ, насколько позволило время и мое умѣнье, грамматическія особенности чудскаго языка.

А теперь, встаетъ, я желалъ бы познакомить почтенное собраніе съ однимъ любопытнымъ явленіемъ, которое пришлось мнѣ наблюдать въ описываемомъ краѣ, — познакомить съ здѣшнимъ дворянствомъ — помѣщиками,

когда-то державшими въ своихъ рукахъ мѣстное населеніе. Въ Лодейнополскомъ уѣздѣ живетъ нѣсколько дворянскихъ родовъ, уцѣлѣвшихъ послѣ 19 февраля и раскиданныхъ теперь по здѣшнимъ селамъ и деревнямъ, и составляющихъ иногда цѣлыя поселки (напр., Лугохино Ярославскаго пог.; оно состоитъ исключительно изъ жителей—бывшихъ помѣщиковъ). Предея этихъ помѣщиковъ, вѣроятно, были служилые люди, получившіе когда-то въ давно минувшее время за свои услуги—жалованную грамоту, нѣсколько крѣпостныхъ душъ крестьянъ и добрый участокъ земли. Мѣста на Ояти были захопустныя (они и теперь не лучше), и въ количествѣ подарка въ тѣ времена не стѣнялись: нарѣзывали вдоволь и пахатной и сѣнокосной земли, отмежевывали лѣса и кетати прихватывали озеро или часть рѣки для рыбной ловли. Бѣлоглазые чудяне исправно работали своимъ «боярамъ», аккуратно платили оброки, ходили на барщину, и помѣщикамъ жилось хорошо. Они, по рассказамъ старожилонъ, устраивали званые обѣды съ музыкой и танцами, охотились съ многочисленной сворой собакъ и доѣзжачихъ, и вообще веселились, какъ только могли и умѣли, хотя и приходилось въ силу обстоятельствъ жить въ такомъ дикомъ, захопустномъ краѣ. Барскія постройки отличались красотой и вычурностью и занимали самыя живописныя, самыя красивѣйшія мѣстности, тѣмъ болѣе, что въ такихъ мѣстахъ на Ояти недостатка нѣтъ. Но насталъ конецъ такому безпечальному житью. 19 февраля рѣзко, какъ-то однимъ взмахомъ, покончило съ прежними порядками, и дворяне остались на своихъ земляхъ безъ рабочихъ рукъ, неспособные къ работѣ, не умѣющіе толкомъ взяться за трудъ. Что было дѣлать помѣщикамъ?.. Понемногу пошли въ продажу за безцѣнокъ лѣса, рощи, чуть ли даже и не самыя сады. Стали продавать на сломъ лишнія пристройки, вычурныя бесѣдки, пустыя конюшни и псарни, когда въ нихъ не стало ни лошадей, ни собакъ. И такимъ образомъ мало по малу, годъ за годомъ, барство опускалось, бѣднѣло и постепенно приближалось къ состоянію прежнихъ своихъ холоповъ—крестьянъ. А наряду съ бѣдностью постепенно понижался и ихъ умственный и нравственный уровень: дѣтей нужно было учить, но отправить ихъ въ городъ въ школу—не хватало средствъ, а тѣмъ болѣе—нанять учителей-гувернеровъ на домъ. Дѣти бѣгали по улицамъ, проводили время своего возраста весело, но за то оставались круглыми невѣждами, въ рѣдкихъ только случаяхъ умѣющими читать и писать.

И такимъ образомъ, мало по малу, отъ крестьянъ оятскіе дворяне стали отличаться только запонкою на рубашкѣ да названіемъ «бояръ», которое продолжало еще кружить имъ головы. Я вкратцѣ попытаюсь познакомить почтенное собраніе съ теперешнею жизнью этихъ дворянъ, насколько я успѣлъ

самъ узнать ее, живя нѣсколько времени среди нихъ, въ одномъ изъ дворянскихъ селеній. Деревня эта — Мутнозеро, въ верстахъ 35 отъ села (Ярославичи) и болѣе чѣмъ за 100 версты отъ уѣзднаго города (Лодейное Поле), — деревенька глухая, дикая, почему-то расположенная на окраинѣ большого, всегда сырого болота... Какъ будто лучшаго мѣста не могли сыскать...

Деревня была пуста, когда я вѣхалъ въ нее; и я съ большимъ трудомъ могъ отыскать домъ того самаго помѣщика, у котораго мнѣ порекомендовали остановиться. Домъ помѣщика, гдѣ я остановился, былъ также бѣденъ и грязенъ, какъ и остальные дворянскія избы. Въ нее вела лѣстница, состоявшая изъ нѣсколькихъ досокъ, съ набитыми поперекъ ихъ планками. Черезъ сѣни, въ которыхъ, по мѣстному обычаю края, было очень много иконъ, я вошелъ въ избу. Меня встрѣтило нѣсколько дѣтей, которыя, при видѣ незнакомаго имъ человѣка, начали прятаться за свою старую няньку — «пѣстунью». Внутренность комнаты была самая обычная, какъ и во всѣхъ крестьянскихъ избахъ; вдоль стѣпъ стояли лавки; у середины одной изъ нихъ, приставленной къ лицевымъ окнамъ, стоялъ столъ. Почти треть избы занимала печка. Надъ нею былъ дымоходъ. Потолокъ черный, закоптѣлый отъ дыму. Къ почкѣ примыкали полаты, и отъ нихъ вокругъ стѣпъ шли воронцы. Въ углу, противъ печки, который называется «бабьимъ», по лавкамъ было разбросано нѣсколько вещей изъ крестьянскаго гардероба: валялась синяя бабья юбка, лапти и сѣрый понитокъ. Въ углу, на особой подставкѣ, была прикрѣплена бутылка, повернутая горлышкомъ внизъ и заткнутая деревяннымъ гвоздемъ — пробкой; она должна была замѣнять рукомыльникъ. Пахло печенымъ хлѣбомъ и специфическимъ запахомъ дѣтей. Вотъ и все убранство избы... Довъ былъ ясный, солнечный, и дворяне - хозяева были на работѣ. Я прошелся было по деревнѣ, но ничего, сравнительно съ крестьянскимъ житьемъ, не замѣтилъ. Здѣсь тѣ же маленькія избенки, съ подслѣповатыми окнами, крыши, крытыя соломой; у каждой избы небольшой огородъ, гдѣ растутъ рѣдька, брюква, капуста и лукъ; на изгороди развѣшено для просушки нижнее бѣлье изъ грубаго холста — точива, вынесены на солнцепекъ постели, набитыя соломой. Въ деревнѣ было пусто, тихо и только кой-гдѣ попадались мальчишки, копавшіеся вмѣстѣ съ курицами въ теплой пыли. Но вотъ, наконецъ, жаръ свалилъ; время стало подвигаться къ вечеру, и на улицахъ стали показываться поселяне: кто шелъ съ граблями, кто шелъ съ косой... Деревня постепенно стала оживляться. Мальчишки съ крикомъ бѣжали на встрѣчу матерямъ, шедшимъ съ поля или изъ лѣсу и тормозили ихъ, прося ягодъ: «мамка, а мамка, несешь ли ягодъ?.. мамой, дайка мика ягодокъ»... Дворянки ничѣмъ не отличались отъ крестьянокъ здѣшняго края.

Онѣ были одѣты въ синіе крашенинные сарафаны или платья изъ дешеваго цвѣтнаго ситцу. Высокія, костистыя, перишливо одѣтыя, съ грубыми манерами и грубою, бранчивою рѣчью — онѣ производили весьма непріятное, тяжелое впечатлѣніе. «Ой ты, окоянной, фсфѣла ты, шкура барабанная, стерва, шлюха мокрехвостая» — слышалось повсюду, по всѣмъ закоулкамъ изъ устъ чѣмъ-то раздраженныхъ дворянокъ - боярынь. Возвратился, наконецъ, съ работы и мой хозяинъ, одинъ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ. На немъ былъ бѣлый понтовъ, лапти, овчинная шапка, носа за плечами и топоръ за поясомъ. «Дунька», слышно было, какъ говорилъ онъ въ сѣняхъ своей дочери, — поди-ка-снеси на огороде лапти да онучи, пусть немного присохнуть къ завтрію». Въ избу вошелъ онъ босикомъ, какъ-то шлепая сырими ногами по полу, въ однихъ портахъ, бѣлой холщевой рубахѣ, — и, увѣренъ, что никому ни за что не пришло бы и въ голову, что это передъ вами — дворянинъ, потомокъ здѣшнихъ помѣщиковъ. Ужинъ дворянина былъ скуденъ и состоялъ изъ одного картофеля съ солью. Наголодавшіеся за цѣлый день ребята и взрослые ѣли съ аппетитомъ и не находили нужнымъ даже очищать эти пищевые корни отъ верхнихъ покрововъ. Мы разговорились съ хозяиномъ, и изъ бесѣды съ нимъ я узналъ, что онъ человѣкъ совсѣмъ неграмотный и за бѣдностью и «недостатками» не могъ дать даже начальнаго образованія своимъ дѣтямъ. У него моль одна лошадь, да и та съ изъяномъ: немного прихрамываетъ; одна коровенка съ нетелкой, нѣсколько штукъ овецъ, — вотъ и все хозяйство помѣщика, владѣющаго между тѣмъ довольно большимъ участкомъ земли.

«Да вѣдь у васъ же земля есть, и земля, кажется, по здѣшнимъ мѣстамъ не самая что ни на есть плохая»...

— Это правда, земли вдоволь, даже лишку есть, десятинъ 200—250 на мою долю приходится; да что толку въ землѣ пустой, безъ средствъ когда за нее взяться не съ чѣмъ... Чтобы держать землю да съ пользой, — нуженъ капиталъ, а у меня, слава тѣ, Господи, — нѣтъ иногда за душой гроша мѣднаго. Съ землей нужно перво-наперво имѣть скотину, работниковъ, сѣмена, а у меня нѣтъ ни того, ни другаго... Наша земля любитъ удобреніе, любитъ, чтобы возжались около нея, старались, а такъ, братъ, безъ этого — ничего-о-шеньки отъ нея не получишь...

«А въ аренду если сдать её»... пытался я поддерживать разговоръ на эту тему.

— Въ аренду?.. это хорошо говорить только... а попробуйте-ка сдать её; да во первыхъ никого не сыщите, кто бы взялъ её... Ну, предложите любому въ нашемъ околедѣѣ мужику — взять дворянскую землю въ аренду, да если найдется кто, такъ не будь я... Никто не возьметъ, увѣрю васъ,

земли запущенныя... въ пустошахъ давно; обросли лѣсомъ; съ ними возни-то вѣдь,—не приведи, Господи... Да потомъ,—зѣ чему нашему мужику земля?.. ему врядъ только со своей справиться; народъ-то тоже — не чище нашего брата,—голь перокатная; ему, значить, и не рука землю брать. Да потомъ... Мужикъ ищетъ землю поближе къ себѣ, чтобы, значить, подъ бокомъ земля была, а тутъ изволь-ка шагать верстѣ за 8—10, такъ какъ ни дешева земля будь, невольно откажешься отъ ней...

«Такъ, значить, земля ваша и пустуетъ?»..

— Да, что же подѣлаешь?.. пустуетъ... Самому не справиться. Сдаемъ немного, правда, Лодейнопольскому мѣщанину, такъ, немного—десятинъ 30—40, пожалуй, будетъ, и получаемъ за это сущіе пустаки...

«Сколько же такъ приблизительно?»..

— Да на горячее семьѣ не хватаетъ. Такъ вотъ тутъ и сдавай въ аренду.

«Сколько же это точнѣе, въ рубляхъ?»..

— Пустаки... стыдно сказать...

И какъ я ни упрасивалъ, дворянинъ почему-то, заупрямясь, не захотѣлъ сказать цѣну получаемой имъ арендной платы... Только, кажется, какъ узналъ я потомъ на сторонѣ, эта плата не превышала перваго же десятка.

«А отъ продажи лѣса—приблизительно такъ—сколько выручаетъ?»..

— Лѣсъ,—дворянинъ какъ-то горько хихикнулъ,—да про лѣсъ кто у насъ вспомнить, такъ обычно говорятъ: лони баба п....., да нонѣ вспомнила... Лѣсу-то у насъ и въ слыхахъ нѣту... весь ужъ продали. Остался самый что ни на есть негодященскій—менда ¹⁾... Не берутъ, а то и тотъ продали бы... Да вотъ — пока лѣсу-то хватало, до тѣхъ поръ и жили хорошо... себя не стѣсняли... Да видишь, не надолго его хватило, продали весь безъ остатку. Теперь и горюй. Теперь дрова-то и для себя, такъ съ поскомъ... Ъздишь, ѡздишь въ зимній-то день, да едва-едва насобираешь возикъ тонкаго березнику... Гдѣ ужъ тутъ продать?.. Конечно, есть и такіе между нами дворяне,—вотъ хоть бы Юрьевъ-Шевюсъ (фамилія одного изъ дворянъ Ярославскаго погоста), лѣсу у нихъ и по сейчасъ есть; а поди продавать, такъ не больно наши лѣсопромышленники расщедрятся.. Потому—видятъ, что человѣкъ не съ богатства, а съ нужды продаетъ, ему деньги нужны... Ну вотъ, сколько назначать, то и ладно... Назначать, примѣрно, за рощу 100—200 рублей, и бери да поблагодари еще его, а дровъ между про-

¹⁾ Мелкій лѣсъ, растущій въ большинствѣ случаевъ на сырыхъ мѣстахъ.

чимъ — въ этой самой рошѣ рублей на 1000 будетъ. А скажешь лѣсопромышленнику: мало.. такъ у него одинъ отвѣтъ: ищи больше; я твоего лѣсу, говорить, насильно не беру; поди, поди, братецъ-дворянчикъ, ищи больше... Да радъ будешь, что хоть бы то даль... Лѣсной торговлей у насъ занимаются немногіе, одинъ, два — вотъ и все... Ну, и дѣйствуютъ сообща. Назначать что, — и крышка... Отдавай, значить, за тое...

— «Ну, а скажите, какъ, по какимъ цѣнамъ землю вы продаете?»...

— Землю продаемъ?.. да, по всякимъ цѣнамъ. Земля землѣ тоже рознь... Есть у меня тутъ участочекъ и недалечко совсѣмъ, — десятинъ 10—15 будетъ, такъ я вамъ уступилъ бы, пожалуй, рублей за 10; только составить купчую вы ужъ возьмете на себя — и всѣ тамъ расходы, предвидѣнные и непредвидѣнные... Право слово, — рублей за 10 уступилъ бы; потому участокъ этотъ — болотина; мнѣ онъ совсѣмъ не нуженъ; тамъ только мохъ одинъ да морошка растетъ, а лѣсу-то и саженъ десяти не соберешь, — и лѣсъ-то все «менда», паршивый, никуда не годящійся. А такъ, посредственная земля ходитъ отъ 3 и до 5 рублей за десятину. За 5 рублей можно достать очень хорошей по здѣшнимъ мѣстамъ земли. Тутъ вамъ, если захотите, и покосовъ нарѣжутъ; покосы у насъ, признаться, хорошіе. Сѣна все больше растутъ «землянные»; не осока тамъ какая-нибудь, а все больше цвѣточки; за то какъ выкосить да высушить его хорошенько, такъ, — скажу вамъ, — духъ отъ него, что отъ чаю; лучше малины пахнетъ... Такъ вотъ опять наше горе — дѣвать-то этихъ сѣновъ некуда... Хотъ и покосилъ бы иногда что тамъ полишнее, тамъ обороту-то никакого съ нимъ не сдѣлаешь... Продать его некому. До города везти далеко; да попробуйте-ка пилить въ наши горы возъ, хотъ пудовъ 20—25?.. Такъ это сѣно станетъ въ копѣечку... Вѣдь лошаденку-то, чай, всю въ лоскъ измучите. Видѣли вы сами дорогу, рассказывать нечего; а горы-то и зимой вѣдь не сравняются. Однимъ словомъ, бѣда въ нашемъ мѣстѣ и съ землей, — заключилъ дворянинъ, — и съ землей живучій пропадешь ни за что. Пить, ѣсть тоже нужно, обувь-одежа — таковаже; а вѣдь ни откуда ничего не приходитъ. Все отъ той же земли смотришь; а она, кормилица, даетъ-даетъ, да иногда бываетъ, что и заупрямится. Вотъ прошедшіе-то годы, — и у насъ вѣдь былъ тоже голодъ. Изъ другихъ голодныхъ мѣсть такъ хотъ по крайней мѣрѣ въ газетахъ пропечатали, обратили вниманіе добрыхъ людей, а у насъ кому писать?.. Таеъ вотъ хотъ ложись и умирай... Помощи ждать не отъ кого... Ну и потерпѣлись же мы тогда... хотъ въ работники идти, такъ семью нельзя никакъ оставить безъ себя.. Ну, помилуй Богъ еще мѣстнаго батюшку; онъ тогда взялъ на прокормъ ребятшекъ и цѣлую зиму кормилъ даромъ — по

прежней нашей дружбѣ: съ дѣдомъ моимъ да еще и съ отцомъ, пока мы въ силѣ были, хлѣбъ-соль водилъ; ну, а теперь... — и дворянинъ какъ-то безнадежно махнулъ рукой.

Не лучше и не богаче моего хозяина живутъ и другіе оятскіе дворяне. У нихъ точно такая же бѣдность, нужда и постоянные недочетки. Всѣ они почти такіе же крестьяне-мужики, неграмотные, невѣжественные и даже не сознающіе потребности выйти изъ такого положенія. Встрѣчаются, правда, между ними и такія еще семьи, въ которыхъ, не знаю ужъ почему, въ силу какихъ такихъ причинъ, сохранились еще кой-какіе признаки, «остатки прежняго величія». И такія семьи, на мой взглядъ, еще болѣе заключаютъ въ себѣ трагическаго, еще болѣе внушаютъ къ себѣ чувство сожалѣнія, и способны, кажется, тронуть сердце самаго безпристрастнаго наблюдателя. Съ такой семьей я познакомился въ Ярославскомъ погостѣ, отстоящемъ отъ Лодейнаго поля въ 70 верстахъ. Здѣсь мнѣ пришлось увидѣть ту же почти бѣдность, то же почти нищенство, но не лишенное нѣкоторыхъ замашекъ барства, прикрашенное кой-какими чертами, уцѣлѣвшими отъ прежняго широкаго житья. Въ домѣ у этихъ помѣщиковъ выглядѣть все чище и лучше; на столахъ «филейныя» салфетки; два-три мягкихъ стула изъ красного дерева, съ рѣзными вычурными спинками, облупившимися отъ времени, и расклеившимися ногами; въ углу икона художественнаго итальянскаго письма съ латинскою надписью, въ родѣ: *Gloria in excelsis Deo...* Уцѣлѣлъ такъ же сундукъ съ книгами, чтеніемъ которыхъ въ лучшую пору своего существованія занимали себя помѣщики и помѣщицы, но которыми теперь не интересуются, или вѣрнѣе, которыхъ не умѣютъ читать молодое поколѣніе. Я любопытствовалъ, что это за книги, — и нашелъ, что это были — нѣсколько разрозненныхъ томовъ исторіи Карамзина, проповѣди Массильона и нѣсколько книжекъ Библіотеки для чтенія. Эти дворяне любятъ пить кофе и въ день ухитряются напиться его нѣсколько разъ. Кофеемъ ихъ снабжаетъ мѣстный лавочникъ - кабатчикъ, который иногда, за неимѣніемъ денегъ, но брезгуетъ брать и вещами, въ родѣ лисьяго мѣху отъ стараго салопа или старой бабушкиной шали... Дѣвицы-боярышни, еле грамотныя, очень любятъ наряжаться и одѣваются въ платья со всевозможными бѣчками, фестончиками и оборочками, подражая въ этомъ случаѣ мѣстнымъ поповнамъ — здѣшнимъ законодательницамъ модъ. А молодые дворяне носятъ непременно брюки поверхъ сапоговъ, «на выпускъ», и рубаху, заправленную въ штаны. Но что трагичнѣе всего въ этой семьѣ, такъ это старушка-бабушка, 80 лѣтъ, говорящая по французски, образованная и въ то же время какъ бы не сознающая

дѣйствительнаго положенія вещей, совершенно не замѣчающая ни бѣдности, ни невѣжества своихъ семейныхъ.

— Марй, Марй,—обратилась она къ одной изъ своихъ внучекъ, молоденькой дѣвочкѣ, которая стѣснилась и не хотѣла подойти ко мнѣ поздороваться,—Мари, фуй, какъ это тебѣ не стыдно... сдѣлай реверансъ...

Дѣвочка упрямо опустила голову и застѣнчиво закрылась рукавомъ холщевой рубашенки:

— Я тебѣ говорю—сдѣлай реверансъ...

Дѣвочка не понимала бабушки, а бабушкѣ въ свою очередь казался непросительно невѣжественнымъ поступокъ внучки.

Такая старушка показала мнѣ — по истинѣ заблудившейся, заблудившейся случайно среди этихъ малограмотныхъ, невѣжественныхъ внучать, и сознаюсь, она-то и произвела на меня самое сильное, самое горькое впечатлѣніе.

Вообще — бѣдно живутъ оятскіе дворяне, такъ бѣдно, что нужда заставляетъ ихъ иногда идти въ работники къ своему же бывшему мужику или заниматься извозомъ, ѣздить на козлахъ въ качествѣ ямщика. И сколько бываетъ въ такой его жизни сценъ, полныхъ самаго горькаго комизма! Мнѣ рассказывали, что случалось иногда, что проѣзжій, когда онъ торопился ямщика — ѣхать поскорѣй, получалъ отъ послѣдняго такой гордый отвѣтъ: «не бранись, баринъ, я такой-же дворянинъ, какъ и ты, если только еще не лучше». И въ удостовѣреніе своего званія представляется иногда и грамота, которую родовитый ямщикъ возитъ на всякій случай съ собой, за пазухою. Крестьяне не уважаютъ этихъ бояръ и смѣются надъ ними, вышучивая ихъ въ своихъ пѣсняхъ и пословицахъ: «семь дворянокъ верхомъ на одной кобылѣ ѣздить», «бара — по грому пара». О воспитаніи дѣтей дворяне очень мало заботятся. Съ ребенкомъ, какъ и у крестьянъ, до 7—8 лѣтнаго возраста водится «пѣстунья» — нянька, такая же суевѣрная и невѣжественная старуха, какія бываютъ въ крестьянскихъ семьяхъ. Потому, въ лучшемъ случаѣ, выучать ребенка читать и писать, а то иногда и такъ обойдется, совсѣмъ безъ «учобы», въ особенности если школа окажется далеко, въ другой деревнѣ, или почему-либо сами родители не захотятъ учить, руководясь, вѣроятно, тѣмъ, что грамота все равно «ни къ чему»...

— «Куда нашимъ ребятамъ учоба?.. не сенаторами же имъ быть»?..

Подобный отвѣтъ пришлось слышать и мнѣ лично изъ устъ дворянина. И когда я сталъ возражать ему, доказывая всю неосновательность такого страннаго мотива, и сослался при этомъ на примѣръ одного изъ ихъ родственникововъ, который еще въ недавнее время занималъ видный административный постъ...

— «Ну, полно, братъ,—перебилъ дворянинъ,—Алексѣю (имя упомянутого родственника) такая линія вышла; онъ и губернаторомъ былъ; а мнѣ да мнѣмъ дѣтямъ не тянуться за нимъ...»

И вотъ, эта-то апатія, эта полная примиренность съ тѣмъ, что существуетъ въ наличности, — и есть, кажется, самое горькое, самое тяжелое во всѣхъ рѣчахъ и жизни бывшего помѣщика. Иной на его мѣстѣ, если бы не могъ сдѣлать ничего лучшаго, такъ, по крайней мѣрѣ, ругался бы, злился бы и тѣмъ выражалъ бы скрытую въ немъ энергію, желаніе сравнительно лучшей жизни, стремленіе переимѣнить и улучшить свою участь. Но нѣтъ, у оятскаго дворянина даже и этого не замѣтно. Онъ какъ-то свылся, махнулъ на все рукой, примирился со всѣмъ, и это настроеніе вполне выражаетъ въ своемъ тупомъ взглядѣ, въ своихъ ограниченныхъ запросахъ и въ самомъ покрививаніи, которое у него выходитъ до крайности благодушнымъ: «охохо... далъ бы Господь хлѣба, а на другое все—чихать»...

Двадцатилѣтняго боярина обыкновенно женятъ и выбираютъ ему въ жены боярышню сильную, работающую, выносливую, которая могла-бы быть хорошей работницей въ полѣ и дома. Бояринъ совершенно бываетъ доволенъ, когда одѣнетъ въ праздничный день казинетовый «пинжакъ», изъ «чортовой кожи штаны», черные, съ сборчатыми голенищами сапоги, красный платочекъ съ желтенькими цвѣточками на шею да выбрѣтетъ еще бороду, и ему куда-какъ весело. Онъ гордо рассказываетъ по деревнѣ и не преминетъ выпить лишній стаканчикъ водки, до которой, слѣдуетъ сознаться, оятские дворяне большіе охотники. Бритая борода отличаетъ дворянина отъ крестьянъ. Но какъ за работами иногда и не до бритья, то не мудрено встрѣтить дворянина и съ бородой. Орудіемъ для бритья служить часто обломокъ косы, а мыломъ—парная баенка, гдѣ «бородка отъ жару сдѣлается мякенькой».

И живетъ такой помѣщикъ на свѣтѣ «ни шатко, ни валко», живетъ да кормитъ себя. И протечетъ его жизнь, и умретъ онъ, и, пожалуй, новое поколѣніе смѣнитъ его, и оно также останется въ томъ же состояніи, при тѣхъ же самыхъ мысляхъ, съ какими прожили его отцы и дѣды.

Съ странными и смутными впечатлѣніями я покинулъ дворянское селеніе. На берегу Свири, въ особенности на Вознесенской пристани (при истокѣ Свири), я наблюдалъ кипучую дѣятельность мѣстныхъ крестьянъ, нагружавшихъ и выгружавшихъ товарныя суда и барки, и по какому-то неотвязчиво-назойливому закону контраста я снова вспомнилъ дикую захолустную мѣстность Ояти съ ея захудалыми обитателями—боярами и искренно отъ сердца пожалѣлъ ихъ.

Кайваны или чухари ¹⁾.

Какъ ни страннымъ кажется, а у насъ почти въ срединѣ Россіи, вблизи столичныхъ городовъ, живутъ какіе-то особенные люди, инородцы, которыхъ мѣстные знатоки, какъ говоритъ одинъ корреспондентъ края, считаютъ за остатки чуди «бѣлоглазой», когда-то занимавшей обширныя пространства на восточно-европейской низменности. А между тѣмъ мы о нихъ ничего не знаемъ да, повидимому, нѣтъ признаковъ къ изслѣдованію этой народности. Дѣлая настоящее свое краткое сообщеніе объ этихъ инородцахъ, называемыхъ «кайванами», а русскіе называютъ ихъ «чухарями», мы обращаемъ вниманіе г.г. членовъ Географическаго общества на это, и желательно было бы собрать о нихъ болѣе подробныя свѣдѣнія. Кайваны обитаютъ на сѣверной и восточной окраинахъ Тихвинскаго уѣзда, Новгородской губерніи ²⁾. Народъ этотъ говоритъ на особомъ нарѣчій, не имѣющемъ вовсе письменности. Хотя и были попытки создать чухарскую азбуку, но безуспѣшно. По словамъ неизвѣстнаго автора («Русская жизнь» 1894 г. № 347), особенность чухарской грамматики та, что мѣстоименіе «она» стосытъ къ мужскому полу, а «онъ» къ женскому: о мужчинѣ говорятъ: «она идетъ, она пьетъ», а о женщинѣ: «онъ идетъ, онъ пьетъ».

Въ глухихъ кайванскихъ деревняхъ женщины и дѣти вовсе не знаютъ русскаго языка. Въ тавихъ деревняхъ заговорить по русски съ крестьянками или ребятишками бесполезно—отвѣта не получить. Отъ недостатка своей письменности чухари теряютъ много въ развитіи какъ нравственномъ, такъ и умственномъ. Въ школахъ иныхъ селеній, гдѣ учитель знаетъ и русское и чухарское нарѣчія, обученіе дѣтей въ первый годъ ихъ поступленія ведется по чухарски и уже со втораго года обученіе ведется по русски.

Въ чухарскомъ быту можно и теперь еще найти слѣды патриархальной древности и простоту нравовъ. Въ иныхъ селеніяхъ все уходитъ въ поле, не запирая избы на замокъ, зная, что никто не обокрадетъ. Въ баняхъ чу-

¹⁾ Сообщено 28 апр. въ засѣд. Этнограф. Отд. Императ. Рус. Геогр. Общ.

²⁾ «Чухари», «кайваны» живутъ и въ Лодзинскомъ уѣздѣ Олонцкаго губ. См. о въхъ предид. статью Н. О. Лѣскова. Языкъ ихъ финскій, нарѣчія очень близкаго къ корельскому.

хари моются всё вмѣстѣ, безъ различія пола и возраста, свои и чужіе. Домохозяинъ, истопившій баню, идетъ по деревнѣ съ громкимъ призывомъ: «въ баню, въ баню», въ которую и устремляются всё. Въ чухарин до настоящаго времени можно встрѣтить курныя избы, въ которыхъ семья проводитъ зиму вмѣстѣ съ мелкимъ скотомъ. Печь занимаетъ больше четверти избы и кончается скотомъ. Противъ чеда въ потолокъ продѣлано отверстіе. При топкѣ дымъ наполняетъ избу; единственная дверь открывается. Ночью, въ зимнее время, курная печь служитъ спальней. Хозяинъ съ хозяйкой забираются спать внутрь печи ногами къ челу, а дѣти размѣщаются на шестѣ, чтобы ноги прилились къ ногамъ старшихъ, а головами врозь.

Относительно внѣшности чухарей, ихъ нравственныхъ качествъ и т. п. свѣдѣній почти нѣтъ. Извѣстно только, что пьянствуютъ кайване только по большимъ праздникамъ, и вообще пьяницъ между ними не замѣчается. Одѣваются просто. Мужчины ходятъ въ бѣлыхъ балахонахъ, а лѣтомъ въ одномъ бѣльѣ изъ домашняго грубаго холста; женщины предпочитаютъ сарафаны изъ «пестрадины» мѣстнаго издѣлія,

Чухарь живетъ бѣднѣе своего сосѣда русскаго крестьянина. Бѣдность его происходитъ не отъ лѣни, а отъ природы, которая очень плоха и является для нихъ хуже мачехи. Мѣста, занятая этой народностью, плохи: почва—глина или песокъ или камень. Удобренія для почвы взять негдѣ, такъ какъ болѣе половины его растрачивается непроизводителью въ зимнюю пору. Зимой все рабочее населеніе со всѣми наличными лошадьми живетъ въ лѣсу на лѣсномъ промыслѣ, и конскій навозъ бесполезно пропадаетъ въ лѣсахъ, а прочаго скота крупнаго и мелкаго держать мало, по недостатку выгоновъ для пастбы лѣтомъ и луговъ для заготовки сѣна на зиму. Суровый климатъ дозволяетъ чухарямъ сѣять рожь и овесъ на поляхъ, картофель да капусту на огородахъ. Хищные звѣри же мало наносятъ вреда ничтожному чухарскому скотоводству.

Кромѣ лѣсовъ, чухарская сторона изобилуетъ еще множествомъ озеръ, хотя и небогатыхъ рыбою, но изобилующихъ дичью. Край этотъ удаленъ отъ городовъ; сообщеніе между селами и деревнями часто поддерживается только по тропамъ. Въ иныхъ чухарскихъ деревняхъ на все селеніе существуетъ одна телѣга, да и то первобытнаго устройства. Есть деревни, изъ которыхъ лѣтомъ нельзя выѣхать даже и на телѣгѣ, тогда приходится ѣхать на такъ называемыхъ «смычкахъ» (особаго рода экипажъ). «Смычки» это двѣ длинныя жерди, которыя припрягаютъ къ лошади, какъ оглобли экипажа; по срединѣ длины этихъ жердей укрѣпляютъ дощечки, и на нихъ кладутъ багажъ, путникъ-же долженъ идти или ѣхать верхомъ. Есть чухарскія селенія,

изъ которыхъ нѣтъ выхода даже и на «смычкахъ». Въ такихъ совершенно глухихъ селеніяхъ иные чухари боятся встрѣтиться одинъ на одинъ съ постороннимъ человекомъ; завидѣвъ чужаго, прячутся куда попало, подъ кусты въ чащу, пока тотъ не пройдетъ далеко мимо. Конечно, эти краткія отрывочныя свѣдѣнія не даютъ намъ надлежащаго представленія объ этой народности, а между тѣмъ въ ней есть не мало интереснаго и поучительнаго съ этнографической стороны, которыя и желательно было-бы детально изслѣдовать. Можетъ быть найдутся кто-нибудь изъ нашихъ членовъ, которые пожелають ближе изучить чухарей. А если нѣтъ, то я предложилъ-бы Обществу свестись съ кѣмъ-нибудь изъ мѣстныхъ интеллигентныхъ жителей и просить ихъ доставить свѣдѣнія, приложивъ для этого и вопросы пункты ¹⁾).

Д. П. Никольскій.

¹⁾ Можно обратиться за свѣдѣніями къ священнику с. Корвиль Тихвинскаго уѣзда, села Ваньвѣра. Думаю, можно было-бы обратиться къ инспектору народныхъ училищъ Тихв. уѣзда, при помощи котораго чрезъ учителей такъ-же удобно получить свѣдѣнія.

Летомъ.

О Бесермянахъ.

(Этнографическія замѣтки) ¹⁾.

Среди нашихъ инородцевъ есть еще не мало такихъ, о которыхъ мы имѣемъ крайне скудныя свѣдѣнія, если не сказать болѣе. Въ числу такихъ инородцевъ относятся Бесермяне, составляющіе небольшой остатокъ одной какой-то загадочной народности, заброшенной въ сѣверо-восточную часть Россіи, именно въ Глазовскій уѣздъ Вятской губ. Что это за инородцы, откуда они явились, какіе ихъ отличительные признаки въ этнографическомъ, культурномъ и т. д. отношеніи остаются для насъ совсѣмъ неизвѣстными. Только въ послѣднее время, благодаря работѣ г. Штейнфельда ²⁾, мы кое-что узнаемъ объ этой народности, хотя все же далеко не все то, что желательно было бы. Вотъ съ этими то данными г. Ш. мы желаемъ ознакомить васъ, милостивые государи.

Авторъ раздѣлилъ свое изслѣдованіе о Бесермянахъ или бесерменахъ на слѣдующія главы: въ первой излагаются историческія и этнографическія свѣдѣнія о бесерменахъ; отсутствіе литературныхъ источниковъ; современная статистика бесерменскаго населенія; во второй описываются жилища ихъ, нѣкоторыя историческія соображенія (о чумѣ), внутреннее устройство дома, утварь, орудія земледѣлія; въ третьей—внѣшній видъ бесермянъ; одежда, пища; нравственныя черты; грамотность и школы; въ четвертой — вѣрованія, преданія и суевѣрія; знахарство и колдовство; въ пятой—свадебные обряды, игры и развлечения; народное творчество; отношенія къ сосѣдямъ; въ шестой—языкъ и его грамматика; седьмая—кто такіе бесермяне?

Не имѣя сколько нибудь точныхъ данныхъ для того, чтобы съ увѣренностью отнести бесермянъ къ одному племени, по установленной въ наукѣ классификаціи, изслѣдователи, которымъ приходилось (Золотницкій, Спицынъ, М. Куроптевъ, Смирновъ, Маліевъ и др.) и приходится вскользь упоминать объ этой народности, ограничиваются, обыкновенно, выраженіемъ гадательнаго

¹⁾ Сообщено 28 апр. въ засѣданіи этнографическаго Отд. Имп. Рус. Геогр. Общ.

²⁾ Бесермяне. Опытъ этнографическаго изслѣдованія. Календарь и памятная книжка Вятской губ. на 1896 г.

предположенія о принадлежности ихъ въ тюркскому племени, именно къ группѣ древнихъ булгарь. Но предположенія эти основаны, большею частью, на филологическихъ основаніяхъ, на которыхъ, дѣйствительно, нельзя дѣлать окончательныхъ заключеній; здѣсь должны быть приняты во вниманіе историческія данныя, этнографическія и антропологическія.

Что касается историческаго происхожденія бесерменъ, то вопросъ этотъ совершенно не изслѣдованъ. Извѣстно только, что въ русскихъ государственныхыхъ актахъ и сочиненіяхъ путешественниковъ XVI и XVII вѣковъ въ числѣ жителей Вятской земли упоминаются и бесермене: что въ 1782 г. бесермены числились среди крестьянъ Глазовскаго и Слободскаго уѣздовъ, при чемъ, около одной трети ихъ значились некрещеными, а остальные крещеными, т. е. православными. Вятчане всегда считали ихъ чужеземцами, людьми пришлыми.

Даже самое слово «бесермены» или «бесермяне» остается не выясненнымъ. Одни полагаютъ, что это есть измѣненное старинное слово «басурманы» или «бусурманы», обозначающее въ до-петровской Руси иновѣрца вообще и мусульманина въ частности, тѣмъ болѣе, что существуютъ несомнѣнныя данныя предполагать что бесермены были прежде послѣдователями ислама. Другіе полагаютъ, что самое слово «бесермены» носитъ чисто финскій характеръ. На мадьярскомъ языкѣ (финскаго корня) есть даже совершенно однозвучное слово— Бесермены — названіе города въ Венгріи. Нѣкоторое косвенное значеніе для этнографіи бесерменъ, по словамъ автора, имѣютъ антропологическія изысканія профессора Маліева, относящіяся къ измѣреніямъ череповъ и костяковъ, найденныхъ при раскопкахъ болгарскихъ и чувашскихъ могильниковъ.

По послѣднимъ свѣдѣніямъ оказывается, что бесермены живутъ въ 7 волостяхъ Глазовскаго уѣзда, въ количествѣ 5929 человекъ, изъ нихъ мужчинъ 2886 и женщинъ 3043. Такимъ образомъ замѣчается значительное преобладаніе женщинъ надъ мужчинами. При чемъ бесерменское населеніе тѣсно смѣшано съ татарскими. Не вдалекѣ отъ бесерменскихъ селеній находятся и татарскія селенія. Такъ что татары и бесермены какъ бы вкраплены въ сплошную массу вотяковъ, составляющихъ главную массу населенія этого уѣзда. Русскія названія большинства занимаемыхъ бесерменами селеній указываютъ или на полное обрусеніе бесерменъ, или на то, что деревни эти основаны были русскими крестьянами. Есть названія и вятскія, оканчивающіяся на «шурь». «Все это, говоритъ авторъ, указываетъ на сильнѣйшее культурное подчиненіе бесерменъ тѣмъ народностямъ, среди которыхъ они здѣсь живутъ».

Въ семейной жизни бесермянъ до сихъ поръ сохранилось не мало патриархальности и простоты нравовъ. Семейная организація держится подъ главенствомъ родоначальника весьма прочно. Во взаимныхъ отношеніяхъ другъ

съ другомъ они соблюдаютъ сдержанность и мягкость. Ни брани, ни крупныхъ ссоръ, ни побоевъ со стороны мужа женъ, ни замѣтнаго пьянства среди нихъ не наблюдается. По натурѣ бесермене очень спокойны, кротки, довѣрчивы. Составъ семействъ всюду весьма значительный; въ среднемъ на каждую семью не менѣе 10 чел., колеблясь въ предѣлахъ отъ 5 до 23 человекъ. Семейные раздѣлы крайне рѣдки и только за послѣдніе 30 лѣтъ начало замѣчаться тяготѣніе къ раздѣламъ. Но даже и въ этихъ случаяхъ бесермены не всегда совершали раздѣлъ, а только строили отдѣльныя для каждой семьи жилья избы на одномъ и томъ же дворѣ. Старшій изъ братьевъ, послѣ смерти отца, оставался главою, и ему подчинялись всѣ остальные члены. Большой численный составъ семействъ даетъ каждому двору болѣе или менѣе крупную рабочую силу. По этому бесермяне въ общемъ живутъ зажиточно и въ качествѣ хозяевъ считаются несравненно исправнѣе своихъ сосѣдей татаръ. Земледѣліе ихъ главное занятіе, хотя земледѣльческая культура стоитъ не выше, чѣмъ у окрестнаго населенія; ни переселеній, ни отхожихъ промысловъ у нихъ не замѣчается. Равно ремесла и побочные промыслы также въ примитивномъ состояніи. Есть между ними хорошіе пчеловоды. Огородничество у бесермянъ развито лишь настолько, чтобы удовлетворить собственнымъ потребностямъ.

По наружному виду селенія бесерменъ производятъ въ общемъ унылое впечатлѣніе, благодаря отсутствію зелени. Улицы кривыя, переулки необыкновенно узки, грязны и неудобны для проѣзда. Нѣтъ ни одного сада, ни даже дерева. Во всемъ этомъ замѣтно сильное вліяніе сосѣднихъ вояковъ. Селенія во многомъ напоминаютъ вояцкія: тѣже высонія жилья избы съ малымъ количествомъ оконъ, тоже крытое крыльце съ боковымъ входомъ; на дворѣ тотъ же двухэтажный амбаръ съ галлереей. Въ задней половинѣ двора, въ глубинѣ усадебнаго моста, стоятъ таже деревянная постройка съ дымовымъ отверстіемъ вмѣсто трубы, на поперечной балкѣ посреди его виситъ большой чугунный котелъ, подъ которымъ устроено изъ дикаго камня нѣчто въ родѣ очага. Это строеніе называется «чумъ», составляющій отголосокъ древней культуры нашихъ восточныхъ инородцевъ-черемисъ, вояковъ, остяковъ, чувашей и башкиръ. Возлѣ стѣнъ чума расположены скамьи или нары; здѣсь же бесермене варятъ свою «кумышу», лѣтомъ вся семья обѣдаетъ и ужинаетъ въ чумѣ, ибо всѣ они выѣзжаютъ изъ избы. Какъ видно, это обычай старины.

Въ отношеніи происхожденія чума собственно у бесерменъ никакихъ опредѣленныхъ предположеній высказать нельзя. Эти инородцы до такой степени усвоили себѣ привычки, вѣрованія и даже языкъ своихъ сосѣдей, преимущественно вояковъ, что отличить въ ихъ быту самобытное отъ заимствован-

наго далеко не легкая задача. Если допустить, что бесермены, какъ предполагаютъ нѣкоторые, прямые потомки волжскихъ булгаръ,—народности, достигшей въ свое время сравнительно высокой степени культуры, то, конечно, они должны были уже съ давнихъ временъ принять иной типъ построекъ, болѣе совершенный, и тогда слѣдуетъ придти къ заключенію, что чумы были позднѣе заимствованы бесерменами у вотяковъ, которыхъ они застали въ Вятской области, или же у татаръ, съ которыми, вѣроятно, пришли сюда съ Волги. Не останавливаясь на внутреннемъ устройствѣ бесерменской избы, почти не отличающейся отъ устройства обыкновенной русской, замѣтимъ лишь, что у нихъ есть «курныя» или «черныя» избы, лишенныя вовсе дымовой трубы, и только въ стѣнѣ есть отверстіе. Въ бѣлыхъ избахъ, сходныхъ по внѣшнему виду съ вятскими, подъ поломъ устраивается помѣщеніе для мелкаго света, который живетъ тутъ всю зиму. Рядомъ съ топкой печи остается прежній очагъ или «огнище», лѣвая половина шестка углублена и надъ этимъ углубленіемъ виситъ чугунный котелъ. Посуда и утварь ничѣмъ не отличаются отъ русскихъ — вся домашняго или мѣстнаго производства. Принадлежности столоваго бѣлья изготовляются бесерменками дома, какъ и вообще всѣ матеріи, необходимыя въ домашнемъ быту. Рисунки заимствуются у вотяковъ. Преобладающій узоръ—квѣтки, и цвѣта красный и синій.

Что касается внѣшности, то бесермяне довольно рѣзко выдѣляются изъ среды окружающихъ ихъ инородцевъ. Они въ большинствѣ случаевъ средняго роста; чаще брюнеты и темнорусые, чѣмъ бѣлокурые; рыжихъ почти нѣтъ. Глаза у нихъ варіе или вообще темные. Складъ головы и строеніе костей черепа близко похожи на болгарскія или чувашскія, овалъ лица продолговатѣе и красивѣе, чѣмъ у вотяковъ, хотя скулы и у бесерменъ довольно сильно развиты и глаза иногда узки, но безъ признаковъ монгольскаго воглазія. Встрѣчаются горбоносые профили, но чаще носъ широкъ и нѣсколько приплюснутъ. Большинство мужчинъ стрижется коротко, иногда подъ гребенку. Волосы не вьются. Женщины, особенно же молодыя дѣвушки, имѣютъ красивую стройную фигуру. Съ сосѣдями своими, татарами, бесермены по наружности сходны менѣе всего.

Браки между бесерменами, русскими и вотяками создали въ нѣкоторыхъ семействахъ смѣшанный типъ, приближающійся къ русскому или вотскому. Дѣти, происходящія отъ смѣшанныхъ русско-бесерменскихъ браковъ, уже не считаютъ себя инородцами. Они говорятъ: «мы русскіе, только бесерменскаго рода».

Относительно одежды бесерменъ, она во многомъ у мужчинъ сходна съ русскою, между тѣмъ женскій костюмъ крайне оригиналенъ «и русскіе фасоны, говоритъ г. Штейнфельдъ видимо, долго еще его не вытѣснятъ».

Бостюмъ дѣвушекъ и замужныхъ женщинъ ничѣмъ не отличается одинъ отъ другаго. Главное украшеніе бесермянки состоитъ изъ ея головнаго убора. Въ этомъ отношеніи соблюдается строгое разграниченіе между замужными женщинами и дѣвушками разныхъ возрастовъ. Маленькія дѣвочки носятъ круглую шапочку въ родѣ мужской татарской «тубетейки». Дѣвушки съ 14—15 лѣтъ носятъ другой головной уборъ «татыю». Головные повязки замужныхъ женщинъ или «кошпу» состоятъ изъ подобія русскаго кокошника, обшитаго по нижнему краю галуномъ и богато украшеннаго монетами. Она гладко приложена къ волосамъ, закрывая часть лба и переднія пряди волосъ.

Относительно пищи бесерменъ нужно замѣтить, что она проста: каша изъ крупъ мѣстнаго производства, картофель, горохъ, лукъ и капуста составляютъ вмѣстѣ съ хлѣбомъ ихъ обычную пищу. Чай входитъ въ употребленіе, но не быстро. Мясо ѣдятъ не часто—но предпочитаютъ всегда конину говядинѣ. Въ этомъ сказывается рѣзкое вліяніе старыхъ мусульманскихъ привычекъ, замѣчаемое всюду и среди крещеныхъ татаръ, которые, принявъ 300—400 лѣтъ тому назадъ православіе, остались до сихъ поръ вѣрны обычаямъ старины; свинину считаютъ не пригодною въ пищу, потому что она «поганая». Почему-то бесермяны не ѣдятъ моркови, которой въ огородахъ вовсе и нѣтъ. Женщины варятъ домашнее черное пиво.

По характеру, какъ замѣтилъ, бесермены тихи и скромны. Не лишены умственныхъ способностей и весьма воспримчивы. Тамъ, гдѣ есть училища, бесерменскія дѣти посѣщаютъ ихъ довольно исправно, хотя процентъ грамотныхъ бесерменъ въ общемъ весьма ничтоженъ. Женщины же совсѣмъ не обучаются въ школахъ, говорить по русски почти никто не можетъ. За то они всѣ знаютъ вотяцкій языкъ и отчасти татарскій. Мужчины говорятъ по русски, хоть съ своеобразнымъ акцентомъ, близкимъ къ вотцкому.

Хотя бесермяне числятся православными (не извѣстно время обращенія ихъ въ православіе), но въ религіи ихъ не мало еще языческаго. Напримѣръ: существуетъ обычай приглашать къ умершему бесермянину татарскаго муллу, послѣ русскаго священника. По словамъ наблюдений автора, этотъ старинный обычай имѣетъ историческое основаніе. Въ нѣкоторыхъ обрядахъ послѣ похоронъ есть сходство съ черемисскими обрядами. Бесермяне очень суевѣрны. Повседневная жизнь ихъ обставлена множествомъ различныхъ примѣтъ, предразсудковъ и повѣрій. Въ лѣсу, по ихъ мнѣнію, царитъ злой лѣсной духъ «кириметь» (заимствовано или у вотяковъ или черемисъ); въ водѣ особый злой духъ—«ву-муртъ»—ихъ, какъ злыхъ духовъ, стараются всѣми средствами умилостивить. Такъ напримѣръ: каждая новобрачная приноситъ водяному дары, состоящіе изъ мѣдной монеты и куска хлѣба. Осенью совершается

всеобщее жертвоприношеніе киримету, состоящее изъ барановъ, которые и закалываются подъ священнымъ деревомъ. Шкуры барановъ оставляются тутъ же (тоже, какъ мы наблюдали, дѣлается у черемисъ, которые оставляютъ кожу животнаго, обыкновенно лошади), а остальное варятъ и сѣдуютъ, запивая кумышкой или водкой. Если человѣкъ заболѣетъ, то бесермяне иногда приносятъ совершенно особую исключительную жертву, называемую «куэсковъ». Передъ началомъ весеннихъ полевыхъ работъ бесермяне справляютъ особый языческій праздникъ подъ названіемъ «окаашка». Обычай этотъ несомнѣнно заимствованъ у татаръ, гдѣ онъ носитъ имя «сабинъ» или «сабантуй». Состоятъ онъ въ томъ, что каждый глава семьи выѣзжаетъ въ поле съ сохой и проходитъ три борозды, затѣмъ сѣетъ нѣсколько горстей овса. Послѣ этого всѣ семьи располагаются тутъ же въ полѣ и начинается взаимное угощеніе, и затѣмъ всѣ возвращаются въ деревню, гдѣ происходитъ гульба и кутежъ въ теченіи трехъ или четырехъ дней. Въ полѣ молодежь устраиваетъ игры, пляску, хороводы, бѣга и т. п. увеселенія.

Перехода къ описанію свадебныхъ обрядовъ, игръ, развлеченій и т. п. авторъ подробно останавливается на свадебныхъ обрядахъ. Браки у бесермянъ всецѣло зависятъ отъ родителей жениха и невѣсты. Мужчинъ женить обыкновенно года за три до отбыванія воинской повинности, а дѣвушекъ рано замужъ не выдаютъ. За невѣсту выплачивается калымъ наличными деньгами, размѣръ калыма не превышаетъ, обыкновенно, 30 руб., но бываетъ и гораздо ниже, смотря по средствамъ жениха и его семьи. Приводимъ здѣсь описаніе этихъ обрядностей.

Послѣ окончательнаго сговора назначаютъ день свадьбы. Наканунѣ свадьбы къ невѣстѣ собираются ея подруги и родня—мужчины и женщины. Невѣсту садятъ въ передній уголъ, и она начинаетъ плакать безъ всякихъ причитаній. Тогда отецъ ея беретъ ковшъ съ пивомъ, опускаетъ туда какую нибудь монету и подаетъ невѣстѣ. Въ это время дѣвушки поютъ слѣдующую коротенькую бесермянскую пѣсню. «Прежде, когда ты у отца просила денегъ, ихъ не было, а теперь нашлись». Невѣста принимаетъ ковшъ и выпиваетъ пиво, а деньги беретъ себѣ. Послѣ отца такимъ же образомъ подаетъ ей пиво съ монетою мать, затѣмъ всѣ старшіе родственники. Церемонія сопровождается тѣмъ же припѣвомъ.

Но невѣста не обязана каждый разъ выпивать весь ковшъ: она только отхлебываетъ изъ него и передаетъ подругамъ, которыя, въ свою очередь, отпиваютъ по глотку, передавая каждая другъ другу, а та, которой достанется послѣдній глотокъ, беретъ себѣ монету. Такимъ образомъ ковшъ долгое время наполняется вновь и ходитъ по рукамъ, пока не одарятъ деньгами всѣхъ подругъ невѣсты. Этимъ и заканчивается несложный обычай дѣвичника.

Въ день свадьбы къ жениху въ домъ утромъ прїѣзжаютъ поѣзжане съ пѣснями, въ сопровожденіи музыканта, который играетъ на волынкѣ. Почти всѣ пѣсни заимствованы у русскихъ, но слова исковерканы до неузнаваемости или частію замѣнены бесерменскими выраженіями. Мотивы также заимствованы; есть, впрочемъ, и самобытные, которые отличаются мелодичностью, но будучи лишены сложныхъ варіацій, довольно монотонны. Волынщикъ не аккомпонируетъ пѣвцамъ, а играетъ самостоятельно въ промежуткѣ между пѣніемъ, такъ что музыка длится непрерывно. Поѣзжанъ угощаютъ завтракомъ родители жениха. Въ это же время сюда собираются всѣ его родные, приглашаемые сопровождать свадебный поѣздъ. Закусивъ и выпивъ вина, поѣзжане ѣдутъ въ домъ невесты и здѣсь, войдя въ избу, будятъ ея отца, который притворяется спящимъ на печкѣ или на лавкѣ. Разбудивъ, его угощаютъ привезеннымъ съ собою виномъ, и затѣмъ поѣзжане возвращаются къ жениху. Тотчасъ по возвращеніи они опять ѣдутъ къ отцу невесты и увозятъ ее одну въ заранѣе приготовленный домъ кого-нибудь изъ сосѣдей или ея родныхъ, и оставляютъ тамъ, а сами, захавъ за женихомъ и его тысяцкимъ, опять ѣдутъ къ ея отцу; но здѣсь уже ворота заперты: ихъ караулятъ младшіе братья невесты, которые и берутъ съ поѣзжанъ денежный выкупъ за то, чтобъ отпереть ворота. Все это сопровождается музыкою волынки, которая всюду сопутствуетъ поѣзжанамъ. Поѣзжанъ во дворѣ встрѣчаютъ отецъ и мать невесты хлѣбомъ солью съ пивомъ и виномъ, котораго должны всѣ отвѣдать.

Въ это время женихъ съ тысяцкимъ стоятъ сзади всѣхъ и только что женихъ хочетъ двинуться впередъ, какъ два родственника невесты развертываютъ передъ нимъ полотенце и, держа его за два конца, не пропускаютъ дальше жениха. Напирая грудью на полотенце, онъ доходитъ до дверей избы и здѣсь говоритъ: «пустите, я подамъ вамъ вина». Тѣ пьютъ вино и опускаютъ полотенце. Жениха тогда ведетъ и садитъ на лавку, подъ иконы, его будущая теща, которая кладетъ ему подъ сидѣнье кусокъ какой-нибудь матеріи на одежду въ подарокъ жениху. Женихъ благодаритъ и привстаетъ съ лавки, а въ это время тысяцкій ловко выдѣргиваетъ изъ подъ него матерію и прячетъ ее въ особый кошель, который для этой цѣли виситъ всегда у тысяцкаго черезъ плечо. Послѣ этого женихъ садится за столъ, и начинается угощеніе для всѣхъ присутствующихъ. Послѣ угощенія поѣзжане идутъ съ женщинами и дѣвушками, приглашенными на свадьбу, въ амбаръ смотрѣть приданое. Здѣсь всѣ присутствующіе шутятъ надъ бѣдностью родителей невесты и для смѣха бранятъ качество приданого въ болѣе или менѣе остроумныхъ выраженіяхъ. Затѣмъ всѣ возвращаются за женихомъ и вмѣстѣ съ

нимъ идутъ (все время съ музыкой и пѣснями) къ невѣстѣ, гдѣ женихъ сыплетъ ей въ пригоршни мелкія монеты, а невѣста за это цѣлуетъ его. Присутствующія женщины по очереди подносятъ ей ковшъ съ пивомъ и дарятъ тоже деньги. Затѣмъ всѣ, кромѣ новѣсты, уходятъ въ домъ ея отца и здѣсь посреди избы складываютъ въ груду всѣ предметы свадебнаго наряда невѣсты—подарокъ жениха.

Вокругъ этой одежды образуютъ хороводъ, который подъ звуки волынки пускается въ плясъ, хлопая въ тактъ музыки ладошами. Послѣ этого несутъ нарядъ къ невѣстѣ, и женщины переодѣваютъ ее, между тѣмъ какъ мужчины отправляются въ амбаръ и несутъ сундукъ съ приданымъ въ домъ отца невѣсты и ставятъ его посреди избы. Женщины вслѣдъ за этимъ приводятъ туда переодѣтую невѣсту. Ее садятъ на сундукъ съ приданымъ. Она начинаетъ плакать; дѣвушки припѣваютъ по бесерменски: «милыя ворота, вы остаетесь, изба, ты остаешься, сѣни, вы остаетесь, отъ меня», и т. д., перечисляя всѣ предметы, которые невѣста съ этого дня покидаетъ на вѣки. Наконецъ поѣзжане кричатъ по русски: «походъ, походъ!» Тогда женихъ и невѣста встаютъ рядомъ и кланяются по очереди въ ноги всѣмъ старшимъ родственникамъ, которые во время этихъ поклоновъ сидятъ на лавкахъ. Родители и родные послѣдній разъ дарятъ жениху и невѣстѣ деньги. Поѣзжане подаютъ отцу и матери невѣсты по ковшу пива. Тѣ выпиваютъ и послѣ этого поднимаютъ и цѣлуютъ жениха и невѣсту, которые лежатъ у ихъ ногъ. Затѣмъ женихъ и невѣста идутъ во дворъ въ сопровожденіи поѣзжанъ и всѣхъ приглашенныхъ. Передъ тѣмъ, какъ невѣста садится въ телѣгу или сани, женихъ ударяетъ ее три раза по плечу кистями отъ головнаго убора для новобрачныхъ, называемаго «шюлепъ». Этотъ аллегорическій обычай указываетъ на будущую власть мужа. Невѣста ѣдетъ въ церковь (всѣ бесермяне Глазовскаго уѣзда православныя), въ сопровожденіи одной родственницы. Поѣзжане провожаютъ ее дома за три, а затѣмъ возвращаются за женихомъ, который ѣдетъ съ тысяцкимъ. Его поѣзжане провожаютъ до туда же и вновь возвращаются, чтобы отъ имени жениха благодарить отца и мать невѣсты, послѣ чего весь поѣздъ отправляется въ церковь.

Отъ вѣнца всѣ возвращаются въ домъ новобрачнаго. Войдя во дворъ, новобрачная мѣдною монетою проводитъ три раза отъ головы до хвоста по спинѣ телки, которую дали ей въ приданое. Затѣмъ, монету она кладетъ на лобъ телки, послѣ чего всѣ идутъ въ домъ. Родители новобрачнаго встрѣчаютъ молодыхъ у крыльца съ хлѣбомъ солью и пивомъ, котораго молодые должны отвѣдать. Войдя въ избу всѣ садятся за столы, и начинается обильное угощеніе; тѣмъ собственно свадебные обряды и оканчиваются.

На третій день послѣ свадьбы къ молодымъ приходятъ поѣзжане съ музыкантомъ, и всѣ вмѣстѣ отправляются на рѣку или къ проруби, если дѣло происходитъ зимой. Здѣсь молодая «бросаетъ въ воду кусокъ хлѣба, масло и мѣдную монету, произнося по бесерменски слѣдующую фразу: «чтобы вода меня не пугала, обмывала и не хваталъ-бы вумуртъ» (водяной). Затѣмъ, новобрачные и поѣзжане возвращаются домой и молодые еще разъ дарятъ музыканта и поѣзжанъ. Затѣмъ всѣхъ угощаютъ оладьями. Такъ вступаютъ въ жизнь чета молодыхъ бесермянъ.

По выше приведенному можно судить о томъ, что пляски и хороводы вообще развиты у бесерменской молодежи. На святкахъ и масляницѣ дѣвушки составляютъ хороводы и переходятъ съ ними изъ дома въ домъ. Зимой устраиваются посидѣлки съ участіемъ молодыхъ парней. Мотивы пѣсенъ довольно мелодичны, хотя и своеобразны. Но текстъ пѣсенъ почти всегда представляетъ собою безсвязный или даже и совершенно бессмысленный наборъ словъ. Всѣ пѣсни состоятъ изъ одного коротенькаго куплета, повторяющагося множество разъ. Пѣсни, заимствованныя у русскихъ, въ большинствѣ случаевъ переложены на бесерменскіе мотивы, и текстъ изуродованъ до неузнаваемости. Авторъ приводитъ отрывки изъ нѣсколькихъ пѣсенъ. Съ народными бесерменскими сказками происходитъ тоже самое. Большинство ихъ заимствовано у вотяковъ или-же принесено солдатами изъ разныхъ мѣстъ Россіи и передѣланы на бесерменскій вкусъ.

Разговорный языкъ бесермянъ пестритъ словами или цѣликомъ заимствованными изъ языковъ сосѣднихъ инородцевъ или-же словами чужаго только корня. «Такимъ образомъ, говоритъ авторъ, разобраться въ массѣ наносныхъ элементовъ и извлечь изъ словаря бесермянъ коренныя бесерменскія слова представляется и для опытнаго филолога далеко не легкимъ». Языкъ вотяковъ почти цѣликомъ принятъ бесерменами: разговаривая каждый на своемъ языкѣ, вотякъ и бесермянинъ свободно понимаютъ другъ друга. «Можно положительно утверждать, говоритъ г. Ш., что бесермяне, будучи родомъ съ Волги, не могли быть финнами. Слѣдовательно, они приняли языкъ вотяковъ». Авторъ приводитъ сравнительныя данныя бесерменскихъ словъ съ вотскими, изъ которыхъ ясно видно вліяніе вотскаго языка на бесерменскій. Наприм.: амбаръ по бесерменски «кенизъ», вотски «кѣназъ», бабушка по бесерм. «иба», вотски «ибай», заяцъ «луткезъ» и «луткечъ». Встрѣчается не мало словъ татарскихъ и чувашскихъ.

Грамматика бесермянскаго языка совершенно тождественна съ вотскою грамматикою. Что касается произношенія, то бесермяне выговариваютъ слова гораздо мягче, нежели вотяки. Грубое окончаніе неопредѣленнаго наклоненія

«ны» у бесермянъ смягчается, напримѣръ, въ «нэ». Они вообще избѣгаютъ грубыхъ звуковъ. Подраздѣленія понятій на мужскія и женскія не существуютъ вовсе: родъ всѣхъ словъ одинъ. Множественное число въ именахъ существительныхъ и прилагательныхъ опредѣляется приставкой «осъ». Спряжение глаголовъ весьма просто и опредѣленно: оно совершенно одинаково для всѣхъ глаголовъ. На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ г. Штейнфольдъ категорически высказывается, что бесермяне представляютъ собою отдѣльную группу народности, сродной, можетъ быть, тѣмъ или инымъ сосѣдямъ, но также возможно, что совершенно чуждой и татарамъ и вотякамъ. Появленіе бесермянъ въ предѣлахъ нынѣшней Вятской губерніи тѣсно связано съ появленіемъ татаръ, но татаръ не казанскихъ, а татаръ, такъ называемыхъ, «карянскихъ», пришедшихъ на Вятку еще задолго до завоеванія Русскими Казани. Самая подвластность бесермянъ каринскимъ мурзамъ въ XV и XVI вѣкахъ указываетъ какъ-бы на то, что эти-то мурзы и привели съ собою бесермянъ, которые исповѣдывали ту-же магометову вѣру. Слѣдовательно, мурзы съ подвластными имъ татарами и бесермянами пришли сюда именно съ Волги, гдѣ они и приняли исламъ. Попавъ вмѣстѣ съ татарами въ среду вотяковъ, бесермяне охотно подчинились культурѣ послѣднихъ, переняли типъ ихъ построекъ, языкъ, вѣрованія и даже отчасти костюмъ, тогда какъ татары, живущіе бокъ-о-бокъ съ ними, остались до сихъ поръ самобытными въ значительной степени.

Эти соображенія, говоритъ авторъ, устраняютъ всякое вѣроятіе предполагать близкое племенное родство бесермянъ съ татарами или вообще тѣми народностями востока, которыя изъ глубины Азіи нахлынули въ XIII вѣкѣ на всю Европу. Съ другой стороны авторъ самъ-же допускаетъ въ виду нѣкоторыхъ данныхъ если не племенное родство, то все-же извѣстную близость бесермянъ къ чувшамъ. Для подтвержденія такого мнѣнія недостаточно тѣхъ соображеній, которыя приводятся авторомъ.

Допуская предположеніе, что родиною бесермянъ слѣдуетъ считать именно предѣлы бывшей Булгаріи, авторъ говоритъ: «кто знаетъ, быть можетъ, мы имѣемъ дѣло съ прямыми потомками этого могущественнаго нѣкогда народа, создавшаго на востокѣ обширное государство, разрушенное монгольскимъ нашествіемъ». Но для рѣшенія этого вопроса, чтобы установить принадлежность бесермянъ къ одному изъ болгарскихъ племенъ, у насъ нѣтъ положительныхъ данныхъ.

Но какъ-бы то ни было описываемая г. Ш. народность, оставшаяся до сихъ поръ почти неизвѣстною, въ настоящее время до нѣкоторой степени охарактеризована съ исторической и этнографической стороны. Желательно

было расширить изслѣдованіе бесерменъ и выяснитъ нѣкоторые вопросы, изъ которыхъ иные или совсѣмъ не затронуты авторомъ или мало затронуты. Такъ желательно было-бы знать ихъ народное право, нравственность, отношеніе къ преступленіямъ, религіозные обряды, воспитаніе дѣтей и т. п. И кромѣ того существенный пробѣлъ въ описаніи бесермянъ мы видимъ въ томъ, что нѣтъ анатоми-антропологическихъ и антропометрическихъ данныхъ,—но это не вина автора,—на основаніи которыхъ мы, быть можетъ скорѣе-бы подошли къ рѣшенію вопроса, къ какой, дѣйствительно, народности необходимо отнести бесермянъ.

Апрѣль 1895 г.

Д. П. Никольскій.

Бесермянами въ средн. вв. по (крайности въ XIII в.) назывались жители Харазма или Ховарезма (Хивы и Бухары). Въ первый разъ они упоминаются въ нашей лѣтописи подъ 1184 г.: «Пошелъ баше оканьный и безбожный и треклятый Кончакъ со множествомъ Половецъ на Русь, похулся яко плѣнити хотя грады Русскыѣ и пожсци огньмъ: баше бо обрѣлъ мужа таковаго Бесурменина иже стрѣляше живымъ огньмъ». Этотъ бесурменинъ былъ взятъ въ плѣнъ и приведенъ къ князю Святославу Вселоводовичу. (Ип. Л. 428—9). По словамъ Шлано Карпини Бесермены говорили языкомъ близкимъ къ половецкому, но были вѣры сарацинской. См. у Карамзина (Указ. Харазы). *Ред.*

Примѣчаніе: Укажемъ нѣкоторыя изъ селъ, гдѣ живутъ бесермяне, и куда можно было-бы обратиться черезъ священниковъ или жителей съ просьбою о доставленіи свѣдѣній о бесермянахъ. Въ Ежовской волости село Ежовское, д. Шамардановская, Ворциская, Балсаниковой волости дер. Гординская, Лѣтской волости Герасмурскій починокъ.

Восточная Волынь ¹⁾.

Нынѣшнимъ лѣтомъ я предпринялъ, по порученію Императорскаго Географическаго Общества, поѣздку по Овручскому, сѣверной части Житомирскаго и Новоградъ-Волынскаго уѣздовъ Волынской губ.; въ прошломъ году я объѣхалъ южную часть Житомирскаго уѣзда; такимъ образомъ, въ эти двѣ поѣздки, мною была обследована почти вся восточная половина Волынской губ., кромѣ средней полосы Новоградъ-Волынскаго уѣзда. Объ результатахъ моихъ наблюденій я и буду имѣть честь сдѣлать сообщеніе.

Прежде всего обрашу ваше вниманіе, что обследованная мною мѣстность хотя и входитъ въ составъ Волынской губ., но не можетъ считаться Волынью; въ глубокой древности значительная часть ея (если не вся) была населена древянами; съ самыхъ первыхъ моментовъ русской исторіи она вошла въ составъ Кіевского княжества, и съ тѣхъ поръ, почти непрерывно до самаго раздѣла Польши, составляла одно цѣлое съ Кіевщиной.—Правда, въ XIII в., во время упадка Кіевского княжества обособленный было подъ властью энергичнаго Рюрика Ростиславича въ отдѣльное княжество Овручъ, и развились на югѣ союзы свободныхъ городовъ, группировавшихся вокругъ Звягля и Котельнича (нынѣ г. Новоградъ-Волыньскъ и м. Котельня, Житомирскаго уѣзда), но это длилось очень недолго, и энергичная рука литовскихъ завоевателей вскорѣ вновь собрала всѣ земли бывшаго Кіевского княжества.

Подъ властью литовскихъ князей и польскихъ королей восточная Волынь опять стала однимъ административнымъ цѣлымъ съ Кіевщиной—Кіевскимъ воеводствомъ. — Во время казацкихъ войнъ этотъ край вмѣстѣ съ Кіевщиной отошелъ къ Южной Руси, западной границей которой по Зборовскому договору была рѣка Случь.

Послѣ войнъ Хмѣльницкаго, когда Кіевъ отошелъ къ Московскому государству, а область его осталась за Польшей, въ нынѣшнюю восточную Волынь былъ перенесенъ административный центръ воеводства Кіевского, и городъ Житомиръ сталъ его главнымъ городомъ.

Только съ присоединеніемъ къ Россіи, нынѣшняя восточная Волынь во-

¹⁾ Читано въ засѣданіи 28 октября 1894 г.

шла въ составъ Волынской губерніи и образовала три уѣзда послѣдней: Житомирскій, Овручскій и Новоградъ-Волынскій (городъ Новоградъ-Волынскъ тогда же получилъ свое нынѣшнее названіе; раньше онъ назывался Звяглемъ, подъ этимъ названіемъ онъ извѣстенъ народу и теперь).

Историческое прошлое уже даетъ нѣкоторое представленіе о населеніи восточной Волыни; уже слѣдуетъ ожидать, что населеніе этой мѣстности мѣнѣе, чѣмъ населеніе Западной Волыни, подверглось влиянію польской народности, да и основными своими чертами, и по языку, и по типу болѣе близко къ населенію Кіевской губ. и лѣво-бережной Малороссіи, чѣмъ къ населенію собственно Волыни. Все это такъ и есть; говоры Восточной Волыни почти свободны отъ полонизмовъ (польскихъ глагольныхъ образованій нѣтъ вовсе), на югѣ эти говоры очень близки къ украинскимъ, на сѣверѣ—къ говорамъ сѣверной части Кіевской губ., и еще ближе, какъ это ни странно, къ нѣкоторымъ говорамъ Черниговской губ.; такъ, говоръ Овручскаго уѣзда Волынской губ. очень мало отличается отъ говора Сосницкаго уѣзда Черниговской губ. То-же почти можно сказать о поэзіи, вѣрованіяхъ и обычаяхъ.

Но то-же историческое прошлое наложило на населеніе восточной Волыни черты, объединяющія его съ населеніемъ сѣверной Кіевщины, но отдѣляющія отъ лѣвобережныхъ украинцевъ, южныхъ Кіевлянъ и вообще областей, которыя знали казачество.—Населеніе восточной Волыни начиная съ XIII в. не жило политической жизнью. Казачества эта мѣстность совсѣмъ не знала; въ южной полосѣ восточной Волыни проходили еще кое-когда казачьи отряды, бывали сраженія, но въ этихъ движеніяхъ мѣстное населеніе играло незначительную роль — главными дѣятелями были припельцы изъ за Днѣпра. Во всякомъ случаѣ, если мѣстные крестьяне и подымались, чтобы соединиться съ казаками, то это были кратковременныя вспышки, ведшія за собой еще болѣе тяжелое рабство, а не систематическое отстаиваніе свободы. Страхнуть съ себя чужеземное иго, сложиться въ свои оригинальныя формы, какъ на Украйнѣ, народная масса этой мѣстности не могла. Что же касается до сѣверной (большей) половины восточной Волыни, то тутъ не было даже и такихъ проявленій политической жизни; здѣсь народъ спалъ буквально съ XIII в.

Результатомъ такихъ политическихъ условій является почти невѣроятная обезличенность населенія, національнаго самосознанія, не говорю уже патріотизма, здѣсь нѣтъ и въ поминѣ, воспоминаній о прошломъ—никакихъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ неясныхъ сказаній, связанныхъ съ названіями мѣстностей. Казацкихъ думъ нѣтъ, нѣтъ даже представленія объ историческомъ казакѣ, казакъ извѣстенъ населенію только донской, съ нагайкой въ рукахъ, въ роли полицейскаго.—Наконецъ здѣсь нѣтъ даже слова для обозначенія своей на-

родности (русскими они себя не считаютъ, это слово обозначаетъ великоросса).

Не особенно сильно въ населеніи восточной Волныи и чувство религіозности; если прибавить къ этому плачевное состояніе народнаго образованія, то вся эта масса населенія представитъ собой ужасающую картину нравственной безцвѣтности и беспомощности, а между тѣмъ этому населенію нельзя отказать въ даровитости, разнородно проявляющейся на югѣ и на сѣверѣ, въ чистотѣ нравовъ, особенно на югѣ, хотя тамъ и сосредоточены фабрики и войско, а также и въ любознательности, которая, при благопріятныхъ условіяхъ, переходитъ въ жажду высшей культурной жизни, въ любовь къ наукѣ и искусству.—Мнѣ пришлось встрѣтить крестьянина, ходившаго на работы съ книжкой Толстаго и изучавшаго нѣмецкій языкъ, чтобы прочесть Шиллера, который заинтересовалъ его въ переводѣ; приходилось видѣть парня лѣтъ 16-ти, зачитывавшагося книжками историческаго содержания и знавшаго наизусть не мало стихотвореній Пушкина.—

При другихъ условіяхъ это населеніе могло бы выдвинуть немало талантливыхъ учителей въ области науки и искусства; но пока оно во многихъ отношеніяхъ стоитъ на уровнѣ IX вѣка: міровоззрѣніе его до сихъ поръ языческое—пантеистическое; природа до сихъ поръ олицетворяется, вихрь является чертомъ, падающая звѣзда—сброшеною съ неба душою; домовые, вѣдьмы, русалки до сихъ поръ безпокоятъ воображеніе крестьянъ; болѣзни до сихъ поръ ходятъ въвидѣ старухъ или звѣрей.

По говору населеніе восточной Волныи можно раздѣлить на три полосы. Съ этимъ дѣленіемъ въ значительной мѣрѣ случайно совпадаетъ и различіе въ условіяхъ жизни.

Южную полосу, сѣверная граница которой идетъ приблизительно на 25 верстъ сѣвернѣе Житомира и черезъ Новоградъ-Волинскъ, занимаетъ область южно-малорусскихъ говоровъ, крайне близкихъ къ украинскимъ, отличающихся отъ послѣднихъ твердостью средняго *и*, спорадической замѣной *і* изъ *о* черезъ среднее *и*.

Слѣдующая полоса, не болѣе 40 верстъ шириною, имѣетъ систематически среднее *и* (или его замѣну *э*) изъ *о*, вмѣсто украинскаго *і*, *е*, *э*, *и* и дифтонги *іе* изъ *и*, тѣ-же звуки и *юо* изъ *е*, вмѣсто украинскаго *і*.

Еще сѣвернѣе идетъ полоса говоровъ сѣверно-малорусскихъ, на границѣ съ Минской губерніей дающая рядъ любопытныхъ переходовъ къ бѣлорусскимъ.

Отличительная черта ихъ — дифтонги *юо* (мѣстами также *уы* и *уе*), а также чистые *у* и *о* изъ стараго *о* вмѣсто украинскаго *і*, тѣ-же звуки, что

въ предыдущихъ говорахъ изъ *ъ* и *е* вмѣсто украинскаго *і*; большая мягкость ср. *ж*.

О мелкихъ подробностяхъ говоровъ разныхъ селъ говорить не буду, такъ какъ этому будетъ посвящена отдѣльная статья.

Относительной чертой всѣхъ говоровъ восточной Волыни является крайняя неустановленность какъ гласныхъ, такъ и согласныхъ; каждый почти звукъ стремится переходить въ сосѣдній: не говоря уже о безчисленныхъ неуловимыхъ колебаніяхъ средн. *ж* и дифтонговъ, *ж* стремится переходить въ *э*, *э* въ нѣкоторыхъ говорахъ въ *а*, *о* въ *у* и т. д.; согласные тоже подвержены колебаніямъ и произносятся не отчетливо: такъ *ж* приближается и иногда переходитъ въ *з* и обратно, *с* въ *ш*, *л* въ *р* (случай перехода *р* въ *л* не замѣчено). Всѣ говоры изобилуютъ велико-руссизмами.

Въ общемъ этотъ родъ говоровъ представляетъ собой какъ бы полную лѣстницу отъ подольскихъ говоровъ (чисто южно-малорусскихъ) къ бѣлорусскимъ, не переходя въ предѣлахъ губерніи ни въ тѣ, ни въ другіе.

Вся восточная Волынь до самаго недавняго времени была покрыта лѣсами, которые переходили даже въ Подолію; въ настоящее время эти лѣса странно опустошены, но остатки ихъ можно видѣть и теперь повсюду. Больше всего сохранилось лѣсовъ на западѣ и около города Житомира, меньше всего на крайнемъ югѣ и въ полосѣ переходныхъ говоровъ.—Почва восточной Волыни не изъ богатыхъ, только на самомъ югѣ идетъ полоса чернозема, сѣверная граница которой находится верстъ на 40 южнѣе г. Житомира; далѣе идетъ полоса супеску и суглинку съ небольшими оазисами чернозема; сѣверная граница этой полосы приблизительно совпадаетъ съ сѣверной границей южно-малорусскихъ говоровъ. Эта полоса наиболѣе культурная во всей восточной Волыни; она прорѣзана линіей Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ, въ ней расположены города: Житомиръ, Новоградъ-Волыньскъ, и очень близко Бердичевъ (Кіевской губ.), въ ней болѣе развита фабричная промышленность, относительно много школъ. Населеніе этой мѣстности малоземельно: на черноземѣ крестьяне еще сводятъ концы съ концами, но на менѣ благодарной почвѣ бѣдствуютъ; нѣкоторымъ подспорьемъ для нихъ служатъ заводы, но зато они вносятъ въ народную жизнь много разлагающихъ чертъ.

Для этнографа населеніе этой полосы представляетъ мало новаго—это тѣ-же украинцы.

Обрядовая сторона народной жизни сохранилась довольно хорошо: годъ начинается колядками и щедровками, Впрочемъ старинныхъ колядъ въ этой полосѣ мнѣ слышать не удалось, повидимому ихъ не знаютъ, поются коляды церковнаго характера — или же уніатскія на смѣшанномъ языкѣ, или право-

славныя на церковно - славянскомъ языкѣ, распространяемыя духовенствомъ (послѣднія представляютъ собственно тропари).

Масляница проходитъ мало замѣтно: чучела не дѣлаютъ, мѣстами вѣшаютъ колодки, и повсюду въ четвергъ старухи идутъ въ кабакъ, пьютъ водку и поютъ пѣсни. Мнѣ удалось записать одну изъ такихъ пѣсенъ, но о значеніи обычая она ничего не говоритъ, это простая семейная пѣсня. Этотъ обычай носитъ названіе «знайды бабы» или «знобы бабы».

На пасху водятъ хороводы. (Во многихъ мѣстностяхъ этотъ обычай называется — справлять «Молодара», иногда это слово звучитъ «Володаръ» или «Голодаръ»).

Далѣе слѣдуетъ: «бабскій велыкдень», «русальный тыждень» и велыкдень, дни впрочемъ не отмѣченные обрядами.

Затѣмъ розыгры или заробыны — первый день Петрова поста, обряды, представляющіе то же самое, что и «знайды-бабы»; мѣстами этотъ обычай называется «шуляка лякать», исполняется онъ для того, чтобы корова молока больше давала.

Названіе «розыгры» въ старину было знакомо и гѣвобережнымъ украинцамъ, теперь оно тамъ повидимому исчезло, хотя самый обычай и сохранился подъ названіемъ: «глечики ставить».

Какъ въ теченіе Великаго поста поются веснянки, группирующіяся вокругъ «Молодаря», такъ во время Петрова поста поются «Петрівчаны», пѣсни, имѣющія связь съ «Купайломъ». Обычай «Купайла» сохранился довольно хорошо, хотя постепенно и исчезаетъ подъ двойнымъ напоромъ духовенства и полиціи съ одной стороны, и фабрично - городской цивилизаціи — съ другой. Въ нѣсколькихъ селахъ, на мой вопросъ: почему они не справляютъ «Купайла», крестьяне отвѣчали: «шоб насъ вранникъ быў»?—Молодой священникъ, на мои разспросы о народныхъ обычаяхъ, съ гордостью отвѣчалъ, что они все это «скоренілы». Вообще духовенство до сихъ поръ борется съ язычествомъ, и при томъ обыкновенно полицейскими мѣрами. Мѣстами, особенно около городовъ и фабрикъ, крестьяне сами бросаютъ свои обычаи, на основаніи того, что въ нихъ нѣтъ «деликацій»; на Купайлу востровъ не раскладываютъ, а украшаютъ свѣчами «гильце».

Заканчивается годъ гаданьемъ въ день св. Андрея и Екатерины. Гаданья эти довольно разнообразны, отмѣчу только кусанье «балы» парнями въ день св. Андрея: вѣшается пшеничный коржъ среди хаты, и хлопцы, верхомъ на кочергѣ, должны, не смѣясь, подѣхать и откусить кусокъ коржа; если хлопцу это удастся, то онъ женится въ теченіе года, если же онъ за смѣется, то въ наказаніе смазываютъ ему лицо сажой.

Свадебные обряды исполняются свято, какъ и обряды при крестинахъ, погребеніи, построеніи хаты, началѣ посѣва и т. д.

Изъ мнѣшескихъ существъ извѣстныхъ народу, кромѣ общеизвѣстныхъ, ушрей, вовкулаковъ, вѣдьмъ, отмѣчу «горобѣевого», который осенью, въ день св. Симеона мѣряетъ воробьевъ мѣркой, восемь себѣ беретъ, а девятую пускаетъ, чѣмъ избавляетъ свѣтъ отъ заплотненія воробьями; отмѣчу еще, что русалки живутъ въ житѣ, а не въ водѣ.

Лирика южной полосы близка къ украинской; къ сожалѣнію народная пѣсня сильно вытѣсняется фабричной на плохомъ великорусскомъ языкѣ. Мужское населеніе во многихъ селахъ не знаетъ даже другихъ пѣсень, да и говоритъ на языкѣ, полномъ великоруссизмовъ; отмѣчу, что великоруссизмы, наполняющіе говоръ, заимствованы изъ южныхъ великорусскихъ говоровъ, а не изъ литературнаго языка. Женщины, какъ всегда, консервативнѣе.

Изъ эпическихъ пѣсень большой популярностью пользуется пѣсня о разбойникѣ Кармалюкѣ, являющемся мѣстнымъ Карломъ Мооромъ, разбойникомъ-рыцаремъ; кромѣ того встрѣчаются пѣсни о событіяхъ повседневной жизни. Тутъ же мнѣ удалось записать единственную въ моемъ собраніи думу о Нечаѣ и пѣсню о плѣненіи Коваленка татарами.

Въ этой мѣстности очень много лириковъ, но они поютъ только духовные стихи книжнаго уніатскаго происхожденія, сами не понимая ихъ истиннаго языка. Изъ музыкальных инструментовъ кромѣ лиры извѣстны: цимбалы (отживаютъ свой вѣкъ), а также скрипка, флейта и бубны. Населеніе этой полосы очень любитъ музыку, часто встрѣчаются артистическія натуры, очень восприимчивыя, способныя, но къ сожалѣнію остающіяся самоучками; встрѣчаются самоучки-живописцы и скульпторы. При благопріятныхъ условіяхъ населеніе проявляетъ много любознательности, къ шволѣ относится симпатично, не прерываютъ связей съ ней и по выходѣ, но расходами на нее населеніе тяготеетъ, она кажется слишкомъ дорогой.

Пьетъ населеніе немного, и буйный пьяница—большая рѣдкость. Энергіи и предпріимчивости проявляетъ мало, торговыхъ способностей нѣтъ почти никакихъ. Женщина всегда почти энергичнѣе мужчины и помыкаетъ имъ; къ общинѣ, какъ нравственной силѣ, относятся съ уваженіемъ, но экономическія предпріятія обществомъ начинаютъ рѣдко и не охотно. Въ общемъ населеніе этой мѣстности производитъ впечатлѣніе народа—художника, но не работника.

По физическому типу населеніе южной полосы восточной Волыни ближе къ украинцамъ, но цвѣтъ волосъ и глазъ у волынцевъ свѣтлѣе, чѣмъ у украинцевъ, преобладаютъ темно-русые волосы и темно-сѣрые глаза; брэнеты

встрѣчаются рѣдко, свѣтлыя блондины еще рѣже, притомъ исключительно среди шляхты.

Костюмъ—тамъ, гдѣ онъ сохранилъ народный характеръ,—тождественъ съ подольскимъ: свита или короткая, съ небольшимъ воротникомъ, ничѣмъ не обшитая, или длинная, съ капишономъ, обшитая краснымъ шнуркомъ; рубашка упрятана въ штаны. Лѣтомъ вмѣсто свиты носятъ катанку, нѣчто въ родѣ очень короткой свиты изъ домашняго холста; шапка лѣтомъ—соломенная, зимой—барашковая. Женскій костюмъ тотъ же, что въ Украинѣ, кое-гдѣ старухи даже носятъ намитки; иногда женщины носятъ сапоги изъ желтой или красной кожи; лапти встрѣчаются очень рѣдко. Кромѣ обыкновеннаго городского костюма молодые крестьяне носятъ иногда короткія болгарскія куртки, вывезенныя изъ-за Дуная, куда многіе крестьяне этой мѣстности ходили погонщиками во время послѣдней войны.—Общій видъ населенія бодрый и здоровый, но тучныхъ нѣтъ совсѣмъ.

Бытовые условія сѣверныхъ крестьянъ средней (сѣвернѣе Житомира) полосы имѣютъ своеобразный характеръ, благодаря присутствію въ этой полосѣ огромнаго количества нѣмецкихъ колонистовъ. Страна эта, лѣтъ 20 тому назадъ, была глубокимъ Полѣсьемъ, столь же глухимъ и мало населеннымъ, какъ въ нынѣшнее время западная часть Овручскаго уѣзда; лѣсъ, покрывавшій эту полосу въ ту пору, не имѣлъ никакой цѣны, какъ не имѣетъ онъ и теперь; во многихъ мѣстахъ Овручскаго уѣзда помѣщики находились въ самомъ затруднительномъ положеніи: это было сейчасъ послѣ освобожденія крестьянъ и втораго польскаго возстанія, и вотъ они распродали или отдали въ аренду свои бездоходныя земли нѣмецкимъ колонистамъ. Нѣмцы раскорчевали дебри лѣсовъ, осушили болота и обратили всю эту мѣстность буквально въ огородъ. Селились они не селами, а отдѣльно, каждый на своемъ кускѣ оставлялъ немного лѣса для построекъ и топлива, остальное обращалось въ пахоть. Участокъ cadaго нѣмца огороженъ со всѣхъ сторонъ, и, такимъ образомъ, нѣмецкія колоніи непрерывно тянутся на десятки верстъ, и русскія села являются небольшими островками среди нѣмецкаго моря. Количество нѣмцевъ въ нѣкоторыхъ волостяхъ Житомирскаго и Новоградъ-Волинскаго уѣздовъ (напр. Горошковской, Барашевской, Пулинской, Сербовской) значительно превышаетъ количество русскаго населенія; въ селахъ Житомирскаго уѣзда ихъ 50.000. Такое сожителство не могло конечно не оказать извѣстнаго вліянія на мѣстное русское населеніе. Первымъ результатомъ его явилась такъ наз. штунда. Нѣмцы на Волинь пришли по вѣроисповѣданію лютеране, католики и баптисты; первые и вторые не заботились о распространеніи своей религіи, но третьи, какъ и всѣ почти сектанты, являются яркими пропагандистами.

Способъ пропаганды апостоловъ штунды простъ и остроуменъ: они арендуютъ накую нибудь мельницу, работаютъ дешевле и добросовѣстнѣе другихъ, такимъ образомъ въ немъ собирается масса народа, и вотъ, пока пріѣхавшіе ждутъ своей очереди, мельники заводятъ съ ними бесѣду на религиозныя темы. Пропаганда штундистовъ идетъ довольно успѣшно, чему много способствуютъ обостренныя отношенія между крестьянами и духовенствомъ. Официально считается только 8 семействъ штундистовъ въ деревнѣ Дашенкѣ (Горошковской волости), но тайныхъ штундистовъ гораздо больше и не въ одной Дашенкѣ, а въ очень многихъ селахъ.

Сущность штунды (какой она проявляется на Воляни)—отрицаніе брадобой стороны религіи и свобода толкованія Евангелія. Богослуженіе ихъ заключается въ чтеніи и толкованіи Евангелія и пѣніи религиозныхъ стихотвореній. Особенно облюбовали они сборникъ «Любимые стихи», изданный въ С.-Петербургѣ въ 1882 г. Валашовымъ; сборникъ этотъ, безусловно пропущенный духовной цензурой въ Петербургѣ, въ настоящее время оказался на Воляни запрещенной книгой, и усердно конфискуется.

Штундисты къ православнымъ вражды не питаютъ, но относятся къ нимъ съ сожалѣніемъ за ихъ образъ жизни и невѣжество (сами они—трезвые и грамотные люди), они даже не считаютъ себя штундистами, а православными. Православные, напротивъ, относятся къ нимъ враждебно, зовутъ ихъ «бабчистыми», причемъ это слово смѣшивается со словомъ «антихристъ», пришествія котораго ждетъ народъ въ этой мѣстности. Прежде штундисты были очень общительны, скоро вступали въ религиозныя споры, но послѣ ряда репрессивныхъ мѣръ (священники, между прочимъ, хлопотали о высылкѣ ихъ на Кавказъ) они стали крайне скрытны. Съ нѣмцами у штундистовъ особая дружба нѣтъ, но въ селѣ Дашенкѣ, гдѣ на учителя приходской школы возложена обязанность слѣдить за штундистами и доносить на нихъ, послѣдніе предпочитаютъ посылать своихъ дѣтей въ нѣмецкія школы.

Благодаря своей трезвости, штундисты живутъ богаче остальныхъ крестьянъ, хату штундиста вы сразу отличите. Въ настоящее время въ этой мѣстности замѣчается и болѣе общій поворотъ въ народной жизни, тоже передѣлывающій ее на нѣмецкій ладъ, именно переселеніе на «волока» (Волокъ—полевой участокъ). Крестьяне, рѣшившіе переселиться на волока, дѣлятъ свои земли на отдѣльные участки, возможно-ровные по цѣнности, разбираютъ ихъ по жребію и селятся каждый на своемъ участкѣ, совершенно бросивъ село. Это явленіе совѣтъ новое, и о вліяніи его говорить пока нельзя. Лица, знающія близко народное хозяйство, предсказываютъ повышеніе крестьянскаго благосостоянія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, боятся онѣмеченія разрозненнаго населенія,

что, при полной обезличенности этого населения и превосходства нѣмецкой культуры, быть можетъ и не лишено основанія.—Изъ болѣе мелкихъ проявленій нѣмецкаго вліянія отмѣчу: принятіе крестьянами нѣмецкаго плужка, деревянныхъ башмаковъ, измѣненіе типа построекъ.

Отношенія между крестьянами и нѣмцами—враждебныя, доходящія до убійствъ; причина вражды—глубокое различіе въ понятіяхъ о собственности: крестьянинъ на произведенія природы (какъ напримѣръ — лѣсъ) смотритъ до сихъ поръ, какъ на *res nullius*; поправки у нихъ не считаются проступкомъ, есть своего рода спортъ; есть даже суевѣріе, какимъ образомъ обезпечить себѣ постоянную безнаказанность ихъ; между тѣмъ нѣмецъ принесъ съ собою выработанныя вѣковой государственной жизнью римскія педантичныя правовыя понятія. Такое противорѣчіе вызываетъ постоянныя поправки и порубки со стороны крестьянъ, рѣзкія мѣры со стороны нѣмцевъ, возмущенныхъ такимъ отношеніемъ къ чужой собственности, и въ результатѣ—крайнее взаимное раздраженіе.

Результатомъ косвеннаго вліянія нѣмецкихъ колоній является крайнее малоземеліе крестьянъ средней полосы; всѣ свободныя земли заняты нѣмцы, а русскому населенію приходится ютиться на своихъ много разъ передѣленныхъ надѣлахъ. Крестьяне прекрасно понимаютъ здѣсь, что вся ихъ сила въ землѣ, и, гдѣ только возможно, покупаютъ помѣщичьи земли, но цѣны на землю стоятъ высокія (десятина посредственной полевой земли—50 рублей, а усадебной до 300) и приобрѣтеніе земли доступно только болѣе богатымъ обществамъ. Тамъ, гдѣ крестьяне приобрѣли землю, они, благодаря нѣмецкимъ способамъ хозяйства, живутъ не дурно, но малоземельное населеніе бѣдствуетъ.

Физическій типъ и костюмъ населенія средней полосы значительно отличается отъ южнаго.

Ростъ средній или высокій. Волосы русые, всѣхъ оттѣнковъ; настоящихъ брюнетовъ встрѣчать не приходилось, но за то много блондиновъ, встрѣчаются и огненно-рыжіе, но мало. Брови густыя, дугой, разрѣзъ глазъ прямой, цвѣтъ ихъ преимущественно свѣтло-сѣрый, часто голубой, изрѣдка карій. Скулы мѣнѣе выдаются, чѣмъ у южанъ.

Мужской костюмъ—свита изъ домашняго коричневаго сукна до колѣнъ или нѣсколько длиннѣе, съ короткимъ воротникомъ и безъ сборовъ въ талии. Рубашка въ штаны, иногда вышитая, иногда нѣтъ (въ послѣднемъ случаѣ съ отложнымъ воротникомъ). На ногахъ носятъ сапоги. Головной уборъ у стариковъ представляетъ такъ называемая «магерка» — круглая шапка изъ домашняго сукна; молодые носятъ картузы. Женскій костюмъ національный

характеръ потерялъ; характерно въ немъ только повязываніе головы бѣлымъ платкомъ, тогда какъ на югѣ употребляютъ для этой цѣли яркій платокъ.— Штундисты костюмомъ отъ другихъ не отличаются.

Міровоззрѣніе населенія этой полосы не разнится отъ южнаго, но народный календарь представляетъ нѣкоторыя особенности.

Такъ подъ новый годъ кромѣ южныхъ обрядовъ ешутъ живьемъ воробьевъ, потомъ ихъ трутъ въ порошокъ и смѣшиваютъ съ тѣмъ зерномъ, которымъ будутъ обсеивать поля.

Знайды-бабы въ этой полосѣ неизвѣстны.

Въ страстной четвергъ хозяйка дома раздѣвается до нага и мететъ вѣникомъ около хаты и самую хату, дабы не было червей, лягушекъ и всякихъ гадовъ.

Пасхальный обрядъ, такъ-же, какъ на югѣ, называется «спивать Молодара», но самой пѣсни о Молодарѣ почти не знаютъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и совсѣмъ не знаютъ.— Четвергъ на пасхѣ—«наўський велыкенъ»—праздникъ мертвецовъ. Въ этотъ день нельзя городить, а то загородишь тучи, и дожда цѣлый годъ не будетъ.

Названія «заробыны» и «розыгры» нѣтъ, но тотъ же обрядъ называется «брыксы», причѣмъ иногда говорятъ «св. брыксы»; пѣсни, поющіяся въ этотъ день, какъ и на розыгры, — семейныя. Обрядъ этотъ выполняется, чтобы скотъ здоровъ былъ.

На Ивана Купайла, кромѣ украшенія «гильце» раскладываютъ костры и прыгаютъ черезъ нихъ.

Съ днемъ Ивана Купайла связываются многія повѣрья о вѣдьмахъ, чего не замѣчается въ южной полосѣ. Такъ рассказываютъ, что въ этотъ день вѣдьма росу собираетъ и даетъ ее своей коровѣ, чтобы больше молока давала; въ пѣсняхъ купальскихъ неоднократно поминается имя вѣдьмы.

Годъ кончается, какъ и на югѣ, гаданьемъ въ день св. Андрея и Екатерины.

Поэзія населенія средней полосы не отличается отъ южной.

Въ общемъ населеніе этой полосы, благодаря - ли своимъ природнымъ свойствамъ, или условіямъ жизни — энергичнѣе и предпримчивѣе южанъ, но менѣе артистично.

Грамотныхъ довольно много, но, вслѣдствіе полного отсутствія книгъ, пользы грамота почти не приноситъ, и случаи рецидивизма безграмотности чрезвычайно часты.

Болѣе другихъ читаютъ штундисты, что и отразилось на ихъ говорѣ, полномъ великоруссизмовъ и славянизмовъ.

О своемъ историческомъ прошломъ народъ имѣть самыя смутныя представленія; говорятъ, что край этотъ забраннй польскій, что когда-то здѣсь жили нѣмцы, потомъ почему-то они ушли, и поселились «люде», т. е. рускіе.

Эти идеи распространяють нѣмцы-колонисты, большинство которыхъ— выходцы изъ Познани, часто съ польскими фамиліями (Шинскіе, Богусланскіе и т. д.). Сами нѣмцы твердо увѣрены, что край этотъ принадлежитъ по праву имъ, и у нихъ былъ когда-то «забранъ».

Затѣмъ населеніе помнить, что когда-то приходила орда и разворала все; есть не мало урочищъ, гдѣ, по словамъ населенія, скрывалось отъ орды то или другое лицо; послѣ орды, по словамъ населенія, шла какая-то «черня», которая тоже грабила не меньше орды. Черня эта была православная и шла откуда-то отъ Кіева; нѣкоторые, преимущественно изъ солдатъ, добавляютъ, что она шла на французовъ, другіе говорятъ, что она обращала униатовъ въ православіе. Что такое эта «черня»— рѣшить трудно; быть можетъ это какой нибудь гайдамацкій загонъ.—Казаковъ населеніе знаетъ только донскихъ, и являются они въ его представленіи всегда съ нагайкой, водворяющіе миръ и благочиніе.

На вопросъ: кто они такіе?—крестьяне отвѣчаютъ: «мужики». Если же начать спрашивать: что же вы нѣмцы, поляки, рускіе, украинцы?—то послѣдуетъ стереотипный отвѣтъ: «кажутъ люде, шо мы полѣшукн». Далѣе этого національное самосознаніе мѣстнаго населенія не идетъ.

Сѣверная полоса восточной Волыни занимаетъ самую сѣверную часть Житомирскаго и Новоградъ-Волынскаго уѣздовъ и весь Овручскій уѣздъ. Въ Житомирскомъ и Новоградъ-Волынскомъ уѣздахъ и въ этой полосѣ встрѣчаются нѣмецкія колоніи, хотя ихъ несравненно меньше, чѣмъ въ предъидущей полосѣ; въ Овручскомъ уѣздѣ нѣмецкая колонія всего одна. Трагтомъ, идущимъ изъ Житомира въ Овручъ эта полоса разбивается на двѣ неравныя части: одна изъ нихъ, меньшая, примыкающая къ Кіевской губерніи, населена густо, почти безлѣсна; въ то же время эта часть болѣе культурна: во первыхъ здѣсь, вѣроятно случайно, сосредоточились всѣ, очень, правда, немногочисленныя, школы этой полосы; во вторыхъ малоземелье и неплодородность почвы побуждаютъ населеніе искать подспорья въ отхожихъ промыслахъ и такимъ образомъ подвергаться фабрично-городской цивилизаціи.

Западная часть сѣверной полосы, представляющая собою площадь въ 150 верстъ длины и около 80 верстъ ширины, представляетъ собою одинъ изъ самыхъ глухихъ, по истинѣ медвѣжьихъ уголковъ Волыни. Экономическія условія здѣсь совершенно своеобразны и настолько оригинальны, что я останавлиюсь на нихъ нѣсколько дольше, чѣмъ останавливался на другихъ мѣст-

ностях: эта полоса покрыта необозримыми лѣсами, среди которых пахотныя земли представляют крошечныя оазисы.

Землевладѣніе здѣсь исключительно крупное, 17000, 20000, и даже 60000 десятинъ земли—таковы здѣшнія имѣнія; имѣніе въ 10000 десятинъ считается «средней руки», въ 3000—маленькимъ, а о такихъ, какъ 1000, 700 десятинъ говорятъ не иначе, какъ съ ироніей.

Лѣса въ этой мѣстности обширны, но ихъ далеко нельзя назвать дѣвственными, напротивъ, они хуже, чѣмъ подъ Житомиромъ; все, что было въ нихъ дѣйствительно цѣннаго, вырублено, дровяного лѣса масса, но онъ не имѣетъ здѣсь никакой цѣны, благодаря отсутствію путей сообщенія. (Рѣчки: Ужь, Жеревъ, Убирть удобны для сплава только въ половодье, остальные же совсѣмъ неудобны). Вести полевое хозяйство здѣсь для помѣщика невыгодно, такъ какъ почва очень неблагоприятна и даетъ доходъ только при личной обработкѣ; къ тому же здѣсь часто нельзя достать рабочихъ рукъ. Фабричная промышленность, для которой, казалось бы, созданъ этотъ край, изобилующій и минеральными богатствами (особенно желѣзной рудой высшаго качества), и лѣсомъ, не можетъ развиваться, благодаря тому же отсутствію путей сообщенія, безъ которыхъ немыслима никакая фабрика. Все это вмѣстѣ совершенно обезцѣниваетъ земли въ этой мѣстности. (Большими кусками тутъ иногда можно пріобрѣтать земли по 4—6 рублей за десятину, а 10 рублей считается хорошей цѣной). Владѣльцы здѣсь не живутъ; въ большинствѣ случаевъ это люди, купившіе имѣніе случайно, гдѣ нибудь съ торговъ, плѣвившіеся баснословной дешевизной, и старающіеся какъ нибудь вернуть свои деньги, вырубая, что только можно вырубить, съ тѣмъ, чтобы потомъ имѣніе пошло опять съ публичныхъ торговъ и нашло новаго чудака-покупателя. Коротче сказать, помѣщичьяго хозяйства здѣсь нѣтъ, единственнымъ производительнымъ хозяйствомъ здѣсь является крестьянское.

Благодаря бездоходности Овручскихъ земель, помѣщики не дорожили ими, и во время освобожденія крестьяне могли брать сколько угодно земли; къ сожалѣнію, они во всегда пользовались этимъ правомъ, ихъ пугала перспектива большихъ платежей, но зато мѣстами они взяли по 100 десятинъ на дворъ (село Собичинъ). Средняя цифра крестьянскаго надѣла въ этой мѣстности около 112 десятинъ, кромѣ того въ большинствѣ имѣній крестьяне имѣютъ сервитуты, пастбы и топливо, а первыми фактически пользуются вездѣ. Сервитуты, о которыхъ такъ много пишутъ въ повременной печати, обыкновенно безъ всякаго знакомства съ дѣломъ, въ Полѣсьи положительно необходимы; отнять сервитутъ—это раззорить мѣстное крестьянство, убить единственное производительное хозяйство, не поправивъ помѣщичьяго. Дѣло

въ томъ, что почва Полѣсья такъ бѣдна, что безъ удобренія не можетъ давать урожаевъ, а единственнымъ возможнымъ удобреніемъ, благодаря все тому же отсутствію дорогъ, является навозъ, для котораго помѣщики и держатъ много скота. Безъ скота хозяйство полѣшукъ разрушается окончательно, а между тѣмъ онъ не можетъ держать достаточное количество скота безъ права пастбы въ помѣщичьемъ лѣсу; кромѣ того, при невообразимой черезполосицѣ, представляющей характерную черту мѣстныхъ поземельныхъ отношеній, полѣшукъ не можетъ не пасти скота въ помѣщичьемъ лѣсу, хотя бы онъ и не имѣлъ сервитутнаго права; это мы видимъ въ казенныхъ лѣсахъ: крестьяне, владѣнія которыхъ разбросаны по этимъ лѣсамъ, буквально разоряются постоянными штрафами за поправу (въ помѣщичьихъ лѣсахъ, при безалаберномъ хозяйствѣ, слѣдить за поправками некому).

Крестьянскіе надѣлы представляютъ собою рядъ полянокъ среди помѣщичьяго лѣса; въ каждомъ имѣніи этихъ полянокъ сотни, и разбросаны онѣ на громадныхъ пространствахъ; такъ, надѣлы села Бѣгунъ находятся за 50 верстъ отъ самаго села. Считаютъ землю десятинами только волости, сами крестьяне измѣряютъ ее по количеству зерна, нужнаго для обмененія (на $\frac{1}{2}$ гарнца жита, на гарнецъ гороху, и т. д.).

Для обработки наиболѣе отдаленныхъ надѣловъ крестьяне переселяются изъ села на цѣлыя недѣли и живутъ это время въ такъ называемыхъ «курняхъ». Курень представляетъ собою постройку въ срубъ изъ толстыхъ досокъ, шириною аршина въ $2\frac{1}{2}$, длиною аршина въ 4 и высотой немного больше 2 аршинъ; полъ въ ней земляной, ниже поверхности земли приблизительно на аршинъ; по срединѣ куреня устраивается очагъ, представляющій возвышеніе (обыкновенно доходящее до уровня почвы), обмазанное глиной и обложено плоскими камнями; форма очага—оваль, трубы въ куренѣ нѣтъ, а дымъ выходитъ въ отверстіе въ крышѣ.

На уровнѣ очага вокругъ всего куреня идутъ скамьи, на которыхъ и спятъ обитатели этого неприхотливаго жилища. Всѣ стѣны куреня обыкновенно закопчены и даже обуглены, достаточно провести въ немъ нѣсколько минутъ, чтобы насквозь пропитаться запахомъ дыма; кромѣ того въ куренѣ всегда бывають мириады насѣкомыхъ, трудно представить себѣ, что тутъ можно жить, а между тѣмъ тутъ живутъ цѣлыя семьи.

Почва, какъ я сказалъ уже, здѣсь крайне неблагоприятна и требуетъ страшнаго количества труда, чтобы доставить нужное количество хлѣба. Тѣмъ не менѣе земледѣліе является главнымъ промысломъ населенія; оно считается дѣломъ священнымъ, обязанностью человѣка; хлѣбъ считается высшимъ даромъ Божьимъ, отсюда уваженіе къ хлѣбу и къ товарищу человѣка при об-

работѣ хлѣба—скоту. Хлѣбъ продавать грѣшно, у многихъ зажиточныхъ полѣшукѣвъ можно видѣть черныя отъ времени скирды хлѣба, которыя они не рѣшаются продать; надо всю ловкость еврея-скупщика, чтобы убѣдить даже нуждающагося крестьянина продать хлѣбъ. Замѣчательно отношеніе полѣшука къ скоту, особенно рабочему; положительно трогательна его любовь къ «худобкѣ» (скоту): онъ холитъ и бережетъ ее, какъ родное дитя, если не больше, умирая, онъ проситъ приподнять его съ постели и показать ему его худобку, худобка даже праздники свои имѣетъ, о чемъ скажу ниже.— Скотоводство само по себѣ, не въ качествѣ подспорья къ земледѣлію, не приноситъ полѣшуку той пользы, которую могло бы приносить; скотъ держатъ плохой породы, дающій очень мало молока, впрочемъ породистый скотъ и не выдерживаетъ мѣстныхъ условій, особенно болотнаго сѣна.

Въ прежнее время было развито пчеловодство (бортевое), но теперь оно находится въ полномъ упадкѣ.

Изъ кустарныхъ промысловъ извѣстны только: выплавка желѣза и выдѣлка изъ него земледѣльческихъ орудій, но этимъ дѣломъ занимаются исключительно «рудники», поляки-католики, впрочемъ совсѣмъ обрусѣвшіе, кажутся потомки ссыльныхъ шляхтичей.

Въ общемъ населеніе сводитъ концы съ концами и даже достигаетъ нѣкоторой зажиточности, но не иначе, какъ съ громаднымъ трудомъ, о которомъ не имѣетъ понятія населеніе черноземной полосы. Жизнь полѣшука—сплошной тяжелый трудъ, достатокъ нисколько не ограждаетъ отъ массы лишеній; не мудрено, поэтому, что онъ не дорожитъ своею жизнью, умираетъ онъ, по словамъ лицъ, близко знающихъ его быть, съ изумительнымъ равнодушіемъ, съ изумительнымъ же равнодушіемъ относится онъ и къ смерти близкихъ людей, особенно дѣтей; «чортъ забрау», «перекинулоса»—вотъ выраженія, въ которыхъ рассказывала мнѣ мать о смерти своихъ дѣтей. Сначала это страшно рѣжетъ ухо, но потомъ, когда приглядишься къ этой природѣ, полной томительнаго однообразія, къ этому каторжному труду и къ его ничтожнымъ результатамъ, начинаешь понимать, что не мѣсто здѣсь нѣжнымъ чувствамъ.

Если въ глубокомъ Полѣсьи слабо развиты промыслы, то еще слабѣе развита торговля: населеніе обходится продуктами своей мѣстности, покупать приходится одну только соль, да предметы роскоши, въ родѣ бусъ, лентъ и т. п.

Съ деньгами населеніе обращаться не привыкло, и ихъ вообще въ этой мѣстности чрезвычайно мало, далеко не во всякомъ селѣ можно размѣнять рубль, а о десяти и говорить нечего. Все нужное населеніе вымѣниваетъ у евреевъ и другъ у друга, и даже плату за работу въ экономіяхъ предпочи-

таютъ получать солью, которая, вслѣдствіе дурныхъ путей сообщенія здѣсь цѣнится вдвое выше, чѣмъ въ остальной Руси.

Нѣкоторые экономія устраиваютъ такія операціи: гонять смолу, отправляютъ ее въ городъ, а на обратныхъ повозкахъ привозятъ соль, которой и расплачиваются съ рабочими. Мѣстами населеніе отработываетъ въ экономіяхъ за право собирать топливо, и т. д. Однимъ словомъ, если бы не подати, полѣшукъ обошелся бы совсѣмъ безъ денегъ.

Полѣшуку нельзя отказать въ трудолюбіи и въ энергіи, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ болѣе культуренъ, гдѣ онъ ходитъ на заработки, онъ выказываетъ даже торговныя способности и крайнюю плутоватость, украинецъ ему кажется простакомъ. Грамотные парни, подолгу жившіе на Украинѣ, говорили мнѣ, что они трехъ украинцевъ проведутъ, чему легко можно повѣрить, такъ какъ на моихъ-же глазахъ они ухитрились обморочить еврея. Въ мѣстечкѣ Народичахъ (недалеко отъ Кіевской губерніи) крестьяне успѣшно конкурируютъ въ торговлѣ съ евреями. Вообще, если-бы поставитъ полѣшука въ подходящія условія, то онъ бы заткнулъ за поясъ пресловутыхъ ярославцевъ, по крайней мѣрѣ въ плутоватости; плутовать онъ даже въ самыхъ медвѣжьихъ углахъ. Безкорыстной любовательности полѣшукъ не обнаруживаетъ, въ школѣ относится холоднѣе украинца и, окончивъ ученіе, разъ на всегда рветъ съ нею связи. Грамотныхъ въ восточной части довольно много, но зато въ западной почти нѣтъ (на всю западную часть Овручскаго уѣзда, около 12.000 кв. верстъ, одна школа въ селѣ Кисорнчахъ, приходскія не въ счетъ, такъ какъ существуютъ исключительно на бумагѣ). Вообще внутренняя жизнь полѣшука, даже болѣе развитаго, менѣе сложна, чѣмъ жизнь украинца. Онъ менѣе пытливъ, менѣе глубоко чувствуетъ, но зато энергичнѣе и предпримчивѣе (конечно только тогда, когда условія сколько нибудь благоприятны).

Внѣшній типъ и костюмъ полѣшука раздѣляетъ его съ украинцемъ и приближаетъ къ бѣлоруссу: средній или низкій ростъ, бѣлокурные волосы, голубые или свѣтлосѣрые глаза, тонкій прямой носъ—вотъ господствующій типъ полѣшука. Впрочемъ встрѣчаются типы и малорусскіе, и татарскіе, и литовскіе, и даже еврейскіе. Костюмъ у мужчинъ: длинная (ниже колѣнъ) бѣлая холщевая рубашка съ красной вытканой полосой внизу, узкіе штаны, свитка, обшитая цвѣтнымъ шнуркомъ, и шапка въ родѣ конфедатки, тоже обшитая цвѣтнымъ шнуркомъ, вотъ костюмъ полѣшука, въ чистотѣ сохранившійся въ западной части Овручскаго уѣзда. Женскій костюмъ—малорусскій, съ той разницей, что вмѣсто фаты и запаски носятъ юбку изъ цвѣтной матеріи, называемую лятникъ, въ дождливую погоду этотъ лятникъ поднимаютъ и надѣ-

ваютъ на плечи, въ сухую и въ жаркую погоду его часто совѣмъ не носятъ а ходятъ въ одной рубашкѣ.

Міровоззрѣніе полѣшукъ близко къ южному, разница только та, что, во первыхъ, у него бѣднѣе запасъ образовъ, а многія представленія совершенно ему не знакомы, во вторыхъ—меньше скептицизма, и все, что украинецъ передаетъ съ нѣкоторой ироніей, онъ говоритъ совѣмъ серьезно.—Въ народномъ календарѣ есть довольно существенныя различія: ни розыгрышъ, ни брыкъсъ, ни знайдѣбабъ полѣшукъ не знаетъ, за то ему извѣстенъ Уласъ, въ четвергъ на масляницу; обрядовъ впрочемъ на масляницѣ нѣтъ, только варятъ вареники, потому что Уласъ на вареники ласъ. Святыхъ Уласа не считаютъ. Затѣмъ полѣшукъ отличаютъ три среды послѣ Пасхи: перешлава, вшесна и кривая; въ эти три среды нельзя работать скотомъ. Изъ другихъ обрядовъ любопытны такъ называемые «дѣды». — Въ этотъ день вечеромъ устраиваютъ ужинъ, на который зовутъ докойниковъ, имъ-же оставляютъ лучшія кушанья; на слѣдующій день эти кушанья бросаютъ въ рѣку, для утопленниковъ. Любопытно также, что отмѣчается народомъ пятница, когда не шьютъ, чтобы не уколотъ Параскеву-Пятницу, и новолуніе, когда всё подаютъ въ церкви за здравіе и за упокой. Почитаются народомъ такъ называемыя «прощи»; въ одномъ мѣстѣ (въ Стушицахъ, около с. Христиновки) прощей является старый громадный дубъ, въ другомъ, въ урочищѣ Сорокопень, Жубр. волости,—источникъ. Въ настоящее время около прощей устроены часовни, и въ день собранія народа тамъ служатъ молебны, въ Сорокопени крестьяне бросаютъ въ источникъ медъ, воскъ и деньги; предусмотрительный священникъ устроилъ подъ водою незамѣтную сѣтку, и въ настоящее время эти примошенія, вмѣсто того, чтобы пропадать даромъ, идутъ въ пользу причта.

Повѣія этой полосы представляетъ много любопытнаго: здѣсь въ колядакахъ сохранились обрывки стараго эпоса, да и не только въ колядакахъ: здѣсь живутъ до сихъ поръ пѣсни о Байдѣ безъ всякихъ наслоеній, приурочивающихъ эту пѣсню къ личности Дмитрія Вишневецкаго; живутъ также пѣсни временъ татарщины, пѣсни о Волохахъ, о борьбѣ поляковъ съ турками, съ Москвою (одна); нѣтъ только здѣсь казацкихъ думъ.

Лирика этой мѣстности очень своеобразна: въ ней нѣтъ глубины чувства и простоты украинской пѣсни, это собственно даже не лирика, это какой-то хаосъ, въ которомъ можно видѣть въ зародышѣ всё виды поэзіи, до драмы включительно. Кромѣ того въ полѣсской лирикѣ проглядываетъ, если можно такъ выразиться, «декадентство», какая-то туманная условность образовъ, которая дѣлаетъ пѣсню сначала абсолютно непонятной. Любопытны также по-

дѣскія сказки, отъ которыхъ вѣтъ глубокой стариной; нѣкоторыя изъ сказокъ сохранили стихотворный размѣръ и рифмы. На границѣ между сказками и воспоминаніями старины находится разсказъ объ обычаѣ убивать стариковъ (за лопаниву); само населеніе не считаетъ его за сказку, но, по нѣкоторымъ сказочнымъ чертамъ, по сплетенію съ несомнѣнно-сказочными мотивами, онъ можетъ быть отнесенъ къ сказкамъ. Множество очень близкихъ вариантовъ этого разсказа распространены по всему восточному Подгѣсью; я передамъ вкратцѣ наиболѣе полный, записанный мною со словъ старика крестьянина въ селѣ Бѣловѣжѣ Овручскаго уѣзда. Начинается этотъ разсказъ обыкновенной сказкой о солдатѣ и смерти; когда солдатъ заперъ смерть въ табакерку, люди перестали умирать, и, чтобы избавиться отъ переполненія земли, стали убивать стариковъ и старухъ. Три брата пожалѣли отца, сврыли его въ погребѣ и потихоньку кормили. Между тѣмъ наступилъ голодъ, и не осталось хлѣба. Братья сказали объ этомъ отцу; тотъ вспомнилъ, что въ молодости покрылъ сарай невымоленной соломой, и посоветовалъ сыновьямъ вымолотить эту солому и засеять поле; тѣ такъ и поступили. Получился прекрасный урожай и опять завелся хлѣбъ на землѣ; тогда перестали убивать стариковъ, а солдаты, устыдившись, что довелъ людей до такого грѣха, выпустилъ смерть, и все пошло по старому. Въ другихъ вариантахъ (записанныхъ г. Загоровской и волостнымъ писаремъ Остапчукомъ) о солдатѣ и смерти нѣтъ ничего, обычай убивать стариковъ не объясняется вовсе, но о немъ и его прекращеніи говорится дословно то-же, что и въ моемъ вариантѣ.

Теперь мнѣ остается сказать нѣсколько словъ объ историческихъ воспоминаніяхъ подгѣшука: они не многочисленны, но очень любопытны, какъ отголоски такой глубокой древности, память о которой врядъ-ли живетъ гдѣ-нибудь въ другомъ уголкѣ Руси.—Уже въѣзжая въ полосу сѣверныхъ малорусскихъ говоровъ, на сѣверѣ Житомирскаго уѣзда, вы чувствуете, что страна эта жила когда-то болѣе полной жизнью, что здѣсь былъ нѣкогда центръ; огромное количество кургановъ, частыя и иногда очень обширныя городища,— все это на каждомъ шагу напоминаетъ о быломъ. Если вы обратите вниманіе на названіе урочищъ, то вы найдете здѣсь Ольгину купальню, Ольгины колодцы, Игореву могилу, Игоревъ бродъ, князеву могилу, и т. д. Если вы спросите—кто такой эти Ольга и Игорь, то услышите разсказъ, вѣющій самой глубокой стариной. Вамъ разскажутъ, что была царица Ольга или Юлга; что она ходила здѣсь съ войскомъ искать своего мужа, что, проходя, она вездѣ жгла и убивала, оставляя, впрочемъ, и другіе памятники своего пребыванія—колодцы и насыпную гору, которую, по ея приказанію, насыпали шлемами ея воины; однимъ словомъ, образъ Ольги явится передъ слушателемъ

съ величавой языческой суровостью, напоминающей не только именно Вольгу— богатыря; образъ Игоря блѣднѣе, хотя имя его идетъ далеко на западъ, сравнительно съ именемъ Вольги — Юлги. На западъ - Волынскаго уѣзда, между с. Собичинимъ и Сновидовичами есть бродъ, по словамъ населенія, выбитый копытами Игоревой конницы и называемый Игоревымъ. Чрезвычайно любопытенъ разсказъ, слышанный мною въ селѣ Немировкѣ близъ Игоревой могилы. По этому разсказу Ольга начала искать своего мужа, когда онъ былъ еще живъ. Они встрѣтились, идя каждый со своимъ войскомъ, на берегу рѣчки Уши и не узнали другъ друга. Произошла битва, и Ольга сама убила Игоря, затѣмъ узнала его по перстню и тогда велѣла воинамъ шлемами насыпать курганъ, который показываютъ и теперь. Любопытно, что такая-же легенда слышана мною въ селѣ Кошарицѣ, Житомирскаго уѣзда (въ полосѣ южныхъ говоровъ), только тамъ, вмѣсто Игоря и Ольги, явились графъ и графиня.

Есть еще нѣсколько сказаній, связанныхъ съ названіями урочищъ, показывающія, что въ старину эта мѣстность была въ тѣсной связи съ Киевомъ (имя котораго, замѣчу мимоходомъ, упоминается въ обрядовыхъ пѣсняхъ). Тамъ, около села Листвена есть въ лѣсу нѣсколько каменныхъ глыбъ, которыя, по словамъ населенія, ангелы несли для построенія Киево-Печерской лавры, и бросили тутъ; въ другомъ мѣстѣ, около села Вѣлокуровичъ тавіе-же камни, по словамъ населенія, несли черти, чтобы загородить Днѣпръ, когда строили Лавру, но Богъ поразилъ ихъ громовой стрѣлой, и они бросили свою ношу.

Затѣмъ въ этой мѣстности есть нѣсколько воспоминаній о набѣгахъ татаръ, и больше народная память не сохранила ничего, очевидно съ тѣхъ поръ общественная политическая жизнь затихла окончательно. Этимъ я и закончу свой бѣглый обзоръ восточной Волыни.

Н. Коробка.

Письма О. М. Бодянского къ Станку Вразу въ Загребъ.

Печатаемыя ниже письма О. М. Бодянского хранятся въ архивѣ Хорватской Матицы. Библіотекаръ Загребскаго Университета и вмѣстѣ съ тѣмъ секретарь Матицы г. Костренчичъ любезно позволилъ мнѣ сдѣлать съ нихъ копіи. Письма эти могутъ имѣть интересъ для біографіи Бодянскаго.

П. Кулаковскій.

Станко Вразъ, собственно Яковъ Фрасъ, Словѣнецъ родомъ изъ Стиріи р. 30 іюля 1810 † 24 мая 1851 г. былъ горячій приверженецъ Иллиризма и съ 1838 г. переселился въ Загребъ и сталъ писателемъ хорватскимъ или какъ тогда говорили иллирскимъ. Онъ въ свое время писалъ много, былъ человекъ образованный и много сдѣлалъ для развитія хорватскаго общества въ духѣ народномъ и славянскомъ, но настоящимъ художникомъ и поэтомъ онъ не былъ. (См. подробности о немъ въ трудѣ Проф. Кулаковскаго «Иллиризмъ. Варшава. Стр. 318 — 340 и проч.).

Ред.

1.

7 августа 1842 года ст. ст. Познань.

Здравствуйте, добрый мой пріятель! Вотъ когда Богъ привелъ меня написать къ вамъ нѣсколько строкъ. Много воды ушло съ той поры, какъ я оставилъ Вашъ Загребъ и полетѣлъ, сломя голову, пить воду же къ г. Припцу. Навѣрное Вы знали объ этомъ... (испорчена полустрога)... самозаточеніи, и только дивились, зачѣмъ я хранилъ такъ долго и упорно молчаніе, общая переписываться съ вами и, между тѣмъ, ни словечка по сѣ пору

не послать къ Вамъ. На это было много причинъ, которыя когда нибудь узнаете въ свое время. Теперь же очень радъ случаю перекинуться съ Вами парой словъ. Каково вы поживаете? Скоро ли выйдетъ вторая книжка Вашего Кола? Первая мнѣ очень понравилась. Ради Бога продолжайте свой Сборникъ и не бойтесь никакихъ препятствій. Если бы Вы хотѣли сбыть его въ Россіи, можете всегда послать для меня нѣсколько книжекъ въ Прагу къ г. Кронбергеру и Рживнячу, моимъ комиссіонерамъ, прибавивъ, что это назначается Вами для пересылки мнѣ въ Бѣловаменную.

Первая засылка книгъ изъ Праги въ Москву пойдетъ въ половинѣ сентября. И такъ, коли Вамъ угодно, перешлите нѣсколько книжекъ всѣхъ Вашихъ новыхъ произведеній съ 1839 года въ Прагу. Впрочемъ, объ этомъ и многомъ другомъ я буду Вамъ писать особенно изъ Москвы. Васъ же прошу между тѣмъ послать мнѣ нѣсколько строкъ отъ себя въ мою столицу, адресуя письмо такъ: Его Вл. и пр.: подать въ Университетское правленіе. Будьте здоровы, благополучны и не забывайте душевно Вамъ отданнаго О. Бодянскаго.—Мой поклонъ доземной всѣмъ загребцамъ, помнящимъ еще меня. Завтра ѣдемъ мы въ Гиѣзно, а оттуда уже прямо на Святую Русь...

Съ боку письма приписка:

Письмо свое можете еще лучше пересылать черезъ Шафарика въ Прагѣ, а онъ уже ко мнѣ отправить.

Прим. Это письмо Бодянскаго написано на томъ же листкѣ почтовомъ, на которомъ писалъ и Срезневскій Вразу изъ Познани. Письмо Срезневскаго помѣчено 16 августа 1842 г.

2.

Г. Станку Вразу въ Загребъ, въ Хорватію.

Москва. 7 іюня, 1843 года.

Здорово, мой любезнѣйшій и добрѣйшій Станиславъ Осиповичъ! Долго же я не писалъ къ Вамъ, хотя въ бытность свою въ Загребъ и общался время отъ времени переключаться съ Вами. Ничего не могу сказать въ извиненіе свое слишкомъ основательнаго, кромѣ развѣ того, что ужасная болѣзнь, постигшая было меня на долгое время, отнимала рѣшительно охоту отъ вся-

кой письменной бесѣды съ кѣмъ бы то ни было. Во все свое страданіе я сносился только изрѣдка съ Русью по должности, да съ Шафариковъ два, три раза. Со всѣми же прочими моими дорогими знакомыми изъ соплеменниковъ, я прервалъ даже малѣйшее сношеніе. И признаюсь, едвали бы каждый на моемъ мѣстѣ иначе поступилъ. — Въ эту пору, смѣю увѣрить Васъ, ни что не шло страдальцу ни въ голову, ни изъ головы. Но, слава Богу, мученія мои кончились, и вотъ я скоро годъ живу уже на своей родинѣ. Здоровье мое очень порядочное: прежней болѣзни какъ бы не бывало! А все такого благодѣянія виною — холодная вода. Вы, вѣрно, слыхали, что я около двухъ лѣтъ прожилъ въ Гrefенбергѣ въ Присницевоѣ Академіи. Да, только вода могла меня излѣчить! Слава же ей на вѣки вѣчныя! Весною прошлаго года я оставилъ свое заточеніе и пустился въ обратный путь на родную сторону, Но, прежде пріѣзда въ нее, мнѣ хотѣлось еще было взглянуть кое на что Славянское. Съ этою цѣлію я осмотрѣлъ обѣ Лужицы, еще разъ прокатился по Чехіи и Силезіи и, наконецъ, очутился вмѣстѣ съ Измаиломъ Ивановичемъ въ Познани. Отсюда я писалъ къ Вамъ нѣсколько строчекъ въ грамотѣ г. Срезневскаго. Не знаю, дошла ли она къ Вамъ. Въ ней я просилъ Васъ войти со мною въ переписку, посылая всѣ письма свои ко мнѣ прежде всего въ Прагу на имя г. Шафарика. Думаю, что Вы по сѣ пору не въ состояніи были еще взяться за перо съ этою цѣлію, но вмѣстѣ съ тѣмъ увѣренъ, что, получивъ теперешнее мое новое приглашеніе, не откажетесь отвѣтствовать ему славянской взаимностью. Это тѣмъ болѣе, что, какъ Вы услышите сейчасъ, дѣло идетъ о кое-чемъ, имѣющемъ самую большую важность и для Васъ. Именно: я затѣваю, по крайней мѣрѣ черезъ 7—8 мѣсяцевъ приступить къ изданію Всеславянскаго учебника по нашимъ народнымъ пѣснямъ. Мы, профессора Славянскихъ кафедръ, должны прежде всего заботиться доставить своимъ слушателямъ пособія для изученія преподаваемаго предмета. Лучшимъ средствомъ къ усвоенію славянскихъ нарѣчій считаю я знакомство съ народными пѣснями; для того составляю избранный сборникъ ихъ по всѣмъ нарѣчьямъ, подрѣчьямъ и разнорѣчьямъ нашимъ, снабдивъ его коротенькой грамматикой и словаремъ cadaго изъ нихъ. По всѣмъ прочимъ нарѣчьямъ изданы, богатые даже отчасти, пособія въ народной литературѣ. Одно только Хорватское нарѣчіе не имѣетъ никакого сборника своихъ народныхъ пѣсень. Вотъ почему я прибѣгаю къ Вамъ съ моею низжайшей просьбой: нельзя ли будетъ Вамъ какъ нибудь, по мѣсту своего жительства въ срединѣ Хорватіи, собрать для меня самому, или же при помощи своихъ добрыхъ знакомыхъ, десятковъ три-четыре народныхъ хорватскихъ пѣсень, именно такъ, какъ ихъ самъ народъ поетъ. Я бы

Вамъ и другимъ, желающимъ помочь мнѣ въ этомъ, былъ безпредѣльно обязанъ и постарался бы чувствительно отблагодарить. Само собою разумѣется, что я всякаго, кто только согласится подѣлиться со мною хорватскими пѣснями, буду благодарить нѣсколькими книгами своего Всеславянскаго учебника. Кромѣ того, прошу Васъ сказать мнѣ откровенно, правда ли, что изданныя Вами Словенскія народныя пѣсни нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Загребѣ, наполнены ужасными ошибками противу народнаго произношенія, и что Вы теперь ими очень недовольны? Это я слышалъ отъ Срезневскаго, которому, будто бы Вы сами сказывали все, упомянутое выше, и что этимъ изданіемъ никакъ уже не слѣдуетъ пользоваться. Если тому такъ, нельзя ли будетъ Вамъ исправить ихъ одинъ экземпляръ и потомъ переслать мнѣ, равно какъ и другихъ нѣсколько пѣсень изъ Словенской земли, особенно на какомъ либо замѣчательномъ разнорѣчьи ея. Богъ знаетъ, когда Вы будете имѣть возможность приступить къ изданію ихъ, а между тѣмъ безъ образцовъ словенскаго языка въ народныхъ пѣсняхъ, я никакъ не смѣю печатать моего Всеславянскаго учебника, появленіе котораго чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше и спасительнѣе для нашего дѣла. Я увѣренъ, что онъ сильно подвинетъ у насъ на Руси, и вообще между всѣми соплеменниками, изученіе славянскихъ нарѣчій, положить краеугольный камень въ основаніе письменной взаимности между нами. Подумайте хорошенько и—дѣйствуйте.

Еще прошу Васъ покорнѣе сказать какому нибудь изъ Загребскихъ книгопродавцевъ, находящемуся въ сношеніяхъ, или же хотящему вступить въ это съ Пражскимъ книгопродавцемъ Кронбергомъ и Рживнячемъ, моимъ комиссіонеромъ, чтобы онъ выслалъ сему послѣднему слѣдующія книги:

- а) Даницу Иллирску, отъ начала ея по послѣднее число,—два экземпляра;
- б) Игроказы, тоже 2 экз.;
- г) Ваши Гласы изъ Жеравин. дубраве, 2 экз.;
- д) Ваши же Словенскія пѣсни, 1 экз.;
- е) Все, что Вы, Вукотиновичъ и Ваши знакомые издали хорошаго съ 1840 года, то есть, со времени моего отъѣзда изъ Загреба. Всего этого по два экземпляра.

Далѣе потрудитесь г. Жулану, Вашему книгопродавцу, сказать, что, если онъ хочетъ нижеозначенныя книги сбыть разомъ, то бы изволилъ ихъ отправить тотчасъ упомянутому пражскому комиссіонеру моему для пересылки мнѣ въ Москву. Отъ него онъ сейчасъ получитъ слѣдующія ему за нихъ деньги, равно какъ и всякой другой книгопродавецъ Загребскій, пославшій для меня названныя выше сочиненія.

Книги эти суть:

- 1) *Evangelium biskupie Zagrebske.*

- 2) Gregora Vitie Horvaczke.
- 3) Huta pri Savi.
- 4) Farkass. Golub.
- 5) » Pervi i zadnji kip.
- 6) Miklushicz. Diogenesh; 7) Ljuhomirovich;
- 8) Lizimakush; Zriny-Miklush.
- 9) Dilorednik; 10) Kriztian. Nachin; 11) Zachatek historie; 12) Mudrovčich. Veliki Katekizam; 13) Daniza 1834—1843; 14) Robinzon; 15) Matakovich. Naruchna knixica; 16) Kratka pripovidanja; 17) Katancsich. Specimen philologiae; 18) De columna militaria; 19) Gjurkovechki Gezichnica; 20) Sibilla. 21) Katancsich Fructus autumnales; 22) Derkoos. Genius patriae; 23) C. F. V. Dissertafio; 24) Stóosz Noch Horvator; 25) Stari mladoxenja.

Всѣхъ этихъ книгъ по два экземпляра. Слѣдующихъ же по одному только экземпляру:

- 1) Kriztian. Blagorechja, 2 dela. Nicht velin papier, aber ordinair.
- 2) Matievich. Roztolmachénye Gevangeliumov. 4 dela.
- 3) Schiller. Prodechtva. 4 dela.
- 4) Frass. Topographie der Karlstädter Militärgränze.
- 5) Kunits. Reflexionen.
- 6) Kanižlić. Bogoljubnost.
- 7) Blaškovich. Historia Styriae.
- 8) Verhovacz. Podvuchany z veréistin.
- 9) Švear. Ogledalo Stirie.
- 10) Kristianovich. Grammatik der kroatischen Sprache mit Anhang.
- 11) Marjanovich. Vitie.
- 12) Tamburaš: ilirski.

У Гиршфельда.

1) Dubravka; 2) Juze; 3) Ariadna; 4) Diana; 5) Usmart Marie; 6) Ferdinand 2; 7) Ljubovnik; 8) Egjurka; 9) Vienaz; 10) Marunka; 11) Елена и все прочее, печатанное въ Дубровникѣ у Мартикети (т. е. Мартеккини), кромѣ одного Гундуличева Османа, который, какъ слышу, скоро будетъ изданъ Вашею Матицей.

Сюда же присоедините словарь Иллирско-Нѣмецко-Латинно-Итальянскій Стулли. NB. Одну лишь иллирскую часть, безъ остальныхъ. Наковецъ,

нельзя ли Вамъ будетъ какъ нибудь приобрести для меня у кого либо еще слѣдующихъ старинныхъ книгъ:

1) Словари Ямбренича, Вѣлостенца и Габделича.

2) Всѣ вообще старыя сочиненія на Хорватскомъ языкѣ, или же и другихъ, только относящіяся къ тамошнимъ Вашимъ сторонамъ. Равномѣрно просилъ бы Васъ обращать вниманіе и на Иллирскія, Славонскія, Глаголитскія, Словенскія (Краинскія, Штирскія, Хорутанскія) древнія сочиненія, о конхъ всѣхъ потрудитесь каждый разъ написать въ г. Шафарикъ и спросить его, имѣю ли я что нибудь изъ нихъ, или нѣтъ. Если нѣтъ, тогда могли бы Вы приобрести для меня на деньги, которыя Вамъ тутъ же и будутъ имъ высланы, а Вы уже потомъ отправили бы ихъ къ комиссіонеру моему Пражскому, Кронбергеру и Рживнячу, для доставки мнѣ при случаѣ.

Извините меня великодушно, что я Васъ утруждаю столькими порученіями. Но, вѣдь, одного лишь Васъ и имѣю въ этой сторонѣ, къ которому могу обратиться съ своей просьбой? Съ прочими я не такъ знакомъ, какъ съ Вами. И притомъ, я увѣренъ очень, что Вы, водясь всеславянской взаимностью больше другихъ, едва ли откажетесь поднять на себя это бремя, столь сладкое и пріятное. Я готовъ съ моей горячайшей готовностью отвѣтствовать Вамъ тою же монетою. Сдѣлайте милость, поручайте мнѣ свои заказы.

На дняхъ отправляю я въ Прагу кое какія книги г. Шафарикъ. Между ними находятся также нѣкоторыя и для Васъ, равно какъ и для Вашей читальницы. Прошу все это принять отъ меня на память и знакъ моего искренняго въ Вамъ уваженія и привнательности.

Въ прошломъ году, — съ сентября по май, я читалъ студентамъ Славянскаго отдѣленія нашего Университета въ первый разъ начало Славяновѣдѣнія; именно прежде всего Славянское народописаніе, потомъ Древнѣйшую Исторію Славянъ, оба по извѣстнымъ сочиненіямъ нашего Шафарика, съ своими прибавленіями и тому подобнымъ; кромѣ того чешскій языкъ. Студенты со всѣмъ жаромъ и любовью бросались на родное. Успѣхи ихъ изумительны. Предметъ мой сдѣлался теперь однимъ изъ самыхъ любимыхъ у молодежи Университетской. Любознательности и прилежанію нѣтъ конца. Это меня больше, чѣмъ радуетъ, просто чаруетъ и придаетъ неимовѣрную силу и твердость въ своихъ занятіяхъ. На слѣдующій годъ намѣреваюсь преподавать: Исторію Чешскаго народа и его словесности, языки: словацкій и сербо-лужицкій. Черезъ два года придетъ очередь и на юго-восточный говоръ. Тогда мы сдѣлаемъ чрезвычайную закупку Вашихъ книгъ: смотрите, приготовляйте довольно и при томъ хорошенькихъ. Особенно не лѣнитесь издать свои словенскія и хорватскія народныя пѣсни, сербскій словарь и т. п. Сбыть ихъ—

вѣренъ какъ нельзя больше. Не дремайте же! Свидѣтельствую мое усерднѣйшее почтеніе всѣмъ помнящимъ меня соплеменникамъ, особенно же гр. Дракковичу, Мозесу, Гаю, Бабукичу, Вукотиновичу, Стосу, Раковцу, братьямъ Мажураничамъ, Ужаревичу, Деметру, старику Крестичу съ его семействомъ, священнику Николічу и прочимъ, и прочимъ. Будьте здоровы, благополучны и не забывайте душевно Васъ любящаго О. Бодянскаго.

Приписка на 2-ой стр. сбоку.

Пожалуйста, увѣдомляйте меня время отъ времени о всемъ, замѣчательномъ въ вашемъ мірѣ, литературномъ и общественномъ. Я Вамъ буду за это сердечно обязанъ и постараюсь тѣмъ же отвѣчать.

Приписка на 4-ой стр. сбоку.

Кланяйтесь также низенько отъ меня любезнѣйшему барону Кушланду. Пишите мнѣ отвѣтъ черезъ г. Шафарика: онъ уже Ваше письмо препроводить въ нашу бѣлокаменную Матушку.

Прим. Это письмо Бодянскій написалъ на двухъ листочкахъ небольшого формата почтовой бумаги. На первомъ листочкѣ литографированъ видъ Кремля и сдѣлана литографированная подпись: «Видъ Кремля въ Москвѣ».

3.

Изображеніе Василія Блаженнаго и подпись литографированная: «Видъ Василія Блаженнаго въ Москвѣ».

Москва. 1844 года іюля 13-го дня.

Насилу - то дождался я отъ Васъ вѣсточки, незабвенный мой соплеменникъ! Скоро будетъ два года тому (именно черезъ мѣсяць), какъ послалъ я Вамъ первую свою грамотку еще изъ Познани, и ровно годъ какъ послѣднюю уже изъ Матушки Москвы. А Вы только теперь откликнулись мнѣ! Ну, слава Богу, что хоть откликнулись; а то я ужъ, право, не зналъ, что и подумать о Васъ: все такія черныя мысли шли въ голову, что инъ-то въ чужѣ жаль! Лучше поздно, чѣмъ никогда, не даромъ говорится. Чтобы же и мнѣ Вы не сказали этой обыденной истины, спѣшу отвѣчать Вамъ во благое время, т. е. черезъ двѣ недѣли, какъ одинъ день, по полученіи отъ Васъ письма.

Благодарю Васъ отъ всей души моеѣ за исполненіе Вами моеѣ докучной просьбы; но этимъ Вы, не забывайте, сдѣлали услугу не одному мнѣ, а всему славянству, и, конечно, тысячи будутъ Вамъ за то глубоко благодарны. Еслибъ я зналъ во время своего житія у Васъ въ Загребѣ, что г. Раковацъ такъ долго не издастъ (вѣрно никогда?) своего сборника хорватскихъ пѣсень, то разумѣется тогда же бы просилъ его позволить списать у него нѣсколько ихъ, или же, въ случаѣ отказа, у кого другаго. Впрочемъ, дѣло еще не ушло. Я приступлю къ печатанію своего учебника не прежде года; стало быть, присылка Ваша подошла во время, и даже и другая, коли угодно будетъ Вамъ почтить меня ею, придетъ еще въ свою пору. И это тѣмъ болѣе, что Вы сами предлагаете мнѣ такую услугу: благодарю сердечно и принимаю обѣими руками вѣдѣясь за Ваше слово. Больше всего дайте мнѣ того, чего нѣтъ въ изданныхъ Вами пѣсняхъ, что замѣчательно особенностью своеѣ въ историческомъ, эстетическомъ или же филологическомъ отношеніи, особливо въ послѣднемъ случаѣ, т. е. язычномъ. Имена всѣхъ, у кого я беру матеріалы, прямо ли изъ печатнаго источника, или же частнымъ образомъ, будутъ указаны мною отчетливо и съ признательностью. Такъ, вотъ уже изъ Словенской земли (Словацкой) прислано мнѣ довольно пѣсень разными лицами. Эта земля и Ваша представляютъ мнѣ единственное непреодолимое препятствіе, если исключимъ отсюда еще Болгарію, покуда для всѣхъ насъ землю невѣдомую. Всѣ прочія словенскія страны огласили уже достаточные сборники своихъ пѣсень, изъ коихъ можно довольно удачно попользоваться. Замѣчаніями Вашими на счетъ дѣленія вашего языка на свои нарѣчія и т. д., воспользуюсь съ готовностью и признательностью. Онѣ чрезвычайно дѣльны и вѣрны. Съ однимъ лишь не могу, пока, согласиться съ Вами, будто слово «Сербъ» извѣстно только простому народу въ одномъ княжествѣ Сербскомъ, да между выходцами его въ Сремѣ и около его; всюду же въ другихъ мѣстахъ знакомо лишь однимъ людямъ грамотнымъ, и то только у православныхъ, а престонародѣ зоветъ себя часто одними областными именами. Но, Бога ради, не вѣрьте никому, кто Вамъ это наговорилъ. Я самъ слышалъ, какъ всѣ Сербы православные въ Сремѣ, Бачкой, Банатѣ, Славоніи зовутъ себя Сербами, малой и большой, грамотной и безграмотной. Далѣе, всѣ Далматинцы, Черногорцы, Босняки, Герцеговинцы того же самаго православнаго исповѣданія, по единогласному показанію разноплеменныхъ путешественниковъ, величаютъ себя Сербами, между тѣмъ какъ неправославные бѣгаютъ этого имени, за исключеніемъ однихъ Хорватовъ въ Турецкой Хорватіи, на Военной границѣ, Далмаціи, и т. д., будутъ-ли они православные, или неправославные, называютъ себя предпочтительно хорва-

тамъ, хотя и тутъ первые нерѣдко употребляютъ и имя Сербъ, а послѣдніе нивогда, видя въ немъ «религіозный смыслъ и значеніе». Такъ точно и хорватъ у православныхъ нерѣдко значитъ «Латынецъ», особенно для Далматинцевъ, Приморцевъ, Истріянь, и т. д., гдѣ Римская церковь имѣетъ большую часть своихъ послѣдователей. Что же касается до «Влахъ, Бунѣвацъ, Шокацъ», то это, какъ Вы знаете, названія прозвищныя, насмѣшливыя, поносныя, укорительныя, не собственные, и тому подобное, даваемыя другими, и вовсе неупотребляемыя тѣми, коимъ онѣ даются, слѣдовательно, ихъ нельзя и брать здѣсь во вниманіе. Но совершенно согласенъ съ Вами касательно мнѣнія Вашего объ языкѣ Загребскихъ хорватовъ, какъ нарѣчій языка Словенскаго. Вотъ что правда, то ужъ не грѣхъ, святая, непрерываемая правда, хотя и здѣсь на языкъ ихъ письменный смотрю больше, какъ на письменный, а не на какой-то жаргонъ, какъ вы говорите. Такова ужъ участь всякаго народа, что лишь только языкъ его попадаетъ въ книги, (sic) тотчасъ становится какою-то смѣсью, больше, меньше принимаетъ въ себя чужаго, будетъ ли то совершенно чужое, или же родственное; назовите это, какъ хотите, смѣсью, или жаргонъ; но положеніе остается положеніемъ. Вся разница въ томъ, что одинъ языкъ больше проникнуть такой смѣсью, а другой меньше, смотря потому, какъ давно и много онъ обрабатывается, соприкасался съ чуждымъ ему и такъ далѣе. Такимъ точно считаю я и нынѣшній письменный языкъ хорватовъ Загребскихъ. Народъ, конечно, довольно отлично говоритъ отъ него, но все же говоръ его ближе всего подходитъ къ этому, а не другому языку, какъ говоръ Штаерца, Браинца, и т. д., къ языку его письменныхъ книгъ. Извините меня за мое откровенное сообщеніе Вамъ своихъ мнѣній объ этомъ предметѣ. Въ дѣлѣ нашемъ, въ дѣлѣ славянскаго языкознанія и народовѣдѣнія, должно быть сколько можно больше общительности и обмѣна мыслями, в з а и м н о с т и, обосторонняго поученія. Что нужды до того, что моя, Ваша, или чья-бы то ни было мысль задушевная, должна разлетѣться отъ этого въ прахъ: по дѣломъ! Значитъ, она была зиждѣта (sic!) на песку, а не на плодородной почвѣ, «И придоша вѣтры, повѣяша и ее небѣ! (sic)» Тѣмъ лучше съ тою, которая вытерпитъ это чистилище, пройдетъ сквозь всѣ мытарства разныхъ сужденій, толкованій, изслѣдованій, сомнѣній, отверженій, отстоянія, и т. далѣе. Но, думаю, объ этомъ на сю пору довольно, предовольно. Поговоримъ еще кое о о чемъ другомъ, не меньше близкомъ къ нашему сердцу.

Прежде всего примите опять мою горячую благодарность за недоумленіе г. Жюпана отправить мнѣ Хорватскія книги въ Прагу, откуда я уже въ свое время легко могу получить. Онъ самъ писалъ мнѣ на дняхъ о томъ,

извѣщая, что выслалъ ихъ на 73 золотыхъ серебромъ и 32 х: ¹⁾ поблагодарите его низжайше за такую услужливость, и просите впередъ быть столько же охотнымъ на это. Деньги за свои книги онъ получить въ свою пору отъ того Пражскаго книгопродавца, на имя котораго ихъ выслалъ. Книги эти я во второй уже разъ покупаю себѣ у него: въ первой купилъ въ свою бытность въ Загребѣ, но, благодаря услужливости Вашего Гая, котораго такъ настойчиво молилъ отправить ихъ въ Прагу на имя Шафарика, по сию пору не получалъ, да и не надѣюсь уже получить. Онъ (Гай) отправилъ ихъ какъ-то такъ хитро и искусно, что онѣ засѣли, какъ ракъ на мели, въ Вѣнской таможнѣ, и вотъ уже больше 4-хъ лѣтъ сидятъ въ ней. Напрасно Шафарикъ искалъ ихъ всюду; наконецъ, какъ то доискался, и, однако же, ни просьбы, ни угрозы, ничто не помогаетъ вырुकѣ ихъ; не даютъ, да и концы въ воду! Нечего сказать: удружилъ на славу Людевитъ, спасибо ему!... знаетъ свое дѣло!...

Изъ сочиненій, изданныхъ у Васъ, я ничего не читалъ съ самаго времени отъѣзда моего изъ Загреба, или лучше изъ заграницы, кромѣ двухъ книжекъ Кола, самъ не вѣдаю, какъ попавшихъ ко мнѣ сюда изъ Липска въ нѣмецкомъ хламѣ. Прекрасныя статьи въ немъ, особенно языковслѣдовательныя. Дай, Богъ, Вамъ силъ и успѣха для продолженія его? Самъ не знаю, отъ чего-бы кому-либо изъ Вашихъ книжниковъ или даже читальницъ, не послать, по крайности, нововыходящихъ твореній въ Прагу, откуда бы уже и къ намъ легко могли dospѣть, потому что у насъ теперь съ Прагой—самое живое сообщеніе, непрерывающееся даже и зимой. А то, вѣрите ли, что вотъ два года, какъ записался и я, и Московскій университетъ на Даницу, а ее нѣтъ, какъ нѣтъ!.. Таже сама пѣсня съ Сербскими (въ Пештѣ, Будимѣ, Новомъ Садѣ и Бѣлградѣ) журналами и книгами; а еще дивнѣе, съ Галицкими. Одни лишь Чехы доступны намъ, да прочее лежащее за Вашею царевиною.

Съ нетерпѣніемъ стану ждать своевременнаго появленія Вашихъ произведеній. Читаю, не начитаюсь Вашихъ Дюлабій, за присылку коихъ (еще, въ 1841-мъ, помнится, году) благодарю васъ душевно. Это единственное въ своемъ родѣ. Увѣренъ, что послѣдующія части ихъ будутъ равнаго достоинства, равно прелестны. Но «Гласовъ изъ Жеравинской Дубравы» по сию пору не слыхалъ: вѣрно за далью? Больше же всего занимаютъ меня, какъ вы знаете, народные гласы; вѣрите едва ли кто изъ славянъ такъ пламенно ждетъ ихъ, какъ я. Не одно лишь то, что они нужны мнѣ для моей затѣи; нѣтъ, нѣтъ! ихъ я ждалъ и тогда также горячо, какъ и помину не было въ головѣ моей объ этой затѣѣ. Затѣя моя есть только послѣдствіе этого

¹⁾ X—крейцеры.

нетерпѣнія, влюбленности въ нихъ. Любопытенъ читать Краледворскую рукопись въ сербскихъ алипахъ ¹⁾: поздравляю! Поляки приодѣли ее давно уже въ свой кунтушъ; Лужичане вмѣстѣ съ вами сшили ей свою драсту ²⁾ по крайней мѣрѣ Смоларъ, подобно вамъ, пишетъ ко мнѣ, что онъ тоже недавно окончилъ ее переводомъ на свой языкъ. Малоруссы только пытались нарядить ее въ свою одежду: иной подарилъ ей юпочку, другой плахточку, третій... право ужъ не помню во что. Великорусы, чуть ли не обогнали всѣхъ Васъ, потому что покойной Шишвовъ приодѣлъ ее въ сарафанъ лѣтъ тому двадцать (смотри Труды Русск. Академіи); жаль только, что сарафанъ скроенъ имъ не съ чешскихъ шатъ ³⁾, а по всему съ нѣмецкаго Obekleid. Придетъ время, и мы приукрасимъ ее съ первыхъ рузъ по своейски, на славу, безъ посредничества. Но для того, надо, больше познакомиться съ словянщиною, чѣмъ теперъ; не то, выйдетъ ни рыба, ни мясо...

Въ прошломъ году послалъ я Вамъ чрезъ Шафарика свое сочиненіе «О народной поэзіи Славянскихъ племенъ», и еще что-то, не помню хорошенько; все съ надписью. Дивлюсь, какъ это случилось, что Вы ихъ доселѣ не получили отъ него. Несмотря на то шлю теперъ Вамъ его в т о р и ч н о, тѣмъ же самымъ путемъ, потому что другаго нѣтъ, или мнѣ неизвестенъ. Что будетъ—будетъ; авось добредетъ къ Вамъ все какъ. Тутъ же прилагаю Вамъ еще слѣдующее: 1) Сахарова Пѣсьни Русскаго народа. Спб. пять частей; 2) Хомякова Трагедіи: а) Дмитрій Самозванецъ и б) Ермакъ М. в) к. II (его)—стихотворенія М. 1844. 3) Шевченка: а) Тризна; б) Гамалѣя; 4) Матыринки Насъки украинскы казки; 5) Гоголя: а) Арабески. Часть 1-я, б) Миргородъ. Часть 2-я, Объ неполныя; самъ не знаю, гдѣ онѣ мнѣ затерялись; но отыскавъ перешлю послѣ или же гдѣ-нибудь подберу. Полнаго экземпляра сочиненій его не могу теперъ послать, потому что онъ чрезвычайно дорогъ, а, между тѣмъ я его достану даромъ отъ Шевырева, какъ скоро онъ воротится изъ дачи: онъ завѣдываетъ, по волѣ Гоголя, всѣмъ изданіемъ его. Что до Москвитянина, то и его не въ состояніи нынче переслать Вамъ, потому что Погодинъ лежитъ, вотъ уже третій мѣсяць, больной въ постели; но увѣрять, что онъ не откажетъ Вамъ въ немъ.

Съ боку къ стр. 8 приписка: Читальницѣ вашей тоже посылаю отъ себя нѣсколько книгъ въ даръ.

Прим. Подписи и окончанія писема нѣтъ. Нужно думать, что былъ еще какой либо листочекъ. Письмо писано на двухъ листахъ: первый маленький, второй обычный письменный почтовый листъ.

¹⁾ Платъе. П. К.

²⁾ Драста—платъе—по лужичк. П. К.

³⁾ Шаты—платъе по польски; шатъ, шета—по чешски. П. К.

ОТДѢЛЪ II.

Еврейско-Нѣмецкія слова въ русскихъ нарѣчіяхъ.

Въ русскихъ нарѣчіяхъ, въ особенности въ Бѣлорусскихъ говорахъ, вторенилось небольшое количество словъ, заимствованныхъ изъ Еврейско-Нѣмецкаго языка, и нѣкоторыя изъ нихъ успѣли проникнуть даже въ Русскій (и Польскій) литературный языкъ. Настоящая работа имѣетъ цѣлью представить всѣ такія слова, находящіяся въ слѣдующихъ словаряхъ:

И. И. Носовичъ. Словарь Бѣлорусскаго нарѣчія, С.-Петербургъ, 1870.

Є. Желеховскій і С. Недѣльскій, Малоруско-Нѣмецкій Словарь, Львів. 1886.

M. S. B. Linde, Słownik języka Polskiego, Lwów, 1854—60.

В. Даль, Толковый Словарь Живаго Велико-Русскаго Языка. Второе изданіе ¹⁾.

Еврейско-Нѣмецкій языкъ развился изъ восточно-франконскаго, и отчасти болѣе южнаго, нѣмецкаго діалекта среднихъ вѣковъ при помощи Еврейскаго языка, изъ котораго онъ заимствовалъ большое количество словъ, относящихся къ религіи, философіи, наукѣ, и означающихъ вообще отвлеченныя понятія. На Русской почвѣ въ составъ его вошло много русскихъ и польскихъ словъ, которыя вмѣстѣ съ нѣкоторыми синтаксическими и фонетическими особенностями славянскихъ нарѣчій, опредѣлили его настоящую форму, извѣстную у самихъ Русскихъ Евреевъ подъ именемъ жаргона.

Слова, заимствованныя Русскими и Поляками отъ Евреевъ, первоначально происходятъ изъ Нѣмецкаго и Еврейскаго языковъ. Я считаю Еврейско-Нѣмецкими только такія слова, которыя представляютъ отличительныя Еврейско-Нѣмецкія черты, а именно: Средне-Нѣмецкое *и* удержалось передъ носовымъ согласнымъ и не перешло въ *о*, напр.: *гепишеп* вмѣсто *гепошпен*; *ei* и *z* перешли въ соотвѣтствующія сочетанія *ej* и *aj* (*ei* и *ai*), а не слились въ одинъ дифтонгъ *ei*, какъ въ нѣмецкомъ, напр.: *w ejs*, *знаю* и *w ajs*, *бѣлыя*; *ch* остается гортаннымъ во всѣхъ положеніяхъ.

По этимъ признакамъ очевидно, что слова *кумъ-геръ*, *шлээръ*, *шлэхъ* заимствованы прямо отъ Евреевъ. Безъ сомнѣнія много другихъ нѣмецкихъ словъ въ русскихъ нарѣчіяхъ перешло въ нихъ при посредствѣ Евреевъ; но такъ какъ они отличительныхъ признаковъ не имѣютъ, то является необходимымъ болѣе подробное изслѣдованіе, чтобы установить ихъ происхожденіе. Въ Польскомъ языкѣ (а затѣмъ и въ Бѣлорусскомъ и Малорусскомъ) находятся слова *zegar*, *себер*, въ жаргонѣ *sejger*, *zuber* (*zeber*). Здѣсь трудно опредѣлить, кто отъ кого заимствовалъ и не заимствовали ли оба прямо изъ средне-Нѣмецкаго *saegare*, *zuber*.

¹⁾ Къ сожалѣнію я пользовался этимъ словаремъ очень короткое время, такъ что не былъ въ состояніи провѣрить много словъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Евр.-Нѣмецкое происхожденіе слова помогаетъ намъ опредѣлить морфологическій составъ. Жаргонъ развилъ окончанія множественнаго числа уменьшительныхъ словъ *lich, lach*, по всей вѣроятности изъ *l(i)* нѣмецкаго юга + коллективное *ach* (напр. *dognach, Wolfram von Eschenbach VI, 211*); по этому крепикъ, разившееся изъ *Kreplich*, есть слово Евр.-Нѣмецкое. Кромѣ того значеніе слова часто помогаетъ узнать, откуда оно взято; если въ русскихъ нарѣчійхъ оно имѣетъ то же значеніе, что и въ Евр.-Нѣмецкомъ, и это значеніе не свойственно Нѣмецкому, или оно обозначаетъ Еврейскій обрядъ, обычай и т. п., то мы опять можемъ вѣрно судить о его происхожденіи.

Слова съ Еврейской основой не представляютъ никакихъ трудностей. Тутъ только надо различать между такими, которыя прямо заимствованы отъ Евреевъ, и такими, которыя перенаты отъ Нѣмцевъ въ государственныхъ документахъ. Послѣднія можно узнать по португальскому произношенію; къ нимъ принадлежатъ: раввинъ, кагалъ. Объ остальныхъ словахъ можно судить только по такъ называемому польскому произношенію, которое употребляли и употребляютъ въ послѣдніе четыре вѣка Русскіе Евреи. Подъ Еврейскимъ языкомъ надо понимать Еврейскій языкъ среднихъ вѣковъ; въ составъ его входятъ халдейскій языкъ. Вездѣ гдѣ только я употребляю терминъ «Еврейскій языкъ», надо понимать подъ нимъ именно этотъ Ново-Еврейскій языкъ.

Еврейско-Нѣмецкія слова въ Русскихъ нарѣчійхъ можно раздѣлить на слѣдующія группы:

1) Еврейская пища: боксаръ, крепикъ, кугель, маца, фарфолы, халя, цымусъ; за исключеніемъ хады и мацы остальные кушанья имѣли то же названіе у западныхъ нѣмцевъ среднихъ вѣковъ и отчасти еще имѣютъ въ Баваріи и другихъ западныхъ странахъ Германіи.

2) Еврейскія занятія и должности: балабось, балагула, бахуръ, гиморникъ, раввинъ.

3) Еврейскіе праздники и обряды: Гаманъ, Каббала, кошерный, лихтаръ, пѣйсахъ, пѣйсь, талесы, трефъ, хамецъ, шабашъ, шлээръ.

4) Торговый бытъ: дабара, махиръ, ребохъ, шахлеваць, ховрусь, шахрывать.

5) Бѣдныя и ласкательныя слова: агундеръ, бенѣха, бѣйзе халэймусъ, фанаберія, шамберъ.

6) Бѣдность, страданіе, несчастіе: далусъ, капцанъ, слимазарникъ. Теперь перейдемъ къ каждому слову въ отдѣльности.

Агундеръ.

Агундеръ, бранное слово. Собачій сынъ. Обшарпався, якъ агундеръ! Повели агундера въ станокъ. Носовичъ 2.

Цугундеръ (заимствовано изъ Евр.-Нѣмецк. *Zu Hunden*, къ собакамъ). 1) Бездѣльвикъ, плутъ. Добръ былобъ, колыбъ цугундера гетаго въ некруты приняи. Жидъ—цугувдеръ, ему нечего вѣриць. 2) Строгое взыскаііе, кандалы, цѣпь. Узяи, повели на цугундеръ. *ib.* 690.

Такъ какъ въ Евр.-Нѣмецк. выраженія *Zu Hunden* нѣтъ, то и цугундеръ не можетъ быть Евр.-Нѣмецк. происхожденія. Это вѣрнѣе нѣмецкое *Zu Hunden*, передѣланное на ладъ перваго слова. Агундеръ, напротивъ, есть Евр.-Нѣмецкое *a hund*, *a hund der*, выражающее тоже что и въ Вѣлорусскомъ.

Балабось.

Валабось. Еврей—хозяинъ дома. Позови балабоса. Носовичъ 13. Валабоска. Еврейка—хозяйка дома. Балабоска твоя казала. *ib.*

Балабось въ Евр.-Нѣмецкомъ значить тоже самое и происходитъ изъ Еврейскаго בַּלְבֹּסַת לְעַבְד . Не того же ли происхожденія Бѣлорусскія бранныя слова балбось и балбѣсь и Русское балбесь? Если такъ, то въ нихъ видно стремленіе къ народной этимологіи, какъ будто бы старающаеся съ одной стороны указать на баловать, балванъ и т. п., а съ другой на бѣсь. Во всякомъ случаѣ Даль смотритъ съ сомнѣніемъ въ русское происхожденіе слова балбесь, ибо мы находимъ у него: Балбесь (баловѣсь?) болванъ, повѣса, рослый, неуклюжій невѣжа. Балбесить, балбесничать, повѣсничать, шататься безъ дѣла и дурить.

Балбешка, чурбашекъ, чурка, болвашекъ; об. дуракъ. (Т. I. 43). Переходъ ко всѣмъ этимъ значеніямъ облегчается при посредствѣ значенія шататься безъ дѣла.

Балагѹла.

Балагѹла м., jüdescher: 1) Reisewagen; 2) Fuhrmann. Желеховскій I, 11.

Въ Евр.-Нѣмецк. balagóle, изъ Евр. בַּלְגֹּלֶה לְעַבְד , значить извозчикъ. На югѣ Евреи произносятъ ударенное о какъ у.

Бахуръ.

Вáхуръ. 1) Волокита, любовникъ. Бахура къ себѣ принимаецъ. 2) Толстобрюхій, Выкорнивъ яког бахура. 3) Свиной некладеный самецъ. 4) Молодой Еврей, впрочемъ женатый, который посвятилъ себя единственно изученію талмуда и, ничѣмъ не занимаясь, сидитъ только за книгою, готовясь быть учителемъ Еврейскимъ. Носовичъ 17.

Вáхурка, двѣида или женщина, предавшаяся разврату. ib. Кромѣ того, Носовичъ даетъ бахуровáць, бáхурокъ, бáхурство съ соответствующими значеніями.

Вáхур Kind; 2) uneheliches Kind; 3) Buhler, Geck; 4) Landstreicher. Желеховскій I, 15. Вáхурка, Buhle, Maitresse. ib. Вахурувáти, sich herumtreiben, herumstreichen. ib.

Bachur. I. Bachurek, I. demin. z Hebr. בַּחֹרֶק = młodziak, pacholę, ein junger Kerl... (Boh. et Slov. bachor = brzuch, brzuchacz, kiszka gruba pękata) mały żydek, zydowie, żydzię, ein judenjunge, młody kiernoz, stadnik, ogierek, ein junger Eber., Beschäler, Hengst, Bulle. Bachurowaty, brzuchaty, pękaty, baniasty. Linde I, 41.

Во многихъ нѣмецкихъ говорахъ ¹⁾ находится слово *bacher* (*bocher*, *bager*) со значеніемъ молодой человѣкъ, учитель. Оно перенято отъ Евреевъ, у которыхъ *bocher* (изъ Евр. בַּחֹרֶק) значить молодой человѣкъ, мальчикъ, въ особенности, занимающійся изученіемъ талмуда. Форма бахуръ и пр. объясняется изъ множественнаго числа этого слова *bachurim* (изъ Евр. בַּחֹרֶקִים) Изъ этого легко развились и другія значенія слова. У Дала находится небольшое количество областныхъ словъ, которыя, какъ я подозреваю, происходятъ отъ этого же Евр.-Нѣмецкаго слова, можетъ быть при посредствѣ польскаго или бѣлорусскаго.

Вахóрить нвг., влд., нж., вят. болтать бесѣдовать, разговаривать, гуторить, говорить лишнее, хохвалить. Вахарь, бахирь и баха(ур)ка ж. бахóра,

¹⁾ Cf. American Journal of Philology. № 56.

бахбра об. говорунъ, красной, рассказчикъ, сказочникъ, хвастунъ, бахваль... бахорливый, бесѣдливый, привѣтливый, словоохотный. Дамъ I, 57¹⁾.

Бенѣха.

Бенѣха. 1) нянька, балующая ребенка. 2) Общ. несходящее съ рукъ дитя. Давъ Богъ бенѣху, все цацаецца, да бенехаецца съ малышъ. Бенѣханне: 1) Няньченье дитяти. 2) Баловная игра съ какою-либо вещью. 3) Медленное занятіе чѣмъ-либо. До вечера будзецъ гето бенеханне. Бенѣхи, Шалости, баловное обращеніе съ чѣмъ или съ чѣмъ-либо. Бенѣхи не доведуть до добра. Носовичъ 25. Кромъ того бенѣхаць, бенѣхацьца, бенѣшка. При бенѣхаць Носовичъ задасть вопросъ: не отъ Еврейскаго ли беп сынъ?

У Евреевъ *benjochid* (изъ Евр. בְּנֵי יָחִיד) значить единственный сынъ; такъ какъ единственное дитя, въ особенности у Евреевъ, разбаловано, то это слово употребляется даже у нихъ въ смыслѣ разбалованнаго ребенка. Отсюда развились въ Вѣлорусскомъ и другія значенія.

Боксаръ.

Боксаръ. Сладкіе стручки. Горѣлка съ боксаромъ. Носовичъ 29.

Евр.-Нѣмецкое *bokser*, съ тѣмъ-же значеніемъ, происходитъ изъ нѣмецкаго *bockshorn*: *ceratonia siliqua*, *johannisbrot*, weil der Täufer die schoten dieses Krauts (*bockshorn*, *trigonella foenum graecum*, гр. αἰόχερας, wegen des bockzenden geruches der blätter) in der wüste gegessen haben soll. Grimm. Deutsches Wörterbuch II, 208.

Бэйзехалэймусъ.

Бэйзехалэймусъ. Заимствовано отъ Евреевъ. Вѣда, говорится съ угрозою. Будзецъ намъ бэйзехалэймусъ. Носовичъ 41.

Изъ Евр.-Нѣмецкаго *bejse chalejmes* (Нѣм. böse + Евр. בְּיָסוּרָה), злые сны; употребляется какъ ругательное слово въ слѣдующемъ предложеніи: *ale bejse chalejmes ouf dajm Кор*, пусть тебѣ снятся всѣ злые сны.

Гаманъ.

Гаманъ (отъ собственнаго имени Амманъ). 1) Презрѣнный человекъ. Уси кричаць на его, якъ на гамана. Напали, якъ на гамана якого. 2) Злый. Попадамсъ только въ руки гаману гетому. Носовичъ 108

Гаман, *jüdisches Hamansfest*; 2) die Person, welche den Juden bei dem Feste angeblich als Gegenstand des Spottes und der Misshandlung dient Желеховский I, 136.

Гаманувати. *yndu so arg schlagen u. misshandeln wie es die Juden angeblich dem Gaman thun, ib.*

Гаманщикъ, *Beutelschneider, Taschendieb. ib.*

¹⁾ Догадка эта не имѣетъ достаточнаго основанія. Бахаръ есть такое же образованіе отъ корня ба (баять, басня), какъ жихаръ (отъ корня жи-), знахаръ (корень зна-) и т. д.

Гамáн. lederne Geldbörse; Beutel, Sack zum Aufbewahren des Feuerzeuges. *ib.*

Въ мартѣ мѣсяцѣ Евреи празднуютъ пуримъ, т. е. освобожденіе отъ ига Гамана. Въ этотъ день дѣти бьютъ палками о землю, т. е. «бьютъ Гамана», вертатъ вертела и кричатъ, какъ будто-бы насмѣхаясь надъ Гаманомъ. На этомъ-же праздникѣ Еврейки пекутъ особаго рода трехугольные пироги съ макомъ, такъ называемые карманы Гамана (Homentaschen). Изъ послѣдняго очевидно происходитъ значеніе малорусскаго гамáн; а изъ цѣлаго понятія развилось и слово гаманщикъ, по аналогіи съ карманщикъ. Евреи произносятъ это слово Homen, но библейское Гаманъ, Амманъ удержалось въ Русскихъ нарѣчіяхъ.

Г о й.

Гой, eitler Tropf, Trottel. Желеховскій I, 169.

Изъ Евр.-Нѣмецк. goj, христiанинъ, крестьянинъ, мужикъ. Въ Евр. גוי значить народъ.

Дабара.

Дабара (Евр. dabar—слово). Пустословъ, разскащикъ дребедени. Не переслушаешь дабару гетаго. Носовичъ, 126.

Дабарницъ, Пустословить. Ты дабарнишь, а мнѣ неколи. *ib.*

Въ Евр.-Нѣмецк. этого слова нѣтъ. Еврейскіе купцы иногда употребляютъ чисто Еврейскія слова, для того чтобы знающіе нѣмецкій языкъ не поняли ихъ разговора; между этими словами находится daber דַּבֵּר, говори, разскажи безсмыслицу.

Далусъ.

Далусъ. 1) Unordnung 2) Elend. Желеховскій.

Это слово перенято многими нѣмецкими нарѣчіями изъ Евр. - Нѣмецк. dáles (изъ Евр. דָּלָה), нищета.

Каббала.

Кабалá. Безпокойство, хлопоты. Взвѣвъ кабалу на свою голову 2) Головоломное дѣло. Книзь ты гету кабалу, не ломай головы своей. 3) Обманъ, вздоръ, пустяки. Атъ все гето кабала. Носовичъ 226.

Кабáла. Kabbala. Wahrsagen aus Spielkarten; клáсти кабáли. Karten aufschlagen. Желеховскій.

Кабалá. Verschreibung zum Leibeigenen; кабáльный, leibeigen. *ib.*

Кабаларка. Kartenaufschlägerin. *ib.*

У Linde мы находимъ Каба́ла, Кабалі́cki, Кабалні́j, Кабалі́ста, Каба́лоwaé съ соответствующими значеніями; перепишемъ только слѣдующее: Ross. et Eccl. Кабала, заемная запись, cyrograf, skrypt; urzędowe zaswiadczenie własności; Eccl. Закабалити, podbić sobie kogo, niewolnikiem go robić; Ross. Кабальный, cyroграфowy, spisowy, tabularny; niewolniczy. Linde II, 283.

Это слово перенято непосредственно изъ Еврейскаго языка среднихъ вѣковъ, что уже видно изъ самаго произношенія слова. Русскіе Евреи произносятъ его кабóла, изъ Евр. קַבָּלָה у нихъ оно имѣетъ только значеніе мистическаго толкованія теологiи.

Кагалъ.

Кага́лѣ. 1) Еврейское духовное общество, судилище. Нехай васъ кагалъ разсудзиць. 2) Еврейская школа. Якъ въ кагалѣ ничего не чуто за вашимъ крикомъ. 3) Толпа вообще. Тамъ цѣлый кагалъ ихъ собрався. Носовичъ 227.

Кага́ломъ. Толпою. Нуце кагаломъ здѣлаешъ. Вошли кагаломъ и бацька зъ жигаломъ. *ib.*

Кага́лныѣ, принадлежащій Еврейскому обществу. Еврейско-общественный... Членъ Еврейскаго общества. *ib.*

Кага́л, Kahal (jüdisches Consistorium); кагалный, vom кагал. Желеховскій I, 322.

Кага́литися, sich in lärmenden Haufen ansammeln. *ib.*

Первоначально קהל (въ Евр.-Нѣмецк. Kōhol или Kol) значить множество, собраніе людей; затѣмъ члены общества. Въ Россіи значеніе этого слова рано ограничилось и употреблялось для обозначенія тѣхъ главныхъ членовъ Еврейскаго общества, которые передъ государствомъ отвѣчали за цѣлое общество. С. А. Бершадскій въ своей отличной книгѣ «Литовскіе Евреи» даетъ исторію развитія кагалнаго устройства въ Россіи. Португальское произношеніе (кагалъ, kahal) свидѣтельствуетъ о раннемъ употребленіи этого слова.

Капцанъ.

Капца́нѣ. Оборванецъ, особенно жидъ; слово бранное. Капцаны ополонили. Чѣго гетмй капцанъ привязався къ намъ. Вздайце гетому капцану хорошенько. Носовичъ 229.

Капца́ны. Лохмотья, оборванная одежда. Капцаны свое разложивъ. Ходзиць въ капцанахъ. Жидовскіе капцаны. *ib.*

Капца́н, ein Verarmter, Herabgekommener. Желеховскій I, 334.

Капца́нѣти, verarmen, herunterkommen. *ib.*

Ка́рсон, podupały, zubożały, spuscił na kwintę, ein arm gewordener; der herabgekommene ist und die Courage verloren hat. [Etym. Kapieć=ubożeć].

Ка́рсоніець, skapsonieć, podupadać, ubożeć, spuszczać z basu na kwintę, verarmen, herunterkommen, den Ton sinken lassen, die Flügel hängen lassen (Linde).

Въ Евр.-Нѣмецк. Ка́бзецъ обозначаетъ собирающаго милостыню, а затѣмъ, бѣднякъ (קבצן отъ קבץ собирать).

Кгиморы.

Кгѣмѣоры, заимствовано отъ Евреевъ. Хитрость, мудрованіе. Ты ўсе берешъ на кгѣмѣоры. Кгѣмѣорами своими спорцивъ дѣло. Носовичъ 233.

Кгѣмѣорѣнѣкъ, употр. Евреями: Хитрецъ. А! Кгѣмѣорѣнѣкъ собачій сынъ. *ib.*

Изъ Еврейскаго קהלות (Евр.-Нѣм. gemahte), часть Талмуда, содержащая комментаріи и т. п., написанная послѣ Мишна.

Кошерный.

Коше́ръ, Евр. 1) Каждая вещь у жидовъ подлежащъ кошеру. 2) Самая вещь, позволенная Евреямъ въ пищу. Передъ скодины у жидовъ кошеръ, а задъ трефъ. Носовичъ 250.

Кошерный (Евр.). Чистый, очищенный. Кошерный кедр. Кошерное мясо. *ib.*

Кошерный, Koscher. Желеховский I, 373.

Koszerny... nalezytu bez nagany, ohne Fehler, ohne Mängel... Koszerne, prawo bicia chyli rzezi koszernéj, das Koscherrecht. Linde II, 461.

Изъ Евр. כֹּשֶׂר, годный къ употребленію въ пищу, или вообще, вещь позволительная.

Креплики.

Креплики. Mehltäschchen mit fein gebackten Schwämmen od. mit Zwetschen, Sauerkraut etc. gefüllt zum борщ. Желеховский I, 377.

Krepel, Krepke może z Niem. Krapfen, Krapfkuchen, Lat. med. scarpus... Krepke są ciasta smażone. Linde II, 490.

Изъ Евр.-Нѣмецк. Kreplich, которое въ свою очередь взято изъ нѣмецкаго Krapfen. У Евреевъ эта пища состоитъ изъ малыхъ треугольныхъ пирожковъ, наполненныхъ мясомъ, иногда и творогомъ, грибами и т. п.

Das Gebäck spielte eine grosse rolle in alterzeit, hauptsächlich als fastengebäck, wie noch jetzt hauptsächlich in katholischen landen etc. Grimm V, 2063 ff.

Кугель.

Кугель. Еврейское пирожное, приготовляемое къ субботѣ. Кугеля съ мясомъ ци не хочешъ. Не кугелемъ жидовскимъ тебе кормиць. Носовичъ 268.

Кугель (съ тѣмъ-же значеніемъ). *ib.* 124.

Кугель, Gugelhupf. Желеховский I, 170.

Кугль или кугли, любимое жидовское блюдо: лаша съ гусинымъ или овечьимъ саломъ. Даль II 214.

Евр.-Нѣмецк. Kugel имѣеть то-же значеніе, что нѣмецкое Gugelhupf изъ котораго оно сокращено. Gogelhopf, Gugelhupf: a) auf dem Lande: Backwerk aus so genanntem Nudelmehl, mit Sauerteig gegohren; b) in Städten und Märkten: Backwerk von weissem, mit Hefen gegohrenem Mehlig, welcher in einer mit Butter, Schmalz u. drgl. bestrichenen Form von Thon oder Blech gebacken wird. Schmeller, Bayerisches Wörterbuch, (1872), I, 880.

Кумъ-гёръ.

Кумъ - гёръ. межд. означающее зовъ или шуточное приглашеніе къ чему. Пожалуй приходи. Заимствовано отъ Евреевъ съ Нѣмецкаго Kommen Sie her. Кумъ-гёръ суды. Кумъ-гёръ на клѣцки. Носовичъ 269.

Не съ Нѣмецк. Kommen Sie her, а съ Евр.-Нѣмецк. Kumher съ тѣмъ-же значеніемъ.

Лихтъръ.

Лихтъръ. Подсвѣчникъ. Лихтъръ жидовскій укравъ. Носовичъ 269.

Лихтърны й, принадлежащій къ подсвѣчнику, подсвѣчный. Лихтарный вершокъ. *ib.*

Лихтърня (Нѣм. Licht—свѣча). Фонарь. Лихтарня погасла.

Lichtarz z Niem. Lichtarzyk. der Leuchter; lichtarzowy, od lichtarza, Leuchter. Linde II, 634.

По всей вѣроятности съ Евр.-Нѣмецк. liechter съ тѣмъ-же значеніемъ.

Luchter, lichter, lucerna, Dief. Grimm VI, 833.

Махирь.

Ма́хирь, обманщикъ, плутъ. Видали мы такихъ махирь много. Носовичъ 282.

Махирскій, Плутовскій. Махирскій взглядъ. Махирская хватка. *ib.*

Ма́хирецъ, плутовать, врать. Досиць тобѣ махирецъ, возьмись жинць хорошо. *ib.*

Махля́р, Betrüger, Gauner, Schwindler. **Махля́рка**, — Желеховскій I, 431.

Махля́рство, Betrugerei, Gaunerei, *ib.*

Махлявати, schwindeln, betrogen. *ib.* 430.

Machlanina, machlarstwo, szalbierstwo, Betrugerei, Kaupoley, Schelmerey... **Machlarka**, machlerka, szalberka, die Betrugeriun. **Machlarski**, **Machlarstwo** **Machlerstwo**... **Machlarz**, **Machlerz** Ross. маклеръ; z Niem. der Mäkler, der Unterhändler der Kaufleute, der Sensal... **Machlować**, szalbierować, fałszować, mieszać rzeczy i sprawę, Durchsteckereyen machen, Unterschleif machen, hintergehen, betrogen. Linde III, 15.

Въ Евр.-Нѣмецк. **macher** (съ Нѣмецк. **machen**) значить фактотумъ, дѣятель. Изъ этого развило значеніе плутъ въ Вѣлорусскомъ. Въ польскомъ языкѣ это слово, очевидно подъ вліяніемъ нѣмецкаго **Mäkler**, превратилось въ **machlarz** и т. п.; отсюда оно перешло въ Малорусскій и Вѣлорусскій говоры; и такъ мы находимъ въ Вѣлорусск.: **Махля́р**, **махлеванне**, **махлеватый**, **махлеваць**, **махлѣвка** (Носовичъ 282) съ соответствующими значеніями.

Маца.

Ма́ца. Еврейскіе опръсноки, приготовляемые къ Еврейск. празднику опръсноковъ. Жиды мацу пекуць. Сквородники твоє тонки якъ жидовская маца. Носовичъ 283.

Ма́ца, Osterkuchen der juden. Желеховскій I, 431.

Ма́ца żydowska, chleb żydowski, ciasto żydowskie, jüdischer Kuchen. Linde III, 13.

Евр.-Нѣмецк. **maze** изъ Евр. **מַצֶּה** съ тѣмъ-же значеніемъ, какъ въ Вѣлорусскомъ и Малорусскомъ ¹⁾).

Пѣсахъ.

Пѣ́сахъ. Еврейскій праздникъ опръсноковъ. Въ самый пѣсахъ обокрали жиды и пѣсаху не шановали. Жиды для пѣсаху мацу пекуць. Носовичъ 543.

Пѣ́сахъовый. Свойственный еврейскому празднику опръсноковъ. Пѣсаховая горѣлка. *ib.*

Пѣ́сахъный. Во время праздника опръсноковъ употребляемый Евреями. Пѣсахъныя ложки. Пѣсахъная посуда, горѣлка. *ib.*

Пѣ́сахъовка. Родка, которую Евреи употребляютъ во время праздника, опръсноковъ. Пѣсаховкою ночествовавъ мене. *ib.*

Пѣ́сахъный, vom jüdischen Pasachfest. Желеховскій II, 607.

¹⁾ Въ Тюрингій въ ходу Matzkuchen, нѣчто въ родѣ нашихъ ватрушекъ: плоское печенье, покрытое сусемъ творога и рѣзающееся четырехъугольными кусками. С. Бульчъ.

Евр. פֶּזֶס, п а с х и, произносится pejsach ¹⁾ у Евреевъ. Отсюда происходят въ выше даннымъ слова.

Пэйсь.

Пэйсь. Волоса на вискѣ, обыкновенно отпускаемые Евреями, кесигъ. Пэйсь твой выдзеру, подай мое гроши. Носовичъ. 543.

Пэйсьи. 1) Тоже, что Пэйсаки. Пэйсы тобѣ за гетакое дзѣло оборву. 2) Вообще распущенные волосы, космы. Нашто ты дзѣвула, распустила свое пэйсьи. ib.

Пэйсьихъ, умен. слова Пэйсь. Песикъ, длинный локонъ волосъ на вискахъ у Евреевъ. Пэйсьики свое выпускала съ подь намѣтки. ib.

Пэйсахи. Волоса на вискахъ, которыхъ Евреи почти не стригутъ, песики. Пэйсьики выдзеру, коли не справдзишъ. ib.

Пэйсь, jüdische Haarlocken bei den Schläfen. Желеховскій II, 607.

Пэйсáтъй, пэйсáч, Jude mit пэйсьи. ib.

Pejs, Pejsik, Pejsy, słowo żydowskie, kędziór policzkowy [rodzaj warkocza, eine Art Zopf], der Bakenbart. Lindi IV, 72.

Въ Евр. פֶּזֶס, констр. פֶּזֶסֶת, значить уголь, волоса на вискахъ; отсюда Евр.-нѣи. pejes (какъ будто бы множественное число).

Равинь.

Рáбинъ, Равинь (духовное лицо у Евреевъ). Пойдемъ до рабина, нехай тобѣ присягу дасць. Носовичъ 544.

Рабѣй (Евр.). Равинь. Жиды во всемъ слушающъ своего рабѣя. ib.

Ребе. Господинъ, заимствовано отъ Евреевъ и прикладывается къ имени Еврея. Ни къ ребе-Хану. Будзь ласковъ, ребе-Ицка, дай въ кредитъ соли. ib. 561.

Рабин, рабін, Rabbiner. Желеховскій II, 793.

Rabin, pauczyciel żydowski, ein jüdischer Rabiner. Linde V, 14.

Рабинъ заимствовано очень рано изъ нѣмецкаго, что можно заключить изъ того, что въ Русскомъ языкѣ оно имѣло время передѣлаться на раввинъ. Въ Евр.-нѣмецкомъ гоу (изъ Евр. רַבִּי), означаетъ раввина, а гебе (изъ Евр. גֵּב) значить учитель, раввинъ, господинъ, между тѣмъ какъ геб (сокращенное изъ Евр. גֵּב) значить господинъ. Такимъ образомъ соответствующія Вѣлорусскія слова совсѣмъ вѣрно передаютъ Еврейскія значенія.

Ребохи.

Ребохи. Плутовскіе доходы. Нахватався ребоховъ. Ребохами не разживешся. Носовичъ 561.

Рабóхoмъ. Неправедная взятка, какъ бы грабежъ. Рабохомъ схвацивъ у мене, кабъ его за животъ хвацило. ib. 544.

Рейвах, Lärm, Geräusch. Желеховскій 799.

Рейвахувати, lärgen. ib.

На Евр.-нѣмецкомъ языкѣ gewach (изъ Евр. גַּחַץ) значить прибыль, барышъ. Въ Вѣлорусскіи это слово передѣлано подь влияніемъ слова рабовникъ, грабитель; въ Малороссіи Евреи произносятъ gejawach, и въ этомъ видѣ мы находимъ это слово въ Малорусскомъ, но съ измѣненнымъ значеніемъ.

¹⁾ О произношеніи Еврейскаго Русскими Евреями см. Hebraica X, часть 3 и 4.

Слимазарникъ.

Слимазарникъ, букв. слиною запачканный мальчикъ. 1) Гадкій мальчуга. Куды ты лѣзешь, слимазарникъ? 2) Пачкунъ, дурной ремесленникъ. Гдѣзъ тобѣ слимазарнику гето здѣлаць. Носовичъ 590.

Слимазарный, букв. слиною замазанный, запачканный. Малый, худой сложеніемъ. Слимазарное дзця (болѣе употр. въ Виленской губерніи). ib.

Слимазарнецькій, худенькій, маленькій. Слимазарнецькій якій твой хлопчикъ. ib.

Слимазурецъ. 1) Марать, жакъ бы слиною или возгрями. Не шіешь, а тольки слимазуришь полотно. 2) Тереть въ рукахъ, медленно занимаюсь. Досиць тобѣ слимазуриць книжку. 3) Сов. заслимазуриць. Пачкать. Досиць тобѣ заслимазуриць спицѣ. Заслимазурила полотно. ib. 591.

Слимазурецца. 1) Замазливаться, замарываться, особенно возгрями. Дзця слимазурицца возгрями. 2) Медленно заниматься чѣмъ. Досиць тобѣ слимазурецца коло гетой работы. ib.

Слимазурникъ. 1) Замазашка, заслюнившійся мальчикъ. Оботри гетого слимазурника. 2) Плохой мастеровой. Слимазурникъ гетый не здѣлаецъ хорошо. ib.

Слимазурница. 1) Заслюнившаяся дѣвочка. Оботри слимазурницу гету. 2) Малолѣтняя, еще не вышедшая изъ дѣтства. Слимазурницу гету еще не пора выдаваць за мужъ. 3) Плохая работница. Прочь слимазурница, ты тольки порцишь работу. ib.

Слимазурный. 1) Тоже, что слимазарный. Слимазурный хлопчикъ. Слимазурная дѣвчонка. 2) Гадкій, нечистый, запачканный. Слимазурными руками берешся за бѣлизну. 3) Медлительный, мелочный. Слимазурная работа. ib.

На Евр.-Нѣмецкомъ языкѣ *schlimásel* значить злая судьба, злой рокъ; негодяй, пройдоха. Это слово состоитъ изъ Нѣм. *schlim* + Евр. *masel* (מַסֵּל звѣзда, затѣмъ, счастье); отсюда оно попало въ нѣмецкія нарѣчія въ видѣ *schlammassel*, *schlammassen* и, можетъ быть, *Schle-mihl*. Русскіе Евреи передѣлали его на русскій (вѣрнѣе польскій) ладъ, присоединяя къ нему окончаніе *никъ* и передвигая удареніе на второй слогъ отъ конца, по авалогіи съ другими словами, оканчивающимися на *alnik*: *schlimesálnik*, вихляй, негодяй, пустодомъ; и женскаго рода: *schlimesálnize* пустодомка, замараха.

При переходѣ въ Бѣлорусскій, народная этимологія видѣла въ этомъ словѣ то слимакъ, слизень, то мазать, и передѣлала его на чисто Бѣлорусскій ладъ, слимазарникъ, и придала значенія, происходящія отъ этой мнимой этимологіи ¹⁾. Слимазурникъ, съ своей стороны, объясняется дальнѣйшею дѣятельностію этой же этимологіи, видащей въ немъ: мазуръ. 1) Мазовшанинъ, Черноруссъ. Панъ нашъ Мазуръ, не по нашему говориць. 2) (отъ мазать) слово укоротительное. Ходящій не мывшись съ замазаннымъ лицемъ и т. п. Носовичъ 277.

Талесы.

Т а л е с ы. Покрывало изъ тонкой шерстяной тѣани, употребляемое Евреями во время богомоленія. Жидъ безъ талесовъ въ дорогу не поѣдзиць. Носовичъ 632.

По Евр.-Нѣмецки *tales*, изъ Евр. תַּלְטֵל תַּלְטֵל таларъ, мантия.

¹⁾ Этого-же происхожденія польск. *szlamazerny*—вальный, флегматичный, лѣнивый.
С. Булича,

Тахлеваць

Тахлеваць. Могать, расточать. Ты, якъ видно, тахлеешь грошиками.

Tachlować, mieniać, przemieniać, zamieniać, szachrować со за со, wtychować со за со, frumarczyć, kupić i odprzedawać; verschachern, vertauschen. Linde V, 637.

По Евр.-Нѣмецки tachles, изъ Евр. תַּחְלֵס, значить, цѣль, экономія.

Отсюда образованъ глаголъ fortachlewen (Нѣм. ver+Евр.-Нѣм. tachlewen), промотать, растратить. Въ польскомъ языкѣ, а затѣмъ въ Бѣлорусскомъ нарѣчьи, отброшенъ префиксъ, который чувствовался какъ нѣмецкій, и осталось tachlewen, tachlować, илбющее какъ разъ противоположное значеніе отъ tachles.

Трефъ.

Трефъ по Еврейскому закону запрещеніе употребленія чего какъ нечистаго. Свинни для жидовъ трефъ. У мене трефу ни на што нема. Носовичъ 639.

Трѣфный прил. и т. д. ib.

Траф alles Unreine (was die Juden nicht gebrauchen dürfen Желеховскій II, 980

Трафный unrein. ib.

Треф и трефный; ib. 982.

Евр.-Нѣмецкое trejf (изъ Евр. תַּרְפָּץ, вещь или животное, разорванное дикими звѣрами) нечистый по закону.

Фанаберія.

Хванаберъ. Фанфаронъ. Не чепайся съ хванаберомъ гетымъ. Носовичъ, 676.

Хванаберный умен. слова Хванаберъ. ib.

Хванаберва. Гордянка. ib.

Хванаберистый, хванаберливый и хванаберный. Чванливый, гордый, ib.

Хванаберія. Спесь, чванство. Збили ему троку хванаберію дурную. ib. хванаберіецца. ib.

Фанаберна. Ziererei, Verstellung. Желеховскій, II, 1026.

Фанаберный, zierlich ib.

Фанаберія ж. Спесь, гордость, надменность.

Фанаберистъ, —тка, гордый родомъ или званіемъ. Даль IV, 547.

По Евр.-Нѣмецки berje (изъ Евр. בַּרְיָה сотвореніе, человекъ значить хватъ, мастеръ, sich berjen, мужаться, храбровать; а fajne (Нѣм. fein) berje, гордый родомъ, хвастунъ. При переходѣ въ Русскіе говоры фанаберія, по причинѣ своего окончанія, приняло отвлеченное значеніе, и остальныя слова образованы на русской почвѣ ¹⁾).

Фарфоли.

Фарфоли (лат. far—мука). Мелко изрубленное высушенное, пшеничное тѣсто, въ родѣ перловыхъ крупъ. Мама къ свату фарфоли готовиць. Носовичъ 673.

¹⁾ Аналогичное объясненіе слова фанаберія илбется уже у Я. К. Грота. Спорные вопросы русск. право. Изд. 2, стр. 457).
С. Буличъ.

Изъ Евр.-Нѣм. *farfel*, которое въ свою очередь происходитъ изъ средне-нѣмецкаго *farfeln*: *farfeln*, pl. *geriebener teig*, *gequirlte eier*, mhd. *varvelen*, *pultes*. etc... Grimm Deutsches Wörterbuch, III, 1332.

Хала.

Х а л а́. - Пшеничная булка, приготовляемая Евреями къ субботѣ или шабашу, надъ которою они колятся въ навечеріе субботы. Жиды уже халы напекли. Халу въ полу а гугѣль за пазуху. Носовичъ 675.

Евр.-Нѣмецкое *chale*; изъ Евр. חָלָה широгъ.

Хамецъ.

Х а м е́цъ, Хлѣбъ. такъ презрительно называемый Евреями во время праздника опрѣсноковъ, предъ которыми, по закону Моисееву, они должны выносить вонь все квасное изъ дома, а также и хлѣбъ. Крестьяне смѣются надъ Евреями, будто они передъ праздниками своими изгоняютъ хлѣбъ, говоря: «Хамецъ, хамецъ, иди вонь!» а по окончаніи праздника будто-бы извиняются передъ хлѣбомъ, говоря: «Хамецъ, хамецъ! ходи въ хату; то не я казую: иди вонь, а собака брехнуетъ». Носовичъ 675.

Евр.-Нѣмецкое *chomez*, иль Евр. חָמֵץ квасное.

Хаврусь.

Х а в р у́сь (изъ Еврейскаго). Тайное согласіе, сотоварищество. У себя зъ имъ ховрусь. Носовичъ 681.

Евр.-Нѣмецкое *chawruse*, изъ Евр. חַוְרָסָה товарищество.

Цымусть.

Ц ы м у с ть (заимствовано отъ Евреевъ). Сваренные и подслащенные медомъ морковь или пастернакъ. Ты сподѣбався на цымусть жидовскій, да не готовили его для тебе. Носовичъ, 693.

Евр.—Нѣмецкое *zimmes* съ тѣмъ-же значеніемъ, изъ Нѣмецкаго: Der Imbisz, Imbisz (Immis, Immes; Frank. Schwab.), Zwischenmall (mhd. daz und der imbitz, imbiz. «So du machest einen imbeiz oder ze ezzeu... Z'Imbisz (z'immds) eszen. Daher auch substantive das Z'immds. Schmeller, Bayerisches Wörterbuch, I, 292. Das Zimmes. Das vocab. venez.—tedesco v. 1460 gibt zimmesz durch vivanda. «Leer waren zimmesäck und schmalzkübel. H. Sachs... ib. II, 1125.

Шабашъ.

Ш а б а с ь. Празднованіе Евреями субботы. Жидъ круциць и шабасу не глядциць. Носовичъ 703.

Ш а б а ш ь. 1) Отдыхъ, льгота. Коли примемся за дѣла, тогда никому шабашу не дамъ. 2) Въ знач. нар. Полно. Шабашъ тобѣ даваць на вѣру, бо круцишь. *ib.*

Ш а б а с н ы й, шабашный и т. п. *ib.*

Ш а б а с о в а ц ь, праздновать субботу свойственно Евреямъ... *ib.*

Ш а б а с о в к а, 1) Водка, которую Еврей обыкновенно приготовляютъ для шабаса.

2) Свѣчка, зажигаемая Евреями наканунѣ субботы... *ib.*

Ш а б а с, Sabbath. Желеховскій II, 1081.

Ш а б а с і в к а, s. Сабашивка. *ib.*

Шабасовой, Sabbath—, den Sabbath betreffend. ib.

Шабасувати, den Sabbath feiern, ib.

Шабаш, s. Шабас, ib.

Шабаш, =genug, ib.

Шабашковий, шабасовий, ib.

Сабаш, Tanzunterhaltung am Feierabend. 2) Sabbath. ib. II, 846.

Шабашка, Art jüdische Sabbathmütze; 2) Schnapps, 3) Sabbathkerze. ib.

Szabas, sobota żydowska... Szabośnik, piec do chleba pieczenia, w izbje między piecem ogrzewalnym, a kominkiem, w którym się z kominka pali na chleb... Szabazny od szabasu... Szabaso wać szabas obchadzić, świętkować, den Schabas feyern. Linde V, 541.

Шабашъ и. Еврейск. шабашъ, суббота, праздникъ, день молитвы, отдыхъ, конецъ работъ, время свободное отъ дѣла, пора роздыха. шабашная пора, — день... шабашить...—шабашень..., шабашка, шабашки, дрова, щепá, обрубки, уносимыя плотниками съ работы домой. Шабашковая работа. Шабашивый..., шабашникъ, —ница; шабашевать... шабашеванье, —шкованье..., шабашничать...—ничанье... Шабашникъ(?) пск. большой сѣрый дроздъ, птица. Даль IV, 636.

Евр.-Нѣмецкое schabes суббота, изъ Евр. שַׁבָּת, день отдыха. Уже въ началѣ шестнадцатаго вѣка шабашъ употреблялось Евреями въ смыслѣ мелкой монеты, какъ видно изъ слѣдующихъ строкъ, взятыхъ изъ сочиненія А. Я. Гаркави, «Объ языкѣ Евреевъ, жившихъ въ древнее время на Руси», стр. 39 f.: «Р. Моисей га-Гола изъ города Лида (Виленской губерніи, писалъ въ 1515 году) שַׁבָּת = шабашъ».

Въ собраніи рукописей Фирковичей, принадлежащемъ нынѣ Императорской Публичной Библіотекѣ, находится, подъ № 71, суперкомментаріи Моисея га-Гола, подъ названіемъ Опаръ Нехмадъ (драгоценное сокровище), на комментаріи къ Пятикнижію Абенъ-Эзры. Въ нихъ при объясненіи библейскаго слова переть (Левит., гл. XIX, ст. 10), которое Абенъ-Эзра сопоставляетъ слову га-портимъ (Амосъ, гл. VI, ст. 5), читаемъ: «Га-портимъ, каждый изъ нихъ даетъ пруту (мелкая монета въ Талмудѣ, соответствующая, по Цунцу, Zur Geschichte und Literatur, стр. 539, греческому Δελλα) музыканту, что называется на ихъ испорченномъ языкѣ шабашъ...». Испорченнымъ названо слово шабашъ вѣроятно потому, что оно переделано изъ еврейскаго шаббатъ (суббота)¹).

Отъ этого значенія мелкая монета вѣроятно развилось другое, полно, достаточно, хотя оно могло развиться и прямо изъ значенія отдыха.

Шамберъ.

Шамберъ. 1) Обманщикъ. Не вѣрь гетому шамберу; не позычай грошей, скрупицъ. 2) Насѣшникъ. Шамберъ гетый ўсякого пересѣвецъ. 3) Шутникъ.

Ой ты Ваничка, шамберъ,
Не бери мене за ручку цешеръ.

Носовичъ 705.

Шамбѣрка. Плутовка, хитрая женщина. ib.

Шамбѣрливый. Плутоватый. ib.

Шамбѣрный. 1) Насѣшливый. 2) Плутовскій. ib.

Шамбѣрство. 1) Подшучиваніе. 2) Хитрость.

Шамбѣринне. 1) Подшучиваніе. 2) Употребленіе лукавыхъ изворотовъ. ib.

Шамберицъ сов. Подшамберицъ. 1) Подшучивать. 2) Хитрить, лукаво дѣй-

¹) Нынѣ я полагаю, что Моисей имѣлъ тутъ въ виду восточное восклицанье (персидское) ша башъ (будь весель!).
А. Гаркави.

ствовать. 3) Насмѣхаться. 4) сов. Пошамберницъ. Плutowать. 5) Смамберницъ. Тихонько похищать, тащить. *ib.*

Какъ фанаберія состоитъ изъ *fajne + berje*, такъ шамберія есть не что иное какъ *schejne* (Нѣм. *schöne*) + *berje*, т. е. прекрасный (иронически) молодець, хитрецъ, плуть. Остальные слова уже развились на русской почвѣ.

Примѣч. Сюда же очевидно относится волжворусск. шамберничать—вести праздную жизнь, слоняться безъ дѣла, и польск. *szalbieżyć*—мошенничать, *szalbieżstwo*, *szalbieżka* и т. д. С. Буличъ.

Шахровать.

Шахрoвѣць. Плutowать, обманывать, лгать. Не шахруй коло мене. Енъ въ картахъ шахруецъ. Не правда, шахруешъ, т. е. лжешь. Носовичъ 708.

Шахирь-махирь. 1) Плutowски, расточительно. У его усё добро шахирь-махирь пошло. 2) Плutowство. Пустяться на шахирь-махирь. Сличи Махать. *ib.*

Шахрай Schacherer, Schwindler. Желеховскій II, 1085.

Шахрайка. Schachereriu, Schwindlerin *ib.*

Шахрайскій Schacherer, Schwindler—schwindlerisch, betrügerisch. *ib.*

Шахрайство. Schacherei, Schwindelei, Betrug. *ib.*

Шахрувати. schachern, betrügen, täuschen. *ib.*

Szachraj, Szacher, oszwabiający po żydowsku handlarz, ein Schacherer. Szachrajka... Szachrajski... Szachrajstwo... Szacherstwo... Szachrować. Linde V, 542.

Въ Евр.-Нѣмецкомъ этого слова нѣтъ. Здѣсь мы находимъ только *socher* (изъ Евр. שׂוֹכֵר) купецъ и *schöjre* (Евр. שׂוֹפָר) товаръ; въ Еврейскомъ кромя того есть слово *zacher* (זָכֵר) прибыль. Въ языкѣ Нѣмецкихъ воровъ, въ которомъ есть много словъ Еврейскаго происхожденія, *sachern* и *schachern* употребляется въ смыслѣ покупать, обманывать. Затѣмъ это слово попало въ Нѣмецкій языкъ, а оттуда только въ Польскій и русскія нарѣчія. Бѣлорусское шахирь-махирь легко объясняется изъ отдѣльныхъ этихъ словъ. Сличи махирь.

Шлѣръ.

Шлѣръ (заимствовано отъ Евреевъ). 1) Головная изъ тонкаго холста повязка, которую Еврейскія женщины носятъ въ видѣ чепца. Не хочешь у насъ жиць, будзѣшь шлѣры жидовкины мыць. 2) Повязка въ родѣ вуала. Обязалась шлѣромъ, якъ жидовская невѣста, штобъ ни загорѣць. Носовичъ 713.

Изъ Евр.-Нѣмецкаго *schlejer* (Нѣм. *Schleier*).

Шлэхъ.

Шлэхъ (заимствовано изъ Еврейскаго языка). 1) Дрянь изъ дряни, послѣдки. Самъ лѣпшенькое выбравъ, а инѣ усё шлэхъ оставивъ. 2) Сволочь. Шлэху гетому ни коли не уступлю. Колабъ хто добрый говоривъ, а то шлэхъ. Ты противъ мене шлэхъ. Носовичъ 713.

Евр.-Нѣмецкое (и Нѣмецкое) *schlecht*—плохой, злой.

Колумбіа. Миссури.
Сент. 1894.
Missouri State University
Columbia, Missouri.
September 1894.

Л. Виенеръ. (Leo Wiener).

Пѣсни Каменецкаго уѣзда Подольской губерніи.

Предлагаемыя вниманию читателей матерьялы собраны мною случайно. Во второй половинѣ минувшаго лѣта мнѣ пришлось провести нѣсколько дней въ г. Каменцѣ-Подольскомъ; мнѣ очень хотѣлось познакомиться съ населеніемъ этой любопытной мѣстности, съ его обычаями и поэзіей, но время и обстоятельства не позволяли мнѣ принять экскурсію по уѣзду; случайно я узналъ, что расположенный въ Каменцѣ пѣхотный полкъ комплектуется мѣстными уроженцами; благодаря любезности двухъ ротныхъ командировъ этого полка г-дъ Гончарова и Лушіанова, которымъ считаю приятнымъ долгомъ выразить свою глубокую признательность, я получилъ возможность побесѣдовать съ молодыми солдатами (всѣ кромя одного послѣдняго призыва) изъ различныхъ частей Каменецкаго уѣзда.

Отъ нихъ я записалъ нѣсколько пѣсень, сказокъ и повѣрій. Способъ собранія отразился конечно и на характерѣ матерьяла; такъ въ моемъ маленькомъ собраніи почти не представлены веснянки, очень многочисленныя въ этой мѣстности, такъ какъ онѣ поются дѣвушками; я избѣгалъ записывать и такъ называемыя «прѣсти» пѣсни, такъ какъ этотъ классъ подверженъ болѣе всего вліанію городской и солдатской пѣсни. Вообще я записывалъ только то, что по моему убѣжденію не могло быть заимствовано ни въ полку, ни въ городѣ.

1. Колядки.

1.

(Поется хозяйну дома).

Чи е ти ў дома пан господару?
Ми ў тебе, ми ў тебе,
Кличче тя господь на порадочок
До сѣба

Даруе тобі сто кіп пшениці
Вродити, вродити
Дай же ти господь щастя здоровья
Прожити.

Хозяинъ выноситъ деньги, «баръза» (загѣвало), получаетъ ихъ, гоноритъ: «Хлопці-молодці, ми тут чужі, даруй же нас, пан господар, киншом, калачом, або щастямъ тай здоровьямъ щоби той господар буў вгрѣшний, великий якъ той даръ божий»

См. Потебня, «Объясн. м. и ср. пѣс.», II, гл. 6 (стр. 93).

С. Маховъ.

2.

(Поется хозяйну дома).

Ой з гори, з гори, замітай двори,
Славен есі на небсі, ¹⁾

Клади калачи з ярой пшениці,
Приду до тебе я ў рікъ гостоньки,

¹⁾ Повторяется послѣ каждого стиха.

Я ў рік гостоньки, три колядничэньки
То зрадуеца жэто й шпэниця
Жыто шпэниця—ўся сіўба ў полю

Вся сіўба ў полю, я рыба ў мору,
Я рыба ў мору, я птаха ў стрісі,
Я птаха ў стрісі, я звір ў лісі.

С. Маховъ.

См. А. А. Потебня, «Объясн. мал. и ср. пѣс.» 2 гл. XII (стр. 143) и гл. XIV (стр. 80); 3. Радченко, стр. 115, № 13. Булгаковский, ст. 23, № 5 и ст. 30, № 6, стр. 47, № 4.

3.

(поется хозяйну дома).

Прилѣтіли ластівочки,
Сілы собі край віконця,
Як зачали щѣбтати,
Господара пробуджати:

«Я ўстань, я ўстань, госпадару,
Подивися на кошару,
Всі ся вівці повотили,
Всі агниці попрыводили».

С. Баговцы.

Варьянты и объяснение см. А. А. Потебня «Объяснение малор. и ср. пѣсень», ч. II, гл. IV (стр. 70); Булгаковский, стр. 45, № 1.

4.

(поется парню).

Ой, рано, рано, кури запіли ¹⁾,
Ой, щей ранче пан Штэфан устаў
Ой рано він устаў—три свічи всукаў
При відній свічи личенько вмиваў,
При другий свічи ў супонь коня ўбираў,
При третій свічи на війну виїжджаў,

Ой-йіму нэнька наповідала:
«Ой йідь синочку тай на війночку,
Наперѣд війська не вибивайся,
А назад війська не оставайся,
В сѣрединці при старшиноці,
А за сім словомъ и т. д.

С. Слободка.

Варьянты и объясн. см. Потебня, ч. II, гл. LXV; Булгаковский, ст. 33, № 10.

5.

(Поется парню).

Ой, рано, рано, кури запіли, ²⁾
Шѣж ми ранче встаў кгрѣшний молодчик
Кгрѣшний молодчик NN хлопчик,
Ой, устаў, устаў три свічи ссукаў,
При першій свічи личенько вмиваў
При другий свічи коника сідлаў
При третійсвічи в вину виїжджаў

Фаліўся конен перѣд королѣм:
«Я ў мого коня шоўкова грива,
Я ў мого коня срібни копита,
Я ў мого коня шоўковий хвостик
Золота грива перса стіає (?)
Срібни копита каміне лупають
Шоўковий хвостик слід замітає.

С. Кадіевцы.

См. Потебня, ч. 2, гл. LX.

¹⁾ Послѣ каждого стиха обычный припѣвъ: Ой, дай, Боже.

²⁾ Послѣ каждого стиха «Ой, дай Боже».

6.

(Поється парню).

Йіхау NN у божу дороженьку
Ой, дай же йому боженько ў час годи-
ноньку добрую ¹⁾
Ой, йіхау він мильку, йіхау другуу,
А на третій мильці да стау спочивати
Да стау спочивати коня попасати,
Йіго кониченько ўскочіу ў городеньку,
Скочіу ў городеньку, видошпау зіленько,
Йі-о, вишла до него я кгрешная панна;
«А шож ти наробиу я пан NN—
Я твій кониченько видошпау зіленько».

Взяла кониченька за нові повіця,
Йіго молодого за білу рученьку
Завела коника до нової стайні,
Йіго молодого до нової світлоньки,
Дала коникові дрібненького вівса,
Дрібненького вівса зеленого сіна,
Йіму молодому пшенишного хліба,
Пшенишного хліба солодкого меда,
А за тим словом бувайтими здороу
Бувайтими здороу пан NN.

С. Лисоводи.

7.

(Поється парню).

Під дубиною, під зеленою,
Там оре плужок восьмирицєю
Ой, оре, оре,—сам пан погойет,
Кгрешний молодец за плугом ходет,
Прійшоу до него батенько его:
«Ой, ори, синку, дрібненьку инуку,

Та носіємо яруу пшеницю
Та зберем жінціу сімсот молодціу,
Як вязільничок, сімсот дівочок,
Та навладем кіп як на небі звізд
А за сім словом бувайтими здороу».

С. Кадівци.

8.

(Поється дівушкѣ).

Ой, дай Боже! ²⁾
Ой, фалилася, біла береза
Своїми цвітами пирид лісами,
Ой, не фалися біла береза,
Бо не тиж то ті цвіги кохала,—
Кохали цвіги буйний вітри
Буйний вітри—майови дощи.
Ой, фалилася кгрешная панна,

Кгрешная панна,—панна NN
Своїми косами перед друзками,
Ой, не фалися, кгрешная панна,
Бо не тиж то ті коси кохала—
Кохала коси ненька старенька
Темної нічки, напротів свічки,
Ясного сонця просто віконця.

Когда дѣвушка выноситъ колядникамъ деньги «береза» (зацѣвало) говоритъ:
«Хлопці-молодці ми чуюмъ, вічуе нас кгрешна панна сими червоними, або
щастям-здоровлям абисятъ в щастю здоровлю сѣй рік впровадили другого дочєкали».

С. Слободка.

См. Бугаковскій, стр. 43, № 20. Чубинскій III, стр. 15—8 № 69.

¹⁾ Повторяется послѣ каждого стиха.

²⁾ Повторяется послѣ каждого стиха.

9.

(Поється дівушкѣ).

Ой, фалилася білая бѣрѣза
Жѣ-ѣ, своїми жѣ да квітками,
Своїми квітками перѣд лісами.
Ой, нѣ фалися, біла бѣрѣза,
Своїми квітами перѣд лісами,
Бо твої квіти буйніші, вітри
Жѣ-ѣ, бо твої квіти кохали вітри.
Фалилася, кгрѣшная панна
Своїми косами перѣд паннами,
Ой, нѣ фалися, кгрѣшная панна,
Бо твої коси кохала нѣвѣка,
Нѣвѣка старѣнька—мати ріднѣнька,

Ой, кохачи-нѣдоспаючи,
В зелѣнім вині нимиваючи,
Золотим грѣбінцѣм вичисуючи
Пшѣнишним хлѣбом вигодовлюючи
Жѣ-ѣ, трома горішками вицотуючи,
Жѣ-ѣ, винним яблучком вихитуючи,
А за сім словом бувай здорова
Жѣ-ѣ, бо вінчує ти сѣв колядкою
Жѣ-ѣ, здоровля ў ваш дім на чѣлядочку
На чѣлядочку, на домову
Щастячко ў ваш дім на худібочку
Ой дай жѣ-ѣ, на худібочку, на роговую.

С. Кодієвци.

См. предъидущій №.

10.

(Поється дівушкѣ).

По горі горі пави ходили, ¹⁾
А на долині піро губили,
За нимишла кгрѣшная панна,
Пірѣчко збирала, ў рукавѣц складала,
З рукаўця брала, на столик клала,
С столика брала, віночок пила,
Віночок пила, на голоўку клала,
«Подивися, нѣвѣко, чи подібнѣвѣко?»
Дѣсьми ся взяли буйніші вітри,

Звіяли вінец на тихій Дунаец,
Дѣсьми ся взяли три риболоўці,
Три риболоўці всі три молодці.
— «Котрий молодѣц поплине по вінец,
Йідному буде золотій перстїнец,
Другому буде павляній вінец,
Третѣму буде—сама молодая
Сама молода заручѣная.

С. Кодієвци.

См. Пот. т. XLV. З. Радченко, ст. 118 № 22; Булгаковскій, стр. 39, № 16 и 17.

11.

(Поється дівушкѣ).

Ой, орлѣ, орлѣ, високо лѣтиш
Високо лѣтиш, далеко видиш,
Чи видиш, орлѣ, за синѣ морѣ?
За синѣ морѣ стоя намети,
А ў тих наметах золотій стїльчик,
На тїм стїльчику кгрѣшная павна,
Сѣдючи сѣдит ў виргани грає,
Ў виргане грає, кращѣ співає
Прийшло до нѣй три риболоўці,
Три риболоўці, всі три молодці,

Взяли йїй ся вірнай питати:
«Хто ж тѣбѣ наўчуў ў виргани грати?»
— «Наўчила мене нѣвѣка старѣнька,
Нѣвѣка старѣнька—мати ріднѣнька,
Ў виргани грати, кращѣ співати
Жѣ-ѣ, я за сім словом, бувай здорова
Бувай здорова кгрѣшная панна,
Бо вінчуїм ти сѣв колядкою
Щастям - здоровлям—святим Рождеством.

С. Кодієвци.

См. Потебня, «Об. мал. и ер. пѣс.», ч. 2, гл. LVIII и стр. 295.

¹⁾ Послѣ каждаго стиха припѣвъ: «Ой, Дай-Боже».

12.

(Поється дівушкѣ).

Пань-вгосподару, на вашим двору,
Ой, Дай-Боже! ¹⁾

На вашим двору—в вина кѣрниця,
А у тій кѣрниці прѣсвата дѣва,
Прѣсвата дѣва хрѣста й купала,
Хрѣста купала—хрѣст загубила,
Ой де ся взяла дивна стѣжечка,
Ой туди йшла вгрѣшная панна,
Ой шила, шила,—золотий хрѣст найшла.

Ой здибали йійі, ой всі святійі:
«Ой, вгрѣшная панна, вирни намъ тай
хрѣста,

Будѣм за тѣбѣ Бога просити,
Бога просити,—служби служити,
Ой йідна служба—святѣ рожѣство,
А друга служба—то святій Ордан,
Ой, трѣта служба—то святій велик-день.

С. Слободка.

См. Пот. «Объясн. мал. пер. пѣс. 2 гл. XLVI.

13.

(Поється дівушкѣ).

Шож то ми за гук у неділю рано
Дванаціт дзвоніу у раз задзвонили,
Враз задзвонили—заголосили,
Вгрѣшную панну дай розбудили,
«Ой, не давоните, не голосіте,
Мені папа дай не розбудіте,
Во мій тѣнер пай з язкѣр прийдіау
Превіз він мені три подарунка:
Первий дарунѣц—золотій перстінѣц,
Другий дарунѣц—тонкій завоец,

Трѣтій дарунѣц—з лисами шуба;
Золотий перетінѣц пальчики ломит,
Тонкий завоец голоуку клонит,
З лисами шуба слід замитає;
До цѣрквоньці йшла вгрѣшний панною
А, с цѣрквоньці йшла ясною зорюю.
Панн стояли людей питали:
«Ой чи поївна, чи королівна?»
«Ой не поївна, не королівна,—
Вітцѣва дочка, як паняночка».

С. Кадієвцы.

См. Погобня, «Об. мал. и ср. пѣс.», ч. 2, гл. XXXII; поєднѣе опубліков. варьянтъ у Радченка, стр. 110 № 2.

II. Щедровки.

1.

(Поється дівушкѣ).

Ой у лузі, на Ярдані,
Ростѣ рума на камѣні;
Там NN биль білила,
Биль білила говорила:
«Нема жому дати
До батѣнька знати,
Шоб прийдіау

Биль забрати».
Батѣнько кажіт:
—«Ї мене коні нѣковани, (2)
Ї мене сани не малѣвани».
Ой у лузі, на Ярдані
Ростѣ рума на камѣні,
Там NN биль білила,

¹⁾ Повторяется послѣ каждого стиха.

Біль білила говорила:

«Нема кому дати
До матінки знати,
Щоб прийїхала
Біль забрати».

Матінка кажіт:

«Я вв поїду—
Ї мене коні покочани, (2)
Ї мене сани на малєванн».
Ой у лузі, та на Ярдані,
Ростє рума на камні,
Там NN біль білила,
Біль білила говорила:

«Нема кому дати
До милого знати,
Щоб прийїхаў
Біль забрати».

Милєнький кажіт:

«Я поїду—
Ї мене коні покочани (2)
Ї мене сани помалєванн».
А за тим словом
Бувайтими здорова
Кгрєшна молодєнька
Панна NN.

Лисоводы.

См. Пот. «Об. м. и ср. пѣс.», гл. XLVII.

2.

(Поєтся дѣвущкѣ).

По за ворота трава мурава,
Там дівочєт в танєц ходєт
Кгрєшная панна ў сам перєд ходєт
Прийшоў до нєї батєнько бїїї:
«Ой, синку, синку, час до домоньку».
— «Ой, пїду, пїду, най танєц дїйду».
Танєц дїйшла до дому ни йшла;
Прийшла до нєї матїнка бїїї:

«Ой, синку, синку, час до домоньку».
— «Ой, пїду, пїду, най танєц дїйду».
Танєц дїйшла, до дому ни йшла,
Прийшоў до нєї милєнький бїїї:
«Ой, мила, мила, час до домоньку».
— «Ой, пїду, пїду, най танєц дїйду».
Танєц дїйшла, до дому ни йшла.

С. Кадїевцы.

См. Потебня, «Об. м. и ср. пѣс.», ч. 2, гл. XI; Булгаковский, стр. 39, № 17.

3.

(Поєтся хозяйку дома).

Щодрий вєчїр, на святїй вєчїр
Чи є вдома пан господар,
А я знаю, що є вдома
Сидят собї вонєц стола
На них шуба шуболєва,

Я ў тї шубї валиточка,
Я ў тї валиточки сто чєрвїнциў
Сєму тому по чєрвоному
А нам хлопцям по золотому.

С. Слобожка.

См. Потебня, «Объясн. мал. и ср. пѣс.», гл. XII; Булгаковский, стр. 4, № 3.

III. Веснянки.

1.

Скакали дики вози
Черєз попови лози,
То ў гору, то ў долину,

За ними козницята,
Поломали ножєнцята.

С. Маховь.

Їта пєсня поєтся при грѣ «Мости» (см. Потебня, I. 127).

2.

Бэригом, бэригом, бэрижином,
Загубиў хустину під лэцином;
Хто загубиў—Яўтух п'яний
Вийди діучино я твій коханий,

Чубинскій, V, стр. 106 № 22.

А ви, сосіда, добри людэ,
Сватайтэ Ганусю весіля будэ,
Я с ким будэ то с тим будэ,
Я з Антосём пара будэ.

С. Маховъ.

IV. «Прости».

1.

Эй, с Слобідки до Завала
Усипана могила,
Ой, там Дэмка козачэнька } 2.
На празник убили;
Били йіго, били йіго
Празникови людэ,
Били йіго, били йіго,
У грэчку закотили,
Та щэ з Дэмка козачэнька
Чэр-поас здобилили,
Та чэр-поас, та чэр-поас,—
Щэй три рублі грошэй,
Во буў Дэмко козачэнько
На ў роду хороший
Були ў йіго добри людэ—
Дали пану знати:

См. Голов., I, стр. 94 № 4, 102, № 12.

«Іди, іди, пани Двэрніцкый
Дэмка поховати».
Тай звываэ пани Двэрніцкый
Дохторі з ліками;
Дэмка вэзут, коня вэдут,
Кінь голоўку влони,
За ним за ним діучинонька
Били ручкы ломит;
Дэмка вэзут, коня вэдут,
Кінь ся спотываэ,—
За ним за ним діучинонька
З жалю умліваэ
Дэмка вэзут, Дэмка вэзут
З горн на долину
Тай висипаў пани Двэрніцкый
Високу могилу ¹⁾.

С. Слободка.

2.

Ой на горі Маковэц,
На долині й могила,
На могилі й калина,
На калині соловэй,
Соловэйчик малэнькый,
В него голос тонэнькый, (2)
Він щэбэчэ нікому (2).
Тільки собі самому
На чужийі сторони
По вэводі жинку ўзяў,
Та я з нэю жить нэ стаў,

Забіў йікі колаком,
Подожиў йі під вікном (2)
Накриў ручки подотном,
Надіў шапку на голоўку
Тай помоу на улицу до дівок:
«Здрастуй здрастуй девушка,
Прикрасна паненочка».
Я ўсі діўки стали і усі замоўчали,
Тільки одна стала,
І відала вдрастуй
Козак маладому.

Людвиполь.

¹⁾ Півший эту пёсню увёрень, что сюжет ея—недавній фактъ. По его словамъ Дэмко, сынъ помѣщика Двэрніцкаго, якобы недавно убитъ крестьянами, сестры Дэмка яко бы живы до сихъ поръ, пёсня эта «написана» ими и «разослана во всѣ края». Приводить этотъ рассказъ какъ любопытный образчикъ отношенія народа къ эпической пёснѣ.

3.

Ой швода швода того цвіта,
Шо ся запвітає по білому світі,
А щє гиршє шкода хлопця молодого!
Кажут ку служити государу й Богу (2),
Кажут ну служити, кажут присягати,
За днн за роднику кажут забувати,
«Бувайтє здорови, соснови пороги,

Куди прокожали мойї біли ноги,
Куди покожали—ходити нє буду,
Кого вєрно люблю—по вік нє забуду,
Бувайтє, бувайтє—да нє забувайтє,
Шо дєнь, шо годинку мєнє споминайтє,
Споминайтє мєнє добримнн словами
Я буў жє я хлопец добрий мєжє ваши».

См. Чубинский, V, стр. 325 № 644.

С. Людвиполь.

4.

—Нє ходи, козачє, по над бєрєгами,
Нє завдавай мому сєрцю жалю
С чорними очами.
Чорни очи маю—тай нє ожєнєси,
Нє хтят мєнє дїучата любити
Іду утоплюся.
Нє люблят дїучата, а ни холодиці
Шїду з жалю, в жалю отоплюся

Ў глибокий криниці.
Нє топєсь, козачє,—жарнє душу агубиш,
—Скажи луччай я вєрнюю праўду
Кого вєрно любиш?
Вжє я находнўся, вжє я назохаўся,
Як той ў саду, ў саду соловєйко
Дай нащєбєтаўся.

С. Лисоводы.

5.

«Червона калино чо нє процвітаєш,
Молода дїучино, чой дунку думаєш?»
—Ой як жє мєнї думки нє дунати—
Любила козака—тєлєр нє видати.—
Молода дїучина три нички нє спала,
Три нички нє спала—дрібний лист пи-
сала,

Писала вона білнми пальцями,
Тай пєрєдавала буйннми вітрами;
Як той лист дїстаўся, — сам він прочи-
таўся,

У стаў козак тижєнько здихнуўши,
За кохана спиннуўши,
Сказаў козак хлопцєві малому:
«Іди сїдай коня, коня вороного
Дай повїдєно до захохана мого».
Ой вїхаў тай ступнў до пана:
«Ой, панє ж мїй панє, пусти ж ми до
дону—
Прислала дїучина дрібний лист за мною,
Іприслала дїучина, шой зродила сына».
А пан вїму кажє той лист відслати,

Тай тую нєславу на другого дати,
Обєрнуўся козак до пана плєчина
«Ой нє відкажєся бо моя причина».
Козак до ворїт доїзджає
Його ўся родина витає.
«Ох ти козаку, да ох ти лїнтаю
Черєз тєбє йїодного дїучина вмирає».
Прийшоў жє він до хати, тай узяў вїїи
за руки,
Тай поцюловаў вїїи ў білєє плєчєнько.
«Шоб тєбє цєлувала ляхая година
Видцуралася мєнє тай усяя родина
І шєй рїднн сєстри—
Три нєдїли слаба була нїкому води при-
нєсти.

«Дїучєно-господа, Бог іє тобою—
Своро з лужєнька устанєш—вїзєшш шлєб
зо мною».
Дїучина як нє хорувала—скоро з лужка
ўстала,

З козаком шлєб брала.

Людвиполь.

6.

Содома, панє братє,
Содома, Содома,
Дядє займє воли пастя
А я собі вдома
Тай займє воли
Тай на долину
А я пішоу на порадочку
Тай до діучини.

Радилися, радилися,
Хтять діучину дати
Тато хоче мама н'хоче
Зайшли собі ў свару
Гуркотіли, гуркотіли
Зайшли собі ў сварку
Ўзяў старий макогонь
А стара під лаўку.

С. Слободка.

См. Купчанко «Сборн. пісень Буков. нар.» стр. 180 № 167.

7.

«По саду я ходжу,
Й коника воджу,
Ох чого ж я, мій батєнько,
Не жонатий ходжу?»
— Воженися сину,
Допоможи Боже,
Та не бєри вдови дочки,
Сохрани тєбє Боже,
Бой удовина дочка
Йідна единиця,

Й вона ходи по риночку,
Як тай коровица,
По рвночку ходит,
Шєй хусточку носит,
Не йідного козачєнька
З розумньоку зводит».
«Ой не видно ліса,
Тилько видно дуба,
Ой вже мое закоханє
Вєчєрати будє».

Боговци.

8.

Гох за лісом огонь горит,
Лж там мій милий плугом горє,
І сам горє і сам погони
І до мєнє не говори,
Понєсу я йіму пшти,
Чи не будє говорити
Понєсу я йіму йісти,
Чи не скажє мнї сїсти,
Він найіўся щєй напўся
Дай на рїлю повалиўся
Чого лєжиш щєй думаєш
Чого воліў не ўпрагаєш.

А я лєжу тай думаю,
Шо погану жінку маю,
Який тубі мара винєн,
Шо ти гарний чоробривий.
А я руда вродилася
Чорнявому судилася.

Гєй, валю, валю, мєў думїна!
Не сватаў жє ти мня ў ночи
Не вилїзли тобі очи
Сватаўєсь мня у біду днину
Спросиў собі ўсю родину.

Гєй, валю, валю, мєў думїна!

С. Боговци.

V. «Пісні до скòну» (плясовья).

1.

Коломня непомня
Шєй коломиєчка,

Яка буда йїїї мама,
Така йїїї дочка.

1) Румынское замѣтствованіе=«увн, увн мой Боже».

Коломня, непомня
По горі ходила

А як зійшла на долину
Води ся напила.

Гохов., II, стр. 247—8 № 2 и 7.

С. Маховъ и Боговци.

2.

Борозенкою йшла —
Заросилася,
Здйбалася з Василем } 2.
Посварилася.
Посварилася
Молодесенька.
Тай за того яблочка } 2.
Чрвонсенька.

Тубі яблочко
Міні грушечка
Пэрэпросимося } 2.
Моя душечко.
Возьми ніж пэрэріж
Пэрэділимося.
Вой вэхчу по тэлята йти
Допомож мѣні Божэ
Василя знайти.

С. Баговци.

3.

Вох нѣ стій під вікном
Нѣ махай рукавом.
Бо я часу нѣ маю
Бо я рибку стругаю,
Бо я рибку варила
По кусочку ділила.

В кого чорний вусок
Тому рибки кусок
В кого сива борода
Тому юшки шкода.

С. Баговци.

4.

Горох сію, горох діщчу,
Люблю хлопці та щѣ хочу

Горох діщчу, россяпаю
Люблю хлопці щѣй кохаю.

С. Маховъ.

5.

«Ой діўчино, чия ти?
Ой чи пійдѣш гулять?»

— «Ой як пійдѣш піду я,
Нѣ питайся чия я».

Маховъ.

Тоже Головацкій, II, стр. 204 № 39 («шумка») Сходная Де Воланъ 199.

6.

Тай косити молотити
Нѣ мож ся прикласти,
А діўчата зачипатя—
Коби дѣ попасти,

Тай косити, молотити
Головочка болят,
А діўчата зачипати
Аж сэрцѣ говорит.

Слободка.

Сх. Головацкій, II, стр. 253 № 36 (жолон) и III/2 ст. 446 № 16.

7

Тече вода с під города,—
Я всё барилками,
Сяки таки криво...
Тай усі за діўками.
Тече вода с під города
По білим пісочку,
Хтож міні миленькому
Випере сорочку.
Вигнаў же я сини воли
На зелєну пашу,

А сам піду до діўчини
На молочву кашу.
Прийшоў же я до діўчини.
Вона пече пляcki,
Ой, як дала лопатю,
То я виліз рачки
Прийшоў же я до другої,
А друга сі дує,
А шапчику під пашину
Най їй мать мордує.

С. Людвиполь.

8.

Я вже ходпў (2)
Я вже находпўся
Як би яка чєрнявая
Вже бим ожєниўся

Як би яка чєрнявая
Чєрнїща від нєвє
Шоби людє нє смїялись
Ни з мєнє ни з нєлі.

С. Баговць.

Головацкїй, 3/1, ст. 219. № 85.

9.

Ой на ставу на ставочку
Два качури вьюця,
Я ў діўчини на подвіру
Два молодці бьюця.

Ой бийтєся—нє бийтєся,
Нє маєтє чоґо,
Нєма у мєнє штпєри воли,
Коня вороного.

Баговць.

10.

Ой на ставу на ставочку
Два качури вєся,
За Наталку діўчинюньку
Два шєўчки бєся,

Нє бєйтєся, дурни шєўці,—
Нє маєтє за що,
Нє дивнїця шо я гарна,
Коли я лядаца.

Маховь.

11.

Я ў городі марїян родит,
Я до мєнє Лукїян ходит.
Роди, роди марїяночку,
Ходи, ходи Лукїяночку.

Я до мєнє офіцєр на поріґ
А я їму на тарїлку нєрїґ
А він мєнє нєроґом по зубах
А я його батоґом по лєтєвах.

С. Маховь.

12.

Ой Василь тай умєр
Тай на лаўці лєжит,
Василиха за бутилку
Тай до коршми бїжит
І горїўку нєсє
І музми вєдє.

Тєпєр я си погуляю
Нє буюся тєбє,
Як на двєвтар нїлє
Та поплакувала,
Як до дому нїлє
Та підскакувала.

С. Людвиполь.

Сходная. Головацкїй, II, ст. 205 № 44 («шумка»).

13.

Ожениўся шэглик,
Та сіў та думае,
Шо ўтратиўся на весіля,
А жінки нэ мае,
Шукае, шукае,—
Синички питае:
«Чи нэ ў гэбе горобчыку
Синичка бувае?»
— «Бувала, бувала,
На ліскови гялячоці
Ничку ночувала»

Ой, як злапаў шэгляк
Я свою синичку,
Я ўзяў йіі біти,
Взяў йіі волочити
Від тоді ся наўчнў шуляк
Курчата ловити,
Як шуляк курчата,
Я воўж поросята
Чапля ходит по долині
Тай ловит качата.

С. Людзиполь.

14.

Та сіў кіс на покіс
Та взяў пэбетати
До котрої діўчиновьки
Старости вослати.

Пислаў би я до багача
Високи пороги
Будэ мэні вিপонаў
Воля та корови.

С. Слободка.

15.

Ниньки гульки,
Заўтра гульки

Оглянуўся—
Нэма гульки.

Маховъ.

16.

Або піду ў реарути,
Або піду ў турки

Або піду до діўчини,
До тої мазурки.

Маховъ.

17.

Тай посию порубаю
Чырвону малину,
Як нэ піду до діўчини
То марнэ загіну

Тай загіну за провину
Тай за марнэ діло
За дівочи чорни очи
Тай за білэ тіло.

Слободка.

18.

— Ой у саду, коло саду,
Коло ліщиночки,
Чи нэ бачиў, пане-братэ,
Дзе діўчиночки?

«Ой чи бачиў, чи нэ бачиў,
Нэ буду казати,
Нэ буду ти, пане братэ,
Жаляю заўдавати.

Боговцы.

19,

Ой зза хатц, чорна хмара
Зза хати, зза хати
Парестаньтэ вороженьки
За мэнэ брэхати,

Врѣшит собі вороженьки
На вік коротэнький
А я собі погуляю
Хлопэц молодэнький.

Маховъ.

Сходн. Голов., т. II, 814—815 № 47—51.

20.

А в Махова до Шатави
Вибита дорожка,

Ой я піду у салдати
Казала ворожка.

Маховъ.

21.

«Хитай вода бэрэгани
Хитай вода лугом
Чом до мэнэ нэ повернэш
Ой як идэш с плугом?»

— «Як до тэбэ повернути
Трэба ў тэбэ сісти
Трэба тобі діучинонько
Ўсю праўду спвісти.

Маховъ.

22.

Я такого брата маю,
На брата дуфаю,

Як я выйду на улицю,
Платами кыдаю.

С. Маховъ.

Записалъ Н. Коробка.

Латышскія преданія.

Всѣмъ извѣстно на сколько богато, на сколько обильно народное творчество литовско-латышскаго народа. На важность латышско-литовскаго языка неоднократно уже было указано лингвистами и о его значеніи еще на IX Археологическомъ съѣздѣ, въ Вильнѣ, былъ сдѣланъ докладъ почтеннымъ профессоромъ Кочубинскимъ.

Не меньшаго вниманія заслуживаютъ литовско-латышскія народныя преданія, отличающіяся такою древностью, каковой намъ трудно будетъ найдти въ преданіяхъ другихъ Европейскихъ народовъ.

Тутъ я помѣщаю два сказанья о Богѣ и чортѣ, записанныхъ въ окраниѣ Латышской земли и взятыхъ изъ рукописей заслуженнаго латышскаго этнографа Бривземниакса, издаваемыхъ дѣятельнымъ латышскимъ фольклористомъ А. Лерхисъ-Пушкайтисомъ и мною. Лерхисъ-Пушкайтисомъ уже изданы 4 части латышскихъ народныхъ сказокъ (Latviešu tautas pasakas), представляющихъ собою драгоценный матеріалъ для изслѣдователей латышскаго фольклора.

Valls un Dis.

I.

Vacūs laikūs dīs ar vāllu apstroādājšs roaciņu goabaln. Ka nūvākušs, dīs vāllam atvīelajš laj isvīelie kū nu gribūt: vaj vīerspusi, vajapaškaspusi. Vālls sacūs, ka gribūt tū, kas vīerspus zīemas. Labi! Dis atdīevs vāllam loakstus un poats ied's roaciņus. Biet ka vālls rīedzaj's, ka šam toā smīekīe, prāsij's laj dīs vīņam nū savas daļas ar dūdūt pasmīekīet.

Vālls, ismīekāj's, saka: «Tis jau lūti labi smīekīe». Un nu gribaj's divam roaciņus atvilt; vīņš saka: «Dīerīesam is tavim roaciņim, ka ies tīevi nūbeidinašu».

«Koapīec nā—dīerīesam!»

Vālls nu atgoaja nū gunkura, kuru tī beij mīeža viduci sakōurušs roaciņus cīept—un nu isciela toādu līlu vīeju, ka vuss mīežs brauškā vīn.

Par koādu laiku noak vālls pī gunkura un rīedz divu mirīgi sīdūt.

«Va tu neimoaz nāsī nūbeidīs?»

«Kas tad tur kū nūsabeitīs? Va tad ies vīeja nāšu rīedzaj's vai?»

Nu vālls attāics: «Ja ies nū tīev's ar nanūbeistūs, tad tīev man roaciņi bōus joadūd un ies tīev loakstus dūšu».

Dis ir ar mīru. Biet, kamār vālls is roaciņu goabalu nūgoaja, dīs pīsīeja pī līla kūka divi sausus iēglas goaldus toā, koa tī vīeja kulā ¹⁾ sitās un poats nūgoaja nū gunkura.

Par koādu laiku atnoaca vālls pī gunkura un dzīerd: kūka goaldus plarkšs, plarkšs, tak, tak! ar toādu varu, ka vuss mīežs nūskana. Vāllu brismīgas

¹⁾=Kūpā.

Богъ и чертъ.

I.

Въ старину богъ съ чортожъ сажали брѣкву. Послѣ жатвы богъ предоставилъ чорту право выбрать, что онъ хочетъ; верхнюю часть или вижнюю. Чортъ пожелалъ верхнюю. Хорошо! — Богъ отдалъ чорту листья, а самъ сталъ ѣсть брѣкву. Видя бога, кушавшаго съ аппетитомъ, чортъ попросилъ у него попробовать его допл.

Попробовавши говорить: «Это очень вкусно!» И желая выманить у бога брѣкву, говорить: «Давай держать пари на твою брѣкву, что я тебя испугаю.»

«Отчего нѣтъ — давай!»

Чортъ отошелъ отъ костра, который они развели посредниѣ лѣса, чтобы жарить брѣкву и нагналъ такой сильный вѣтеръ, что весь лѣсъ затрещалъ.

Черезъ нѣсколько времени чортъ опять приходитъ къ костру и видитъ бога преспокойно сидящаго.

«Развѣ ты совсѣмъ не перепугался?» спрашиваетъ онъ.

«Чего-же тутъ пугаться. Развѣ я вѣтра не видалъ?»

Тогда чортъ сказалъ: «Если я тоже теперь тебя не испугаюсь, то ты долженъ будешь отдать мнѣ свою брѣкву, а я тебѣ отдамъ листья».

Богъ согласился. Но, пока чортъ ходилъ на брѣквенное поле, богъ привязалъ къ большому дереву двѣ сухія еловыя доски такъ, что-бы они при вѣтрѣ ударялись другъ о друга, а самъ пошелъ къ огню.

Немного спустя чортъ пришелъ къ костру и слышитъ въ верхнихъ деревьяхъ раздается: пларкшъ, пларкшъ, такъ, такъ! съ такою силою, что весь лѣсъ

bailas sagroāba un tis par goālvu par koaklu iskrieja mieža.

Ka dis atnoāca, tad valla pi guns vairam nabej. Valls prujām bāgdamsiraudzija mallū dzilni. Dzilna zinaja, ka viņš nū plarška bāg, toadiel knāpa ar knābi pi sausa kūka un isbeidinā viel ūtraiz vallu. Kuŗu raiz nu valls mallās dzilnas taisītu trūksni dzierdā, tad tis vairam miežā nagoāja. Toā tad mallā dzil na viel šū labu dīnu atsoargā vallus nū mieža.

II.

Koadā citā raiziē dis ar vallu bej apsiejušs rudzu teirumu. Prikš plaušanas ti oatkal sanoāca rudzus isšķiert. Dis vallam dieva priksrūku. Nu valls atgoadajās roaciņus undūmaja nu niemt tūs, kas zam ziemi, laj dis voarpas namūt. Dis voarpas nūgrizs, toas iskoula, ar rūku dziearnavām samoāla un isciēpa. Valls, ari savus soālmus sakroaj's, dūmaja: nu, itūraizi goan, divu vinnajs! Biet ka soālmus iēda, neimoaz navarā sakūst. Nu bej nabagam oatkal us diva skaudiba; toapiēc idūmaja ar divu it spēkātūs: isaicinā us doaršanūs. Valls nūkala siev lilu garu duramū un dūmaja: ies goan nu divu nūdoaršu!

Biet dis nūgoāja biearstiņā un tur nūgriza staklātu bārza zoaru.

Valls nūlika, ka vāgūt caur sātu doartīs. Dis bej ar miru. Biet vails irandzidams, ka diva duramisir ar divi stoarām, dūmā: tis laikam bous daudz loabaks. Toadiel sacija: «Meisam»! Labi! Ismeja. Nu valls grōnda staklainūsātā; bietstaklas iķierās sātā kanavarā neikoā divam idoart. Biet leidz

greimīt. Чортъ перепугался и стремглавъ побѣжалъ въ лѣсъ.

Когда пришелъ богъ, то у огня уже черта не было. Его замѣтилъ черный дятель и зная чего онъ испугался, сталъ долбить нлѣвомъ сухое дерево и своимъ стукомъ такъ вторично напугалъ чорта, что тотъ убѣжалъ изъ лѣса и больше ужъ тамъ не показывался. Такимъ образомъ черный дятель и нынче еще оберегаетъ лѣсъ отъ чорта.

II.

Въ другой разъ богъ съ чортомъ засыяли рожью поле. До жатвы они опять собрались раздѣлить рожь между собою. Богъ предоставилъ чорту выбрать; вспоинявъ о брюквѣ, чортъ рѣшилъ взять то, что подъ землею, а богу оставилъ колосья. Отрѣзавъ колосья, богъ вымолотилъ рожь, перемололъ на ручной мельницѣ и выпекъ хлѣбъ. Чортъ, собравъ свою солому, сначала думалъ, что онъ выгадалъ, но когда попробовалъ ѣсть ее—никакъ не могъ ее пережевать. Вѣдняякъ опять позавидовалъ богу и потому предложилъ ему побороться съ нимъ: кто кого посадить на колъ. Чортъ сковалъ себѣ большой, длинный колъ и дуялъ: «Теперь я бога заколю»!

А богъ пошелъ въ рощу и отрѣзалъ вилообразный сукъ.

Чортъ опредѣлилъ колотъ черезъ заборъ. Богъ согласился. Но чортъ, увидя бога съ коломъ въ два копыя, подумалъ: «Этотъ долженъ быть много лучше». А потому сказалъ богу: «Обмѣняемся!» Хорошо! Обмѣнялись. Теперь чортъ сталъ тыкать въ заборъ; но раздвоенный колъ все застревалъ въ заборѣ, никакъ нельзя было уколотъ бога. Но какъ только богъ ткнулъ свой колъ въ заборъ, то тотъ пробилъ

kù dls grōnda sava sàtā, toā tis idou-
rās vallam misā un valls pusdzeivs ois-
skrieja.

Nū toā laika valls neikur vairs ar
divu kūrā nastroadā, biēt tik poats is
savu rūku.

Эти сказанія записаны г.г. Д. Оволиномъ и П. Влуномъ, говоромъ Яунъ-Розен-
ской волости, Лифляндской губ.

его и вознился чорту въ тѣло. Чортъ
еле убѣждалъ полуживымъ.

Съ тѣхъ поръ чортъ никогда больше
не работаль съ богомъ вмѣстѣ, а только
на свою руку.

Г. Виссендорфъ де Виссукока.

Народныя игры въ Кадниковскомъ уѣздѣ.

Въ долгіе зимніе вечера единственнымъ развлеченіемъ для здѣшной молодежи служатъ вечеринки, или, выражаясь по мѣстному, «бесѣды», куда всѣ однодеревенскіе, а нерѣдко и изъ сосѣднихъ деревень, парни и дѣвицы собиравутся въ каждый вечеръ. Бесѣды ведутся дѣвицами по очереди: сегодня, напр., у Марьи, завтра у Анны и т. д. Дѣвицы на такихъ бесѣдахъ прядутъ ленъ въ самопрядлу, а парни занимаются ухаживаніемъ за ними.

Но какъ ни пріятно ворковать про любовь, однако твердить одно и то же цѣлые вечера въ концѣ концовъ и наскучить, и вотъ молодежь поетъ пѣсни и устраиваетъ различнаго рода игры; съ нѣкоторыми изъ послѣднихъ мы и намѣрены познакомить здѣсь гг. ученыхъ этнографовъ и любителей этой науки. Игры эти собраны нами (далеко не въ полномъ количествѣ) въ Нижеслободской, Еибской, Митюковской и Троицко-Винальской волостяхъ Кадниковскаго уѣзда.

Начнемъ съ игръ зимнихъ, производящихся на бесѣдахъ, а затѣмъ перейдемъ къ лѣтнимъ и дѣтскимъ. Преобладающимъ интересомъ въ бесѣдныхъ играхъ служатъ поцѣлуи, если только игра происходитъ совместно парнями и дѣвицами, а не порознь. Это зимю. Другое дѣло въ лѣтнее время: тогда есть гдѣ разойтись, попрыгать, поплясать, физической силой, ловкостью и проворствомъ похвалиться! Не удивительно, что въ то время поцѣлуйныя игры отходятъ на второй планъ. И такъ начинаемъ: игрою первою будетъ

1. Игра въ «олень».

Садятся нѣсколько парней посреди избы на скамейку, а дѣвицы вокругъ ихъ ходятъ и поютъ слѣдующее:

Тепло ли тибѣ, олень? ¹⁾
Холодно ли тибѣ, олень?
Мнѣ-ка въ литѣ-то тепло,
А зимю холодно...
Принакройте-тко,
Да приодиньте-тво!..
Со дѣвушки— платокъ,
Со молодухи въюнокъ (вѣнокъ),
Со молодца кафтанъ,

Со старья старушки
Косой воротокъ ²⁾,
Со малово ребѣночка—
Пелѣночка,
Съ удалово молодца—
Красна шапочка,
Со красныя дѣвицы—
Платокъ съ головы...

¹⁾ Въ пѣснахъ сохраняемъ мѣстный выговоръ.

²⁾ Рубашка съ косымъ воротомъ.

Въ это время одна изъ дѣвицъ подходитъ къ второмунибудь парню и отдаетъ ему съ головы своей платокъ, а остальныя дѣвицы опять запоютъ эту же пѣсню сначала и т. д., пока всѣхъ парней не «прикроютъ». Когда у каждаго изъ парней окажется въ рукахъ по платку, тогда одинъ изъ нихъ—обыкновенно сидящій съ краю скамьи—махнетъ по полу платкомъ и поетъ:

Волочу я, волочу,
На кабакъ сволочу
И на винѣ пропью!..

Въ это время та дѣвица, чей платокъ волочить парень, подходитъ къ нему съ цѣлю выкупить платокъ; при этомъ поетъ:

Я не дамъ изволочить,	И на кабакъ внесу,
Я не дамъ изтолочить...	На винѣ пропью,
Я сама изволочу,	И повыскочу повыше
Я сама изтолочу,	Поцѣлую молодца! .

Дѣвица цѣлуетъ парня, и тотъ отдаетъ ей платокъ. Слѣдующая дѣвица продолжаетъ тоже самое, и игра продолжается до тѣхъ поръ, пока у всѣхъ парней не будутъ выкуплены платки. Но бываетъ и такъ, шутки-ради, что парень, поцѣловавшись, вмѣсто того, чтобы немедленно отдать дѣвицѣ платокъ, отдаетъ его другому парню, наиболѣе знакомому дѣвицѣ, и тотъ тоже получаетъ «выкупъ» платка, заключающійся въ поцѣлѣ.

2. Со вьюномъ.

Всѣ дѣвицы поютъ, а одна изъ нихъ ходитъ по полу съ платкомъ въ рукѣ, изображающимъ вьюнокъ—вѣнокъ, ребята же сидятъ въ противоположной сторонѣ отъ дѣвицъ. Ходящая по полу дѣвица должна положить вьюнокъ одному изъ парней на плечо и поцѣловать его, когда кончится пѣсня. Пѣсня поется слѣдующая:

Ужъ я со вьюномъ кожу (2-жды),
Съ золотымъ кожу;
Я не знаю куда вьюнъ положить (2-жды),
Положу, положу
Положу я вьюнъ на правое плечо (2-жды).

(Кладетъ платокъ къ себѣ на правое плечо).

Я ко молодцу (2-жды),
Я ко молодцу иду, иду, иду,
Поцѣлую да и прочь уйду!

Процѣвши это, дѣвица цѣлуетъ парня и передаетъ ему платокъ, съ которымъ начнеть ходить по полу уже парень, сидящія же дѣвицы поютъ ему тоже самое, измѣняя лишь вмѣсто «ко молодцу иду», говорятъ: «ко дѣвицѣ иду». Парень тоже цѣлуетъ которуюнибудь дѣвицу и передаетъ ей платокъ и т. д. Этой игрой занимаются до тѣхъ поръ, пока всѣ въ бесѣдѣ не перецѣлуются.

3. Зимушка.

Двѣ дѣвицы ходятъ по полу, а остальныя въ бесѣдѣ поютъ имъ:

Ахъ, ты, зимушка зима,
Холодна очень была!
Заевило, занесло
Всѣ дорожки и дужка
И крутые бережка...

Стели, стели постельнку,
Стели пуховую,
Я ково изъ васъ люблю—
Тово поцѣлую!

Въ это время тѣ дѣвницы, что ходили по полу, цѣлуютъ излюбленныхъ ими парней и садятся на лавку, а парни въ свою очередь начинаютъ тоже ходить по полу, дѣвницы имъ поютъ:

Литили двѣ птички,
Собой невелички...
Припѣвъ: Тамъ, тамъ лѣто,
Здѣсь—зима,
Чернобровая моя!..
Гдѣ они литили—
Всѣ люди глядили,
Опять припѣвъ тотъ же.

И сили на талинку,
На самую вершнику...
Припѣвъ.
Взвились—удитили...
Тамъ, тамъ лѣто,
Здѣсь—зима,
Чернобровая моя,
Я цѣлую тебя!..

Послѣ этого парни цѣлуютъ дѣвицъ.

4. Въ «наборъ».

На бесѣдѣ дѣвницы и парни устраиваютъ иногда слѣдующую игру, носившую названіе «наборъ». Одна изъ дѣвицъ обходитъ всѣхъ остальныхъ своихъ товарокъ и каждой шепчетъ на ухо имя того парня, котораго по ея назначенію та должна поцѣловать; но отъ послѣдняго сохраняется это въ тайнѣ. Парни по-очередно подходятъ то къ одной, то къ другой дѣвицѣ съ цѣлю поцѣловаться; но если парень подойдетъ не къ той, съ которой назначено ему поцѣловаться, то послѣдняя щелкнетъ въ ладоши и парень отходитъ прочь «не солоно хлебавши». Когда угадаетъ—цѣлуются. Послѣ того парни и дѣвницы обмѣниваются ролями: парни загадываютъ, а дѣвницы такъ же образомъ подходятъ къ нимъ...

5. Стулъ.

Парень или дѣвица по-очередно садятся на стулъ —деревянный отрубокъ—среди избы, остальные дѣвницы поютъ:

Я горю, горю, горю
На ваиновомъ мосту;
Ахъ, кто меня любить,—
Тогъ и выкупить!..

Въ это время, если сидитъ дѣвица, то подходитъ парень и цѣлуетъ ее, а самъ садится на ея мѣсто, ему поется тоже самое. Подходятъ, конечно, большею частью тѣ, кто съ кѣмъ знакомѣ или «слюбившись». Но бываетъ и такъ, что сидящая—нелюбимая никѣмъ дѣвица или не красивая, и желающихъ выкупить ее изъ числа парней не оказывается, тогда горе ей! сидитъ, бѣдная, чуть не плачетъ отъ стыда, а подруги ея въ тихомолку посмѣиваются. Но, надо сказать правду, это очень рѣдко случается, такъ какъ подобное невниманіе считается неприличнымъ со стороны парней, а потому кто нибудь изъ нихъ подойдетъ и выкупить ее своимъ поцѣлуемъ, хотя бы изъ чувства приличія только.

6. Груня.

Нѣсколько дѣвиць и парней становятся въ ширину по-парно я такъ, чтобы одна пара приходилась противъ другой, затѣмъ пары схватываются руками и дѣлаютъ оборотъ по взбѣ и опять становятся на свои мѣста. При этой игрѣ поютъ слѣдующую пѣсню:

Груня, Груня, Груня я,
Груня ягода моя!
Воспаладилась Груняша
Часто по воду ходить,
По задворью воду лить
Да къ Олексію заходить,
Олексіюшка будить:
Ужъ ты встань, душа Олѣша,
Олексій, встань, пробудись,
На меня не осердись...
Я дѣвочка не спѣсива
Люблю свѣта Олексія...
Я заплачу, зарыдаю,
Тяжелехонько вздохну,
Дружка Олешу вспомяну.
Вспомяну дружка милово
На чужой на сторонѣ,
На чужой дальней сторонкѣ
Во Питерѣ иль Москвѣ?
Тамъ и дѣвушки дородни
Собою-то благородны:
Вдоль по улочкѣ идуть
Ровно (словно) павушки плывуть.
На павушкѣ перышко
Ровно пять тысець дано,
Какъ другое-то перо
Изъ Парижа везено
Да Груняшѣ дарено.
По бѣлому бархату,

Ужъ я этииъ-то перомъ
Нашшу я грамотку
Отошлю я грамотку,
Въ Сибирь-городѣ къ батюшву,
Ко родимой матушкѣ...
Родимая моя мать!
Позволь дочерѣ гулять...
Гуляй, гуляй, дитятко,
Гуляй, доць хорошая,
Груняша пригожая!
Гуляй, доццошка моя,
Пока волюшка своя,—
Не расплетена коса,
Не покрыта голова.
Какъ покроется головка—
Вся минуется гульба,
Вся минуется, рѣшится
И дѣвичья красота.
Расплетуть русую косу—
Будетъ воля не своя,
Не своя воля велика—
Чуже-дальна мужика.
Какъ чужой мужикъ дуракъ
Не отпуститъ погулять;
Хоть отпустить,—пригрозить,
Велитъ сосѣдямъ присмотрить...
При тебѣ гулять не стану,
А уйдешь, такъ не уймешь!..

7. Ималкомъ.

Эта игра заключается въ томъ, что одному изъ участвующихъ въ игрѣ завязываютъ глаза, а затѣмъ приводятъ его къ печному столбу и, ударяя въ спину, спрашиваютъ:

— Гдѣ стоишь?

Ималко, т. е. тотъ человѣкъ, что съ завязанными глазами, долженъ отвѣчать: «У столба».

— Чего пьешь? спрашиваютъ игроки.

— Квась да ягоды! отвѣчаетъ Ималко.

— Ну, такъ ищи насъ два годы! крикнуть игроки и разбѣгаются въ разные стороны. Ималко обязанъ кого-либо схватить, поймать (потому и называется «ималко»), а пока этого не сдѣлаетъ, — всѣ дуютъ его по спинѣ кулаками, сами же ловко отворачиваясь прячутся. Кто же попадетъ въ руки ималку, тотъ самъ становится имъ, и ему также завязываютъ платкомъ глаза, а прежняго освобождаютъ.

Что же касается того, кому впервые быть «ималкомъ», то дѣлается это такъ: одинъ изъ пожелавшихъ участвовать въ игрѣ запачкаетъ у себя палецъ печной сажей и, зажавши кулаки на-крѣпко, подходитъ къ другимъ съ предложеніемъ разжать одинъ изъ пальцевъ его рукъ. Кто изъ игроковъ разомкнетъ запачканный палецъ, тотъ и будетъ Ималко. Если же случится, что всѣ разжали по «бѣлому» пальцу, то ималкомъ становится самъ, предлагавшій.

Само-собою, разумѣется, зажимается столько пальцевъ, сколько человекъ участвуетъ въ игрѣ, и само запачканіе дѣлается секретно отъ прочихъ игроковъ.

Играютъ въ эту игру большею частью въ святки и днемъ, а не вечеромъ, преимущественно дѣти отъ 10 до 15 лѣтъ.

8. Лодыжки.

Въ заключеніе зимнихъ игръ приведемъ здѣсь еще одну, весьма старинную и едвали не въ одномъ Кадниковскомъ уѣздѣ сохранившуюся до сихъ поръ, это—игра въ лодыжки, т. е. въ косточки изъ овечьихъ ногъ. Игра весьма оригинальна, и мы поговоримъ о ней подробнѣе.

Играютъ въ нее большею частью въ Великій постъ (хотя играютъ и въ межгвѣнья), когда поцѣлуйныя игры считаются непристойными. Играющіе сначала устанавливаютъ очередь, кому играть первому, кому второму и т. д., что достигается тѣмъ, что каждый игрокъ раскидываетъ по столу своей пай лодыжекъ и считаетъ: сколько штукъ изъ нихъ легло «быкомъ» и сколько «телицей»? (телкой), и по количеству быковъ и телицъ устанавливается очередь игры. Съ наибольшимъ числомъ быковъ начинается играть первый, при этомъ дѣлается переводъ такой: двѣ телицы считаются за одного быка; прочія фигуры въ счетъ не принимаются.

Теперь необходимо сказать о фигурахъ косточекъ: которая косточка ляжетъ на столъ плашмя и ямкой по срединѣ ея къ верху, та называется «ямка», лежащая же—ямкой къ низу, а горбомъ къ верху—наз. «горбокъ», косточка, вставшая на столъ ребромъ и верхъ имѣетъ ровный, называется «быкъ», но также вставшая да имѣетъ на верху углубленіе, наз. «телица» или телка.

Установивши очередь, кому и послѣ кого играть, начинаютъ игру: игрокъ беретъ всѣ пай лодыжекъ въ руки и раскидываетъ по столу, а затѣмъ одну изъ лодыжекъ щелкаетъ пальцемъ, приравливаясь такъ, чтобы та лодыжка отлетѣла и попала въ другую, такую же и однородную лодыжку, т. е. если щелкнуть въ ямку или въ горбокъ, то требуется, чтобы эта ямка или горбокъ и попала тоже въ ямку или горбокъ, но и кромѣ того при непремѣнномъ условіи не задѣтъ третьей. Удачно попавшій—что называется «убить»—беретъ со стола убитую лодыжку и продолжаетъ игру далѣе до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаетъ промаха или не задѣнетъ въ прочіе. Въ послѣднемъ, томъ и другомъ, случаѣ игрокъ лишается права продолжать игру и передаетъ остальные, несыгранныя лодыжки своему партнеру, тому, конечно, кому принадлежатъ очередь игры, такъ какъ играютъ всего нѣсколько человекъ—5 и 6. Получившій лодыжки, раскидываетъ ихъ опять снова по столу и тоже «бьетъ» до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаетъ ошибки, лишаящей его игры этой. Когда не всѣ лодыжки сыграны въ первую очередь, тогда начинаютъ «бить» снова, но самая очередь игры не измѣняется при этомъ; когда же всѣ уже сыграны, то у кого окажется ихъ болѣе того «убито», чѣмъ бы ему слѣдовало на своей пай, тотъ, значить, выигралъ, а у кого менѣе—проигралъ. Напр., играютъ А. и Б., лодыжекъ на кону у нихъ 40 штукъ, слѣдовательно, чтобы сыграть «ни въ чью», составить розыгрышъ, требуется, чтобы А. убилъ 20 шт. и Б. такое-же количество, а когда окажется, что А. сыгралъ 30 шт., но Б. только 10, то послѣдній, значить, проигралъ порвону 10 шт. и въ силу игры долженъ ихъ «выкупить» у А., который и отдаетъ ему, но за плату—за каждую лодыжку дѣлаетъ проигравшему щелчокъ по лбу пальцемъ правой руки. Въ этомъ и заключается

весь интерес игры. Расплатившись за проигрышъ своимъ лбомъ, опять начинаютъ вновь играть.

По окончаніи игры лодыжки возвращаются тому, у кого были взяты, и игроки, украсивши свои лбы шишками и сийяками, уходятъ во-своица, «вѣзволь» нахотавшись. Ссоры при этой игрѣ между участниками не замѣчается. Замѣчательно еще то, что этою игрою занимаются здѣсь не только парни, но также старики, женщины и дѣти, хотя въ послѣднее время замѣтно она стала выходить изъ употребленія.

9. Огарышъ.

Гдѣнибудь на лужку, дѣвцы и парни становятся въ двѣ ширинги, одинъ противъ другаго и такъ, чтобъ составились пары, лишь одной дѣвицѣ или парню не было бы такой пары и вотъ этотъ-то послѣдній и принимаетъ на себя роль огарыша. Огарышъ становится впереди и между ширингъ, а задняя пара отдѣляется, и требуется ей обогнать впереди стоящаго огарыша и схватиться руками, но огарышъ тоже бѣжитъ и старается быть впереди той пары и ловить. Если удастся комунибудь изъ пары обогнать огарыша и схватиться затѣмъ рукою съ партнеромъ, такъ сказать, то они снова становятся въ ширингу паркою, только впереди ширинги, а огарышъ по прежнему ловитъ слѣдующую затѣмъ пару, на-зади отдѣлившуюся. Когда же тому огарышу удастся схватить кого-либо изъ пары прежде, нежели тѣ схватятся руками, тогда онъ самъ становится въ ширингу и составляетъ пару именно съ тою пли съ тѣмъ, кого схватилъ, а отдѣлившаяся или отдѣлившійся вслѣдствіе этого отъ пары принимаетъ на себя роль огарыша и т. д.

Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока не устанутъ бѣгать.

10. Грудки.

Дѣвцы и парни тоже и при этой игрѣ становятся гдѣнибудь на лужку или улицѣ: по-парно (въ грудки), образуя кругъ, затѣмъ одна изъ паръ раздѣляется: одинъ или одна перебѣгаетъ въ какуюнибудь «грудку», а другой или другая долженъ ловить, именно заднюю изъ той грудки, гдѣ уже не два человѣка стоятъ, а три. А, какъ грудокъ бываетъ много и перебѣгаютъ изъ одной въ другую очень быстро, да къ тому еще ловящій-ая впередъ не знаетъ, кто и въ какую грудку перескочить, то изловить лишняго отъ пары бываетъ трудно.

Изловившій-ая становится самъ въ какуюнибудь грудку, а тотъ или та, кого онъ изловилъ, принимаетъ на себя обязанность ловца.

Въ этомъ только и заключается вся игра, а конецъ ея бываетъ тоже тогда, когда всѣ устанутъ или надоѣстъ всѣмъ.

11. Улица.

Каждый лѣтній праздникъ, а въ нѣкоторыхъ деревняхъ ¹⁾—чуть-ли не каждый воскресный день дѣвцы и парни провожаютъ игрою въ улицу. Игра эта состоитъ въ томъ, что всѣ дѣвцы и парни становятся въ рядъ и схватываются руками, образуя непрерывную цѣпь и такимъ «гуськомъ» отправляются по улицамъ деревни съ лѣниемъ въ честь «улицы» вѣсни, а наибоиція—съ приляской. Шествіе бываетъ своеобразное: двое переднихъ въ цѣпи (которыя изъ дѣвицъ побойчѣе и повыше ростомъ) поднимаютъ къ верху свои руки, не размыкая ихъ и останавливаются, въ это время задняя дѣвица въ цѣпи

¹⁾ Напр. въ дер. Хмелевской, Нижеслободской вол.

заходить впередъ и проволаниваетъ, такъ сказать, всѣхъ остальныхъ чрезъ такую арку, державшія, конечно, окажутся по-зади всѣхъ. Послѣ этого тѣ, что ушли впередъ, дѣлаютъ тоже самое, т. е. такую же арку и тоже пропускаютъ всѣхъ и т. д. Когда такимъ манеромъ пройдутъ всю деревню, тогда уже и расходятся по домамъ.

При этомъ поютъ слѣдующую пѣсню:

Ужъ ты улица, улица, — 2-жды ¹⁾
Широкая наша улица!
Чѣмъ улица изукрашена? (разукрашена)
Изукрашена улица
Все гудкамъ все балалаечкамъ,
Молодцамъ все молодницами,
Да душамъ красными дѣвницами...
Не велчка птицька-пташечка
Много знала, много вѣдала,
Чисто поле, поле перепархивала,
Сине море, море перелетывала.
Садилася птицька пташечка

Среди моря, моря на камушкѣ
Среди моря ва синенькомъ,
Она слушала, выслушивала
У соловушка звонкой голосокъ,
У красной дѣвушки — пѣсенки;
Хорошо дѣвушка пѣсенки поеть,
Съ молодцамъ все забавляется...
«Ужъ вы женитесь — спокоетесь,
Съ молодымъ женамъ намаятось!»...
— Старики жили — не калялись,
Съ молодымъ женамъ не маялись...

12. Шаромъ.

Эта игра была уже описана гг. Рѣпниковымъ и Петровымъ въ 1-мъ вып. «Живой Старинны» 1890 г., поэтому мы скажемъ здѣсь о ней лишь нѣсколько словъ и именно по поводу того, въ чемъ состоитъ разница между описанной г. Рѣпникъ вымъ и практикуемой здѣсь, въ Троицкиѣ и другихъ мѣстахъ Кадниковскаго уѣзда.

Мѣсто и здѣсь для игры выбирается ровное, но ставятъ на землю не жердь, а доску ребромъ, которая и носитъ названіе «шаровки». Отъ этой шаровки въ 2-хъ саженьяхъ дѣлается тоже ямка, называемая «солю», куда и кладется шаръ; чрезъ этого шаръ кувиркаютъ палки, называемыя «лопта».

Приступаютъ же къ игрѣ такъ: кувирнувши всѣ участники въ игрѣ свои лопты — у каждаго по одной, — осматриваютъ ихъ и по тому, чья лопта будетъ ближе другихъ лежать отъ соли, того и опредѣляютъ «гонять». Но прежде, чѣмъ приступить къ гоньбѣ, даютъ ему еще возможность отыграться: если онъ, взявши шаръ изъ соли и не сходя съ мѣста попадаетъ этимъ шаромъ въ чью пожелаетъ лопту съ одного раза, то, значить, отыгрался и гонять надо того, въ чью лопту попалъ шаръ; но и послѣд. ему тоже предоставляется эт. право, и онъ можетъ отыграться; такимъ образомъ гоняютъ всегда того, кто первый промахнется. . Кромѣ того о началѣ игры здѣсь есть еще особенность: тотъ, кто при кувирканіи своей лопты нечаянно выбьетъ шаръ изъ соли, — долженъ быть гоняемъ безъ права отыгрыша. — Гоняемый также долженъ попасть, какъ сказано у гг. Рѣпникова и Петрова, въ шаровку, взявши шаръ съ того мѣста, куда его сбили; стояще же у шаровки задерживаютъ шаръ лоптами и сбиваютъ его далѣе, въ гоняемому...

Игра эта опасна и, надо сказать, нѣрѣдко случается, что игроки уходятъ домой съ шишками на лбу или хромые, такъ какъ гоняемый бросаетъ шаръ со всею силою, дабы скорѣе попасть въ шаровку и не успѣли-бъ его задержать, а потому отъ лопты впереди стоящаго у шаровки, шаръ нѣрѣдко отлетаетъ не назадъ, какъ-бы слѣдовало, а вскользь и попадаетъ въ кого-либо, изъ рядомъ стоящихъ.

Занимаются этой игрою большею частью взрослые парни, мальчишки же предпочитаютъ игру «чиромъ», но эта послѣдняя тоже описана гг. Рѣпниковымъ и Петровымъ подъ назв. «чиркомъ» и, какъ никакой разницы между этими играми мы не нашли, то и не будемъ говорить о ней.

¹⁾ Каждый куплетъ повторяется дважды.

13. Городки.

Выбирается мѣсто тоже ровное, и дѣлаются два города, т. е. очерченные на землѣ квадраты въ одну сажень, на разстояніи одинъ отъ другаго въ шагахъ 15—20-ти. На переднюю черту каждаго города накладывается лежня 10—20 шт. городковъ (деревянныхъ столбиковъ, 4—5 вершковъ длины, 1 вер. толщины), вотъ такъ:

Послѣ этого играющіе раздѣляются на двѣ партіи и каждая изъ нихъ выбираетъ себѣ «матку» (старшаго), остальные игроки наз. «дѣтки». Матки устанавливаютъ очередь, кому начать игру первой, для этого одна изъ нихъ беретъ лопту—палку—и, выбрасывая ее къ верху, говоритъ другой: «тыка или ляпа?», та отвѣчаетъ то или другое (если палка ткнется концомъ въ землю—наз. «тыка», а ляжетъ плашмя— «ляпа»); если угадаетъ, то играетъ первая, не угадаетъ,—то играетъ первую та, что выбрасывала лопту.

Матка бросаетъ лопты свои (на каждаго игрока полагается 2 лопты) первая, а затѣмъ уже ея дѣтки. Требуется всѣ городки, лежащіе въ противномъ городѣ, не только выбить изъ него, но даже за послѣднюю черту города; не вылетѣвшій городокъ изъ-за послѣдней черты хотя бы и находился внѣ города считается не выбитымъ и называется «гостья», которую тоже требуется выбить дальше, за черту. Лопты бросаютъ, стоя у города своего, не подходя въ противному ближе. Побросавъ всѣ свои лопты, отправляются осматривать противный городъ и узнать, какой вредъ они причинили ему. По осмотру, выбитые выбрасываются далѣе, чтобъ не закатились вновь въ городъ; лежащіе—«лежки»—считаются, точно также и гостья; но та гостья, которая отскочила ближе передней черты противнаго города, снова «переватывается», и вотъ какимъ образомъ: матка беретъ ее къ себѣ на грудь и, покидая, смотритъ, куда скатится этотъ городокъ, на какое мѣсто упадетъ онъ, потому и будетъ называться: лежкой, гостьей или попомъ. Попомъ называется тотъ городокъ, который послѣ битвы окажется лежащимъ на послѣдней чертѣ или на боковыхъ, но ни въ какомъ случаѣ не на первой—тѣ «лежки»—и такой городокъ, въ отличіе отъ другихъ, ставится на черту вертикально.

Послѣ этого начнетъ выбивать противная сторона ихъ городъ, и вотъ которая партія скорѣе выбьетъ, та и будетъ побѣдительницей, но при этомъ соблюдается слѣдующее: при послѣднемъ, такъ сказать, сраженіи выпущенныя въ побѣжденный городъ орудія (лопты) постунаютъ побѣжденнымъ съ правомъ числомъ этихъ лоптъ отыграться, выбить городъ побѣдителей и, когда это случится,—игра считается не въ чью, розыгрышъ. Побѣдители—если не послѣдовало розыгрыша—садятся на спины побѣжденныхъ и тѣ обязаны донести ихъ на себѣ до ихъ города и кромѣ того—собрать и поставить снова городки на оба города. Въ этомъ и весь интересъ игры. Послѣ того начинаютъ играть снова, но въ данномъ случаѣ право начать игру первымъ принадлежитъ безъ очереди побѣдителямъ, только ради ровности игры и ради большей справедливости городами мѣняются.

Играютъ въ эту игру не только взрослые парни, но и довольно пожилые крестьяне; конечно, во время праздниковъ, «на веселѣ»...

14. Игры въ яйца.

Въ послѣдній день межговѣнья (въ заговѣнье) предъ Петровымъ постомъ принято здѣсь играть въ яйца, которыя обыкновенно къ этому дню раскрашиваются въ красно-желтый цвѣтъ. Раскрашиваніе яицъ дѣлается такимъ способомъ: кладутъ въ горшокъ

съ водою потребное количество яицъ и луковыхъ корокъ и кипятить нѣсколько времени, послѣ чего яйца вынимаются уже окрасившіеся и сварившіеся въ то же время.

Играють въ яйца слѣдующими способами: а) катаніемъ по лугу, б) хожденіемъ съ закрытыми глазами, в) отгадываніемъ, г) битіемъ яйца объ яйцо и д) «подъ шапку». Рассмотримъ эти игры по порядку.

а) Катаніе по лугу.

Выбирается гдѣ-нибудь на лугу ровное мѣсто, и двое начинаютъ играть: одинъ кладетъ свое яйцо на землю на условномъ разстояніи отъ своего партнера, и тотъ, не сходя съ мѣста, бросаетъ свое яйцо, приравливая такъ, чтобы оно катилось и остановилось возлѣ того яйца, и если яйца эти будутъ лежать на такомъ разстояніи одинъ отъ другаго, что катившій можетъ вытянуть свою ядью, т. е. четвертью, то оба яйца поступаютъ въ пользу его; а если они будутъ на болѣе дальнемъ разстояніи, то выигрываетъ въ этомъ случаѣ выставившій яйцо.

б) Хожденіе съ закрытыми глазами.

Кладется также гдѣ-нибудь на лугу однимъ игрокомъ, на извѣстное разстояніе отъ своего партнера (приблизительно около 10 саж.) яйцо, и тотъ, его партнеръ, закрывши глаза свои картузомъ, отправляется наугадъ къ выставленному яйцу и тоже наугадъ останавливается. Если окажется, что онъ подошелъ на такое разстояніе, что не сходя, далѣе, по открытію глазъ, съ мѣста, можетъ взять рукою выставленное яйцо, то значить оно его, выигралъ; въ противномъ случаѣ обязанъ отдать свое выставившему.

в) «Угадываніе» или отгадываніе.

Двое складываются по яйцу, и одинъ изъ нихъ зажимаетъ эти яйца въ рукахъ и спрашиваетъ другаго, держа руки за спиною: «Въ которой рукѣ твое?» Если тотъ отгадаетъ, то получаетъ оба яйца себѣ, а въ противномъ случаѣ конечно лишается ихъ. Для того же, чтобы отгадать, прибѣгаютъ при этомъ къ слѣдующему способу: игрокъ беретъ небольшую палочку и захватываетъ ее съ одного конца двумя пальцами, напр., сначала правой руки и говоритъ: «въ этой мое», а затѣмъ лѣвой рукою беретъ выше и тоже говоритъ: «въ этой мое», и вотъ когда уже вся палка измѣрена до верхняго конца и вьяться болѣе не за что, то на какую руку въ послѣдній разъ падеть это магическое «въ этой мое», въ той рукѣ его партнера и должно быть отгадываемое яйцо.

г) Битье яйца объ яйцо.

Эта игра очень простая: бьется яйцо объ яйцо и которое устояло—владелецъ того яйца и выигралъ, за что и получаетъ разбитое себѣ въ награду. Но при этой игрѣ бываетъ «плутовство», заключающееся въ томъ, что нѣкоторые игроки заранѣе приготавливаютъ для этой цѣли по одному яйцу, неразбивающемуся. Дѣлается это такъ: прокалывается у сыраго яйца шиломъ дырка и выцѣживается оттуда весь бѣлокъ, а взявъ его выпускается въ яйцо горячая сѣра до полноты. Такое яйцо очень стойко, трудно разбиваемо; но за такимъ плутовствомъ зорко смотрятъ игроки и въ случаѣ обнаруженія — дѣло доходить до драки.

д) Подъ шапку.

Сложатся нѣсколько человѣкъ—обыкновенно 10—15—по одному яйцу и отдаютъ ихъ виѣствѣ со своими картузами кому-либо изъ постороннихъ, прося раскласть эти яйца подъ картузы. Тотъ уходитъ отъ игроковъ прочь, раскладываетъ яйца по своему произволу: въ который картузъ положить 2—3 шт., а въ иной и 5-ть, остальные же оставляютъ порожними; послѣ того картузы раскладываетъ на землѣ кружкомъ, закрывая яйца.

Каждый игрок имѣетъ право открыть одинъ изъ картузовъ и взять тамъ всѣ яйца, сколько окажется положеннымъ или—ничего; но прежде чѣмъ открывать, устанавливаются еще очередь кому первому, кому второму и т. д. сдѣлать это. Очередь устанавливается посредствомъ длинной палки, за которую каждый игрокъ захватывается одной рукою, и чья рука окажется послѣднею къверху, тотъ первымъ и долженъ взять одинъ картузь, а затѣмъ вторымъ будетъ—вторая рука сверху и т. д. Разобравши картузы и яйца, опять начинаютъ эту игру снова, и нерѣдко находятся такіе, какъ ихъ здѣсь называютъ, «счастливы», что за одинъ день выигрываютъ такимъ способомъ до 100 шт. яицъ и болѣе. Всѣ выигранные яйца поѣдаются въ тотъ же день частью самими игроками, частью ихъ семейными, такъ какъ въ постъ ѣсть ихъ не полагается не только взрослымъ, но даже и дѣтямъ, что соблюдается весьма строго здѣсь.

Играютъ въ яйца большую часть взрослые парни и пожилые крестьяне, дѣти же только играютъ ими на лужку, боясь даже и разбить, не только проиграть кому-либо.

Что же касается дѣтскихъ игръ, то ихъ въ Кадниковскомъ уѣздѣ безчисленное множество, въ особенности происходящихъ въ дѣтнее время, но мы приведемъ здѣсь хотя нѣсколько, намъ лично извѣстныхъ, лично испытанныхъ когда-то, въ дѣтствѣ.

Начнемъ, по прежнему, съ игръ зимнихъ, въ которыхъ попадаетъ много и не цензурныхъ словъ (дѣти цензуры не вѣдаютъ), которыя мы здѣсь обозначимъ лишь точками.

Итакъ, начинаемъ: въ числѣ зимнихъ игръ первое мѣсто занимаетъ у дѣтей-дѣвочекъ—

15. Мокруша.

Одна изъ дѣвочекъ въ бесѣдѣ (они, въ подражаніе большимъ, тоже по вечерамъ собираются на свои бесѣды, только прядутъ не ленъ, а какую-нибудь дрянную кудель) встаетъ съ лавки и проситъ у всѣхъ остальныхъ кудели на «мокрушу», и ей подаютъ. Просьбу свою она выражаетъ такъ:

Сава, Сава, Савичу!
Дай кудели на свичу,
На мараковичу ¹⁾!
Кто дастъ—
Тому спассъ,
Кто не дастъ—
Тому чирій въ глазъ!..

Насбивавши такимъ образомъ достаточное количество кудели, дѣвочка беретъ лучину и обматываетъ вокругъ ея эту кудель въ видѣ факела; затѣмъ беретъ съ водою чашку или блюдо и съ этимъ обходитъ всю бесѣду, спрашивая каждаго отдѣльно: «Максимъ по углу лезъ?», ей должны отвѣтить «лезъ», «. трясъ?» — «трясъ», отвѣчаютъ; но дѣвочка съ мокрушей не унимается, спрашиваетъ еще: «натряхиваль?» — «натряхиваль», должны отвѣтить. Если вопрошаемая-ый отвѣтитъ безъ смѣха и не улыбнется, то дѣвочка съ мокрушей должна идти прочь къ слѣдующимъ, а если захочетъ или хотя улыбнется, то немедленно получаетъ за это ударъ мокрушей по лицу, которую дѣвочка предварительно еще смочитъ въ водѣ, почему и названо это «мокрушей». Но такъ какъ вопросы ставятся именно съ тою цѣлю, чтобы вызвать смѣхъ у вопрошаемаго, и при томъ вся бесѣда помрачетъ со смѣху, то, понятно, ни кого во всей ихъ бесѣдѣ не окажется, чтобъ отвѣтилъ, не разсмѣяся, и мокруша никого не минетъ—всѣ перепачкаются; и самую дѣвочку съ такой мокрушей въ концѣ концовъ перепачкаютъ.

¹⁾ Мараковица—отъ глагола «марать»; вообще пачкать что-либо.

16. Походка.

На такихъ бесѣдахъ поются еще пѣсни-припѣвки, пѣющія тоже своею цѣлю вызвать смѣхъ у присутствующихъ. Напр.

Лѣталь, лѣталь воробей,	Какъ и Марья ходитъ?
Лѣталь, лѣталь молодой	Ивановна гуляетъ?
Вкругъ синя-горя (2-жды).	Она эдакъ, вотъ эдакъ,
Скажи, скажи, воробей,	Вотъ еще вотъ эдакъ!
Скажи, скажи, молодой,	

При послѣднихъ словахъ та дѣвица, къ которой относится эта припѣвка, т. е. Марья Ивановна должна встать съ лавки и пройтись по полу, показать свою походку. Когда это сдѣлано,—припѣвку заключаютъ такъ:

Баско ¹⁾ ходитъ выступаетъ	} 2-жды.
Баеть ²⁾ —розсыпаетъ!	

Но если Марья Ивановна поупрямится, не пожелаетъ показать свою походку при хотѣ присутствующихъ, то припѣвку заключаютъ слѣдующей руганью:

Какъ корова нездорова:	На зубахъ г. . . но. . .
По двору ходить,	Сорокъ амбаровъ
Жидко с. . . ть,	Сухихъ таракановъ;
Телятки неглядки	Сорокъ кадушекъ
И ножки подь грядки!	Соленыхъ лягушекъ. . .
На глазу бѣльмо,	

Такъ или иначе покончивши съ Марьей Ивановной, начинаютъ пѣть эту же припѣвку къ слѣдующей, а иногда и къ парню, если онъ присутствуетъ на ихъ бесѣдѣ. Заканчиваютъ припѣвку всему міру, говоря такъ:

«Какъ и міръ-отъ ходитъ?
Васьяновичъ гуляетъ?»

Послѣ этого всѣ сойдутъ съ мѣсть и повернутся, а не рѣдко и спляснутъ, не принявъ заключить:

Баско ходитъ—выступаетъ,
Баеть—розсыпаетъ!..

17. Припѣвки на «спасибо».

Въ заключеніе зимнихъ пѣсенокъ - игрушекъ у дѣтей приведемъ еще одну, а именно: припѣвку на спасибо. Чтобы заслужить спасибо отъ своихъ товаровъ, дѣвченки-пѣсеницы поютъ слѣдующее:

¹⁾ Баско—красиво.
²⁾ Баеть—говорить.

Изъ пути-путейки
Всѣ дѣвочки биленьки,
Всѣ румяченьки, —
Одна Полинарья:
Та неумывала,
Та неутриха...
Съ-зади ходитъ вупчикъ

Олексіюшко ¹⁾ голубчикъ.
«Полинарьюшка! умойся,
Голубушка, утрися...
Тибѣ побиляя, —
Мнѣ помиляя...
Сказывай спасибо,
Не то — наплевать?»

Если Полинарья скажетъ спасибо, то и ладно, припѣваютъ затѣмъ къ слѣдующей, но если заупрямится или того хуже — скажетъ «наплевать», тогда припѣвка опять кончается руганью:

Вышла на улицу
Въ синемъ дубнякѣ ²⁾,
Витеръ подулъ —
На ельцу посадилъ,
..... варомъ заменилъ...

18. Слободой.

Весною, лишь только оттаеетъ земля, тотчасъ же ребятники высыпаютъ на «завалинки» и лужка и начинаютъ устраивать разнаго рода игры, изъ которыхъ наиболѣе любимой для нихъ является игра «слободой». Эта игра — игра въ мячъ, но почему она носитъ здѣсь названіе «слободы» — рѣшить трудно, быть можетъ потому, что въ нее играютъ всегда на крайнихъ селахъ или деревняхъ, никогда — въ самомъ селѣ или деревнѣ, а таковыя крайнины зачастую называются по-мѣстному «слободой», какъ, впрочемъ, и въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ городкахъ...

Игра начинается съ установленія очереди, кого впервые «гонять», для этого берутъ длинную палку и съ одного — нижняго — конца ухватываются за нее каждый — ая одною рукою и когда всю палку смѣряютъ, такъ сказать, рукою до самаго верхняго конца (палка выбирается по возможности длинная), то чья рука окажется третьей сверху, того и гонять, но опять таки прежде, чѣмъ начать гонять, даютъ еще возможность тому или той отыграться. Если онъ или она, заложивши одною рукою эту палку къ себѣ за спину и подвыбросивъ ее тамъ вверхъ, успеетъ затѣмъ вернуться и тому же рукою схватить ее налету, то, значитъ, отыгрался — лась и гонять начнутъ того, чья рука была первая съ верхняго конца палки. Послѣ этого гоняемый — ая отходитъ на 2-й буй. Буй — черта или граница, такъ сказать, на землѣ, дальше которой нельзя бѣжать, какъ и ближе, — гонителямъ.

Буевъ бываетъ два: съ одного бьютъ мячикъ — который шьется изъ какой нибудь тряпки, — а на другомъ гоняемый — ая хватается его. Бьютъ мячикъ поочередно: одинъ или одна выкидываетъ мячикъ вверхъ, а другой — ая бьетъ его на лету своею лоптою (палкой); сбившій — ая долженъ сейчасъ же вслѣдъ за мячемъ бѣжать на 2-ой буй и прибѣжать обратно; а въ это время гоняемый — ая хватается мячъ и долженъ понасть нѣ въ бѣгущаго и, если попадетъ, то гонять будутъ уже того, въ кого попалъ — а, а гоняемый — ая переходитъ на сторону гонителей.

Впрочемъ, допускается нѣкоторое отступленіе отъ правила бѣжать сейчасъ же вслѣдъ за мячемъ на 2-ой буй; это, если сбившій не можетъ успѣть сбѣгать до 2-го буя прежде, чѣмъ гоняемый схватитъ мячъ, именно потому, что гоняемый ловко схватитъ его на лету или мячъ такъ близко отлетѣлъ, то въ этомъ случаѣ сбившему допускается не бѣгать, а ждать болѣе удобнаго случая, когда кто-либо другой изъ артели собьетъ его далеко, тогда вѣстѣ съ нимъ бѣжить и этотъ. Такихъ мальчишекъ,

¹⁾ Имя припѣваютъ всегда того, съ кѣмъ припѣваемая наиболѣе близка.

²⁾ Сарафанъ — домашняго маѣтлія изъ толстаго холста, окрашенный синей краской.

близко сбившихъ въ свою очередь мячѣмъ, накаплиется иногда 3—4 чел., и всѣ они при удобномъ случаѣ бѣжать разомъ, что на ихъ языкѣ значитъ: «сбѣгать за чужою кашей».

Играютъ въ эту игру дѣти отъ 8 до 12 л., наименьшія же сидятъ въ это время гдѣнибудь по близости у амбара, бани и т. п., но обязательно на солнцѣ-пекѣ, и поютъ пѣсенку:

Солнышко!
Колоколнышко!
Прикатись ко мнѣ
На проталинку,
На приваленку...
Дѣти-то плачуть,

Сыро колупаютъ,
Намъ-то не давайтъ,
Собакамъ-то бросають,
Собакамъ то по ложкѣ,
А намъ-то по крошкѣ...

19. N.

Нижеслѣдующая тоже дѣтская игра, не носящая никакого опредѣленнаго названія, поэтому мы и поставили только N. Играютъ въ эту игру дѣти самаго малаго возраста—отъ 7 до 10 л.

Сначала всѣ ребятинки становятся гдѣнибудь на лужку въ кружокъ, одинъ изъ нихъ входитъ въ кругъ и, ударяя легонько каждаго по груди, припѣваетъ своего рода пѣсенки, и вотъ на кого послѣднее слово пѣсенки падетъ, тотъ и долженъ выйти изъ круга вонъ. Такъ повторяется до тѣхъ поръ, пока всѣ не выйдутъ, останется одинъ, который и обязанъ переловить всѣхъ, не кого онъ поймаетъ, тотъ ему долженъ помогать въ ловлѣ прочихъ. Когда уже всѣ окажутся переловленными, тогда снова становятся въ кружокъ и снова продѣлываютъ тоже самое.

Пѣсенокъ для этой игры много у дѣтей, вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

1.
Перевидики,
Другидики,
На колосѣ,
На ёлошѣ.
Пявки,
Русалки,
Одрицы,

Родинцы.
Соманъ,
Ломанъ,
Подъ-крестъ
Звонъ
Выходи вонъ!

2.
Тера,
Мера,
Шуго,
Луго,
Пято,
Сето,
Иво,
Дубо,
Крестъ,
Маргосъ
Къ намъ
На погость!..

3.

Яблочко катился
Во-кругъ огорода,
Кто его схватить—
Тотъ и воевода—
Царскій сынъ!

20. Во-кругахъ.

Сначала дѣти очерчиваютъ на землѣ довольно большой кругъ и затѣмъ избираютъ себѣ по «маткѣ». Матки бросаютъ жребій, кому играть первой, для этого берутъ щепку, и на одну сторону которой плюнутъ, а другую оставляютъ сухою; затѣмъ одна матка эту щепку выбрасываетъ вверхъ и спрашиваетъ другую: «суха-ли моря»? Если та, другая отгадаетъ сказавши, напр., «моря» и щепка упадетъ на землю мокрой стороной вверхъ, то значитъ ей и играть первую и пользоваться тѣми преимуществами въ игрѣ, какія связаны съ этимъ, а не отгадаетъ, то само-собою право это принадлежитъ уже другой, выкинувшей щепку.

Игра эта состоитъ въ томъ, что одна сторона выбиваетъ мячемъ другую и такъ: въ кого попадетъ мячъ, тотъ лишается права уже играть далѣе, выходитъ вонъ. Преимущество первой—отгадавшей напр.,—половины состоитъ въ томъ, что они могутъ подходить съ мячемъ къ самому кругу, будучи свободными, бросить въ кого-либо изъ круговыхъ — прогадавшихъ — мячикъ и убѣжать возможно дальше, безъ ограниченія разстоянія, тогда какъ круговые не имѣютъ права выйти за черту круга.

Выбившая половина считается побѣдителями, но никакими преимуществами не пользуется при послѣдующей игрѣ.

21. Фурина.

Игра шіе избираютъ фурина, которымъ бываетъ какойнибудь условный предметъ: бочка, кадушка, чурбанъ и т. п., послѣ того какимънибудь способомъ изъ вышеописанныхъ устанавливаютъ очередь, кому спрятываться и кому искать. Доставшимся спрятываться—разбѣгаются въ разныя стороны и прячутся, а другая сторона ищетъ ихъ и кого найдетъ, то крикнутъ «фурины!» и затѣмъ быстро бѣгутъ къ условному фурина, гдѣ, прибѣжавъ, плюнуть въ него, крикнувъ опять: «фурина, фу!» это значить, что тотъ, кого увидѣли, считается найденнымъ и долженъ быть исключенъ изъ игры. Но если нашедшій-ая не успеетъ добѣжать до фурина и сказать, плюнувши, эти магическія слова «фурина, фу», а спрятавшійся догонитъ ея или его, то нашедшій-ая обязанъ-а съ того мѣста, гдѣ его догнали довести спрятававшася на своихъ плечахъ до условнаго фурина. Въ этомъ и интересъ игры. Добѣжавъ на плечахъ искавшаго до фурина, спрятававшійся опять снова убѣгаетъ, чтобъ вновь спрятаться, такъ какъ онъ въ данномъ случаѣ не считается найденнымъ.

Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока всѣ не будутъ найдены и офурены.

22. Ухоронкошъ.

При этой игрѣ тоже спрятываются какъ и гдѣ попадетъ, но только ищетъ ихъ одинъ, кому досталось по жребію. Нашедшій-ая обязанъ «очурать» кого найдетъ, а для этого долженъ прибѣжать къ условному мѣсту и, колонувши палкой, сказать: «Степка, чур!» Послѣ того Степка исключается изъ игры. Палка, которой колотятъ о что-либо, не уносится съ условнаго мѣста, а потому если искатель прозѣваетъ и тотъ-же Степка прибѣжитъ ранѣе его и колонетъ палкой, то ищущій подставляетъ свою спину, по которой Степка и колотитъ его, приговаривая: «кыкъ, кыкъ, старый еретик!» и затѣмъ бросаетъ палку какъ можно дальше, дабы, пока тотъ ищетъ ее, успѣть ему спрятаться снова. Когда всѣ найдены—начинаютъ игру снова.

23. Ярки.

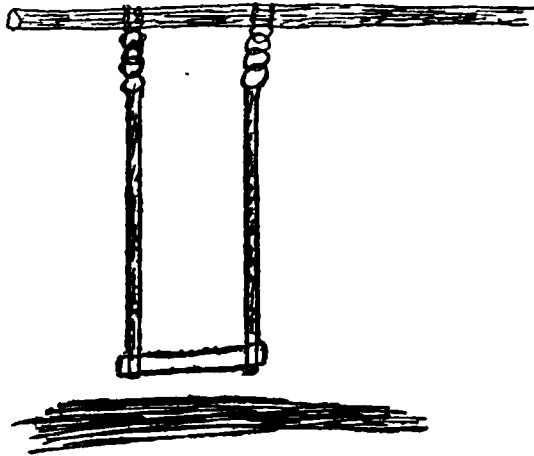
Дѣлается на землѣ столько ямокъ—ярокъ—сколько дѣтей участвуетъ въ игрѣ, затѣмъ одинъ изъ игроковъ катитъ по яркамъ мячикъ, и вотъ въ чьей яркѣ остановится мячикъ, на томъ и считается ярка, и всѣ быстро разбѣгаются; но этотъ съ того мѣста долженъ мячемъ попасть въ кого-либо другого и, когда попадетъ, то ярка со счету скидывается; тотъ, въ кого попали мячемъ, въ свою очередь тоже становится на свою ярку и тоже попадаетъ въ кого-либо, кто ближе подвернется; если не попалъ, то за нимъ считается двѣ ярки, а если попалъ, то за третьимъ лицомъ уже считаются три ярки и т. д. Когда же за кѣмъ-нибудь наопитса столько ярокъ, сколько ихъ вырыто на землѣ, тогда игра кончается «наариваніемъ» проигравшаго. Проигравшій садится на свою ярку, и каждый игрокъ подходитъ къ нему и мячикомъ колотитъ въ спину, приговаривая: «ярка, не ярка, крестъ, не крестъ, чтобъ чертъ не унесъ!»

Играютъ дѣти еще въ «овечки» и «волки», но такъ какъ эти игры, по на-

шей справкѣ оказались описанными другими изсѣдователями народной жизни, то мы и не будем приводить ихъ здѣсь, но этимъ мы не закончимъ нашу статью, а скажемъ еще нѣсколько словъ объ игрѣ на качулѣ (качель), что имѣеть мѣсто на пасхальной недѣлѣ, каковою игрою и закончимъ нашу статью.

24. Качуля.

Еще за нѣсколько дней до наступленія св. Пасхи дѣти неотступно начинаютъ приставать къ своимъ «батькамъ» съ такою просьбою: «батьшко, сходи въ лѣсъ, сдѣлай качулю!», и отцы семейства волей-неволей, чтобы отвязаться отъ назойливости дѣтей, отправляются въ лѣсъ и вырубаютъ тамъ двѣ березовыя жерди (длиною $1\frac{1}{2}$ саж., толщиною въ $1-1\frac{1}{2}$ вершка), нѣсколько березовыхъ или черемховыхъ виць, приходятъ домой и устраиваютъ качулю. Устройство качули (качель) не сложное: жерди очищаются отъ коры и сучьевъ, дабы ребятишки не оцарапали своихъ рукъ; на конляхъ жердей прикрѣпляютъ доску, разставляя жерди на такомъ разстояніи, чтобы ребенку можно было сидѣть и держаться за жерди, приблизительно на 1 арш., а доска бываетъ шириною съ $\frac{1}{4}$ арш. Скрѣпивши эти жерди въ конляхъ доскою подъ сидѣнье, «батько» мнетъ вицы и дѣлаеть изъ нихъ кольца, связывая ихъ одно съ другимъ въ видѣ цѣпи, когда кольца или эти, такъ сказать, цѣпи (ихъ двѣ бываетъ) готовы, то привязываетъ ихъ однимъ концомъ къ жерди, а другимъ къ какому нибудь брусу или бревну на «повитѣ» (на сараѣ), и — качуля готова! Вотъ такъ:

При наступленіи дней св. Пасхи ребятишки цѣлыми артелями начинаютъ качаться то у одного, то у другаго на качулѣ. Относительно того, кому качаться изъ артели, соблюдается слѣдующее: первая очередь принадлежитъ хозяину качули, а затѣмъ уже кто схватитъ «ожомулю» пучъ связанной соломы или сѣна, вотъ такой: Ожомуля бросается въ ноги качающагося, и тотъ ее пинаетъ и, конечно, старается пнуть туда, гдѣ менѣе стоитъ ребятишекъ, дабы тѣ не схватили и тѣмъ не лишили его права качаться; однако, рано-ли поздно омигнется, и ожомуля попадетъ кому-либо въ руки (требуется непременно схватить на лету), и тогда качающійся уступаетъ свое мѣсто «ловчачу», которому тоже бросаютъ ожомулю и т. д.

А. Шустиковъ.

ОТДѢЛЪ III.

Критика и Библиографія.

А. Шахматовъ. Исслѣдованія въ области русской фонетики. Варшава, 1893.

Отгискъ изъ «Русскаго Филологич. Вѣстника».

Сочиненіе Шахматовъ должно быть признано безспорно очень цѣннымъ вкладомъ въ русскую лингвистическую литературу. Оно было такъ высоко оцѣнено историко-филологическимъ факультетомъ московскаго университета, представителями котораго въ данномъ случаѣ были между прочими такіе компетентные лингвисты, какъ Ф. Ѳ. Фортунатовъ и Ѳ. Е. Коршъ, что рѣшено было ходатайствовать о присужденіи автору, минуя степень магистра, прямо степени доктора. Хотя А. А. Шахматову не больше 30 лѣтъ, но онъ давно уже успѣлъ приобрести себѣ очень почетное мѣсто въ ряду изслѣдователей русскаго, а частію и другихъ словянскихъ нарѣчій. Еще будучи въ старшихъ классахъ гимназіи, онъ самостоятельно, какъ настоящій ученый, изучалъ памятники древне-русскаго и старо-словянскаго яз., хранящіеся въ богатыхъ московскихъ библиотекахъ. Плодомъ этихъ изученій явились его поправки къ изданіямъ древне-русскихъ текстовъ въ V и VI тт. «Archiv für slavische Philologie» и между прочимъ къ фотолитографическому изданію Святославова Сборника 1073 г., приготовленному Обществомъ Любителей Древней письменности, а затѣмъ статья «Beiträge zur russischen Grammatik» въ VII томѣ того же издаваемого проф. И. В. Ягичемъ «Archiv'a», вызванная сочиненіемъ А. И. Соболевскаго «Исслѣдованія въ области русской грамматики»; въ этой статьѣ много дѣльныхъ замѣчаній также по характеристикѣ и классификаціи древне-русскихъ рукописей. Занятія надъ рукописями А. А. Шахматову удалось пополнить наблюденіемъ живыхъ говоровъ, благодаря полученной имъ командировкѣ въ Олонекскую губ.; здѣсь особенное вниманіе обратилъ онъ на произношеніе рефлексовъ стараго *ъ*. Еще студентомъ онъ написалъ весьма солидное изслѣдованіе о языкѣ новгородскихъ грамотъ XIII—XIV в., изданное подъ ред. проф. и академика Ягича 2-мъ отдѣленіемъ Академіи Наукъ въ 1886 г.; въ приложеніи къ изслѣдованію изданы вторично послѣ извѣстнаго Румянцевскаго изданія древнѣйшія новгородскія грамоты по оригиналамъ, хранящимся въ московскомъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, весьма точно, съ соблюденіемъ всѣхъ особенностей письма и съ подробнымъ описаніемъ тѣхъ палеографическихъ особенностей, которыя не могли быть переданы въ текстѣ. Исслѣдованіе о языкѣ грамотъ настолько важно въ научномъ отношеніи, что одно уже могло бы составить трудъ, вполне достойный магистерской степени; скромность автора, однако, не допустила его представить это сочиненіе въ качествѣ магистерской диссертациі. Послѣ изданія этого сочиненія Шахматовъ заинтересовалъ вопросъ объ отношеніи русскаго ударенія къ сербскохорватскому и о характерѣ общесловянскихъ удареній. Читая рукописи, онъ особенно сталъ интересоваться тѣми изъ нихъ, которыя снабжены знаками удареній. Но главнымъ основаніемъ его большой статьи «Къ исторіи сербско-хорватскихъ удареній», напеча-

танной въ 1888 г. въ Рус. Ф. Вѣстн., были особенности того сербскаго говора (Посавскаго), который описанъ въ «Grammatik der illyrischen Sprache» 1850 г. Берлица и замѣчательнъ именно тѣмъ, что заимаетъ среднее по удареніямъ мѣсто между чисто чакавскими и штокавскими. Сравнивая диалектическія отступленія малорусскихъ и великорусскихъ говоровъ, отражавшіяся и въ старыхъ текстахъ XVI и XVII стол. и въ текстахъ мѣстной художественной литературы XIX столѣтія (напр. въ малоросійскихъ повѣстяхъ Г. Ф. Квитки, изданныхъ подъ редакц. проф. А. А. Потебни съ соблюденіемъ знаковъ удареній), съ разновидностями удареній сербскихъ, Ш. выводилъ отсюда слѣдствіе, что разновидности, извѣстныя отступленія отъ удареній, обозначенныхъ Вукомъ, въ сербскихъ говорахъ находятъ себѣ соотвѣтствія въ русскихъ диалектическихъ удареніяхъ и могутъ такимъ образомъ восходить къ эпохѣ общесловянской, что подтверждается и фактами, извѣстными изъ области другихъ словянскихъ нарѣчій (болгарскаго и словѣнскаго), сохранившихъ разномѣстность удареній. Вообще эта статья представляетъ много въ сѣмъ глубокихъ и дѣльныхъ соображеній не только о сербскихъ, но и общесловянскихъ удареніяхъ и количествѣ. Эти изслѣдованія сербскихъ удареній были продолжены (по другимъ источникамъ) въ Р. Ф. В. 1890 г. Интересъ къ акцентологіи побудилъ Ш.—а обратиться къ сочиненіямъ Юрія Крижанича, какъ извѣстно, снабженнымъ знаками удареній, но, къ сожалѣнію, еще не вполне изданнымъ. Со свойственной ему энергіей онъ начинаетъ хлопотать въ Московскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей, членомъ котораго онъ былъ избранъ въ 1889 г., объ изданіи сочиненій Крижанича. Хлопоты его увѣнчались успѣхомъ; нѣсколько молодыхъ московскихъ филологовъ взялись работать надъ приготовленіемъ къ печати сочиненій Крижанича; но дѣло затянулось вслѣдствіе того, что одинъ изъ сотрудниковъ, талантливый молодой ученый (см. его статьи въ X, XI и XII томахъ «Archiv für slavische Philologie» по словянскому консонантизму, русскому синтаксису и друг., а также статью о палеографическихъ особенностяхъ погибшей рукописи «Слова о полку Игоревѣ», изданную Московскимъ Археологическимъ Обществомъ вмѣстѣ со статьей П. К. Симова) И. И. Козловскій скоро послѣ того (осенью 1889 г.) скончался, а изъ остальныхъ многие (въ томъ числѣ и самъ Шахматовъ) должны были оставить Москву; первый вынуженъ, однако, вышелъ подъ редакціей В. Н. Щенкина и г. Колосова¹⁾. За этотъ-же періодъ времени вмѣстѣ съ Щенкинымъ Шахматовъ перевелъ грамматику старословянскаго яз. Лескипа, присоединивъ собственныя замѣчанія о фонетическихъ особенностяхъ и формахъ склоненія въ языкѣ Остромирова Евангелія. Сдавъ въ 1889 г. экзаменъ на степень магистра русской словесности и прочитавъ затѣмъ въ осенней семестрѣ 1890 г. въ качествѣ приватъ-доцента весьма интересный въ научномъ отношеніи курсъ исторической грамматики русскаго яз., который былъ литографированъ, но, къ сожалѣнію, составляетъ библиографическую рѣдкость, Ш. по неизвѣстнымъ для меня причинамъ оставилъ университетъ и уѣхалъ въ Саратовскую губ., гдѣ взялъ предложенное ему мѣсто земскаго начальника. Не смотря на массу дѣла, отвлекающаго отъ спокойныхъ научныхъ занятій, Ш. и при этихъ обстоятельствахъ не оставилъ науки и даже воспользовался своимъ положеніемъ, поставившимъ его въ непосредственное общеніе съ народомъ, для внимательнаго наблюденія мѣстныхъ говоровъ Саратовскаго уѣзда. И вотъ черезъ три года на страницахъ Русскаго Филолог. Вѣстника появляется обширный трудъ, краткимъ изложеніемъ содержанія и разборомъ котораго мы и хотимъ заняться. Конечно, обстоятельства, при какихъ автору приходилось работать надъ этимъ сочиненіемъ, не были особенно благопріятны; нельзя было уделять слишкомъ много времени отдѣлкѣ сочиненія съ вѣтшей стороны, что и сказалось на изложеніи; самъ авторъ сознается въ этомъ, но, конечно, не на это должна обратить вниманіе научная критика.

¹⁾ Въ настоящее время (въ 1895 г.) Шахматовъ печатаетъ въ Рус. Фил. В. свои изслѣдованія объ удареніи Ю. Крижанича.

О сочиненіи Шахматова было двѣ рецензіи. Одна напечатана въ апрѣльской книжкѣ Ж. М. Н. Пр. 1894 г. и принадлежитъ проф. Соболевскому, другая въ XVI т. «Archiv für slavische Philologie» написана проф. И. В. Ягачемъ. Соглашаясь съ главнымъ удержаніемъ обоимъ рецензентамъ автору въ догматичности изложенія, въ остальномъ я нахожу, кромѣ нѣкоторыхъ вѣрныхъ замѣчаній относительно частныхъ, рецензію проф. Соболевскаго не вполне безпристрастной съ замѣчаниями же моего глубокоуважаемаго учителя И. В. Ягача, относящимися собственно только къ первымъ главамъ сочиненія, я могу согласиться лишь отчасти.

Приступая къ изложенію самаго сочиненія, я хотѣлъ бы обратить вниманіе на ту школу, которую прошелъ авторъ въ университетѣ, и которая отражается и въ прежнихъ его сочиненіяхъ и въ особенности въ последнемъ. Лингвистическое направленіе, сообщающее оригинальнѣйшій характеръ трудамъ Ш—а, принадлежитъ проф. Ф. Θ. Фортунатову, который по своей глубокой учености, тонкому проникновенію въ фолетическія особенности разныхъ индо-европейскихъ, преимущественно же словяно-литовскихъ языковъ, а главное точному, строго научному методу изслѣдованія, безспорно занимаетъ первое мѣсто между русскими лингвистами *). Я не буду останавливаться на его печатныхъ трудахъ, которые я перечислилъ въ своей статьѣ въ «Запискахъ» Харьковскаго Университета (вып. IV 1894 г.); они могутъ дать лишь приблизительное понятіе о глубинѣ его познаній. Здѣсь не мѣсто также вдаваться въ изложеніе его многочисленныхъ оригинальныхъ и талантливыхъ гипотезъ, касающихся различныхъ частныхъ вопросовъ фонетики индо-европейскихъ языковъ. Я укажу только на общее свойство метода, которое проявляется во всѣхъ объясненіяхъ проф. Фортунатова и состоятъ въ томъ, чтобы для всѣхъ явленій новыхъ нарѣчій по возможности подыскивать причины въ фонетическихъ вариантахъ уже праязыка, который, мы должны это помнить, самъ уже дробился на говоры, а не составлялъ идеальнаго единства, возможнаго лишь въ говорѣ одного человѣка; къ этому необходимо присоединить подробное изслѣдованіе всѣхъ условий возникновенія и дѣйствія каждаго фонетическаго закона.

Прошу извиненія у глубокоуважаемаго Ф. Θ. Фортунатова, если я неточно или, можетъ быть, даже невѣрно формулировалъ характеръ его лингвистическаго направленія; но я старался его опредѣлить въ немногихъ словахъ, на сколько это мнѣ по силамъ.

Сочиненіе Шахматова трактуетъ о звукахъ *e* и *o* въ русскомъ языкѣ (понимаю «русскій языкъ» въ отвлеченномъ смыслѣ) и распадается на 23 главы. Такъ какъ съ первоначальными звуками *e* и *o* въ исторіи языка совпало много другихъ, а съ другой стороны съ измѣненіями ихъ стоятъ въ тѣсной связи измѣненія нѣкоторыхъ другихъ гласныхъ, то здѣсь читатель найдетъ ответы почти на всѣ важные вопросы русскаго вокализма ¹⁾.

Первыя четыре главы авторъ называетъ вводной частью, но я назвалъ бы такъ собственно первыхъ двѣ, такъ какъ въ нихъ дѣло идетъ о первоначальныхъ звукахъ *e* и *o* въ общесловянскомъ и общерусскомъ яз., далѣе же говорится или о звукахъ этихъ въ заимствованныхъ словахъ или о тѣхъ звукахъ, которые совпадали съ *o* и *e* въ исторіи русскаго яз., иногда въ отдѣльныхъ лишь говорахъ. Здѣсь особенно сильно сказывается вліяніе школы проф. Фортунатова, причемъ авторъ въ предисловіи извиняется, что, высказывая положенія проф. Фортунатова, онъ не всегда ссылаетъ я на него. Но я бы даже и не поставилъ этого автору въ упрекъ, такъ какъ онъ настолько сильно проникся направленіемъ своего учителя, вполне усвоивъ и переработавъ внутри себя самостоятельно его взгляды, что они стали и его собственными; съ другой стороны, многія самостоятельныя воззрѣнія ав-

*) См. ниже стр. 116.

¹⁾ Я долженъ замѣтить, что мое изложеніе здѣсь мало отличается отъ изложенія въ IV вып. 1894 г. «Записокъ Харьк. Унив.»; кое-какія прибавленія я сдѣлалъ лишь въ концѣ этой статьи.

тора обязаны именно тѣмъ задаткамъ, которые получены имъ отъ учителя. Можно только пожалѣть, что, высказывая здѣсь именно рядъ положеній, новыхъ и оригинальныхъ для всякаго, кто не знакомъ съ лекціями проф. Фортунатова, авторъ не хотѣлъ или не имѣлъ возможности, можетъ быть, вслѣдствіе спѣшности работы привести для нихъ какія-либо доказательства. Это и дало право проф. Соболевскому назвать эти положенія аксиомами, а проф. Ягичу сказать, что авторъ преподноситъ свои положенія догматически, и что доказательство ихъ лежитъ скрытымъ подъ замкомъ Фортунатовскихъ лекцій. Но, признавая этотъ недостатокъ, я никакъ не могу согласиться съ И. В. Ягичемъ въ томъ, чтобы самое стремленіе, общему нитю проходящее черезъ все сочиненіе, возводить діалектическія явленія новыхъ словянскихъ говоровъ къ праязычнымъ зачаткамъ было ошибочно. Стремленіе это можно подѣлать во всемъ послѣ Шлейхеровскомъ направленіи языковѣдѣнія, напр. у І. Шмидта и другихъ новыхъ западныхъ лингвистовъ, а у насъ у покойнаго А. А. Потебни ¹⁾ и у Ф. Ф. Фортунатова; оно находится въ тѣсной связи съ теоріей постепеннаго развитія. Если считать построенія гг. Фортунатова и Шахматова произвольнымъ, то не придется ли видѣть произволь и въ построеніи *a, a°* и *a* въ индоевропейскомъ праязыкѣ? Между тѣмъ этотъ гипотетическій произволь, несомнѣнно, лучше произвола реальнаго, т. е. возведенія напр. разнообразія европейскаго вокализма къ одному древне-индійскому или иранскому *a*, какъ у Шлейхера, Курциуса и друг., или наоборотъ возведенія одного иранскаго *a* къ тремъ уже готовымъ европейскимъ звукамъ. Въ школѣ Фортунатова я замѣчаю лишь болѣе послѣдовательное проведеніе этого стремленія, вслѣдствіе чего оно кажется иногда слишкомъ смѣлымъ; но съ другой стороны именно вслѣдствіе этой послѣдовательности это стремленіе становится строго научнымъ принципомъ. Справедливо замѣчаніе проф. Ягича, что въ историческомъ развитіи говоровъ могутъ являться новыя причины звуковыхъ измѣненій, но мнѣ кажется, что новыя причины имѣютъ значеніе лишь направленія въ ту или другую сторону данныхъ уже въ праязыкѣ зачатковъ: онѣ могутъ содѣйствовать или ихъ полному исчезновенію или дальнѣйшему развитію. Съ другой стороны, предполагая уже въ праязыкѣ слабыя отбѣны позднѣйшихъ нарѣчій, мы можемъ допустить, что зачатки фонетическихъ измѣненій нѣкоторыхъ позднѣйшихъ нарѣчій были лишь въ нѣкоторыхъ говорахъ праязыка. Такъ напр. о предполагаемомъ Шахматовымъ общеслов. *ö* изъ *e* послѣ *ж, ч, ш, ј, ш, џ, њ*, особаго ²⁾ рода *c* мы можемъ допустить или, что оно было уже во всѣхъ говорахъ общесловянскаго яз., но въ такой слабой степени, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, а именно тѣхъ, которые легли въ основаніе позднѣйшихъ группъ чешской и южнославянскихъ, исчезло совсѣмъ, сблизившись въ произношеніи съ *e* послѣ другихъ согласныхъ, или что оно возникло, какъ слабая варіанція *e* лишь въ нѣкоторыхъ говорахъ общесловянскаго яз., а именно тѣхъ, которые легли въ основаніе позднѣйшихъ группъ русской, польской и лужицкой. То-же самое я скажу и о распространеніи этого измѣненія *e* на тѣ случаи, гдѣ передъ *e* были согласные полумягкіе, перешедшіе въ сѣверныхъ группахъ словянскихъ говоровъ въ мягкіе: *ö*, откуда потомъ *o*, послѣ всѣхъ согласныхъ передъ слѣдующимъ твердымъ слогомъ могло быть извѣстно и не во всѣхъ говорахъ общерусскаго яз., а лишь въ тѣхъ, которые легли въ основаніе группы восточно-русской. Повидимому, однако, авторъ понимаетъ дѣло въ первомъ смыслѣ, т. е. предполагаетъ полное единство въ этомъ отношеніи какъ праязыка словянскаго, такъ и праязыка русскаго. Въ этомъ мы можемъ съ нимъ расходиться, но его построенія праязычныхъ измѣненій я вѣсело считаю однимъ изъ главныхъ методологическихъ достоинствъ его книги. Другое методологическое достоинство ея я замѣчаю въ стре-

¹⁾ У него это стремленіе замѣтно въ изслѣдованіяхъ синтаксическихъ, у другихъ преимущественно въ фонетикѣ, но принципъ одинъ: постепенное преобразование звуковъ и формъ.

²⁾ Подъ особаго рода *c* разумѣется *c*, возникшее на словянской почвѣ изъ общесловянскаго *x*, напр. въ словѣ въ сѣ, всего и т. д. (сравните древне-русскія формы *всѣ* Новгород. лѣт. и *всѣу* Вкладн. 1192 г.).

меньше объяснять по возможности всё явления языка звуковыми законами и не прибегать без крайней необходимости къ объясненію помощью дѣйствія грамматической аналогіи; это не значитъ допускать исключенія въ дѣйствіи звуковыхъ законовъ, какъ это замѣчается у лингвистовъ предшественниковъ Лескина, а значитъ только, что не всё законы намъ извѣстны, и дѣйствіе одного нерѣдко скрещивается съ дѣйствіемъ другого. Какъ средство объясненія, авторъ употребляетъ также взаимодѣйствіе между собою различныхъ говоровъ и справедливо признаетъ существованіе говоровъ сѣвѣшанскихъ (стр. 166, 228).

Унаследовавъ изъ общесловянской старины звукъ *ö* послѣ шипящихъ, *ж*, *ш*, *щ*, *с* и *ж* и измѣнивъ его еще въ общерусскую эпоху въ *о*, откуда и въ великорусскомъ и малорусскомъ *чо*, *жо*, *шо*, *жо*, русская группа далѣе въ отношеніи звуковъ *е* и *і* распадается на двѣ главныя: югозападную, потерявшую старое свойство первоначальныхъ *е* и *і* смягчать предшествующіе имъ согласные звуки, вслѣдствіе котораго они еще въ общесловянскую эпоху были полумягкими, а въ общерусскую становились (по крайней мѣрѣ диалектически) еще болѣе мягкими, и измѣнившую старые звуки *е* и *і* небные въ гортанно-небные *э* и *и*, причѣмъ въ послѣднемъ звукѣ слылось въ большинствѣ говоровъ и старое *ы*, и восточную, сохранившую старое свойство *е* и *і* и можеть быть разнившую его еще далѣе, такъ такъ весьма вѣроятно, что небность *е* и *і* въ общерусскую эпоху была слабѣе, чѣмъ въ нарѣчіяхъ восточнорусскихъ; зачатки малорусской твердости должны были быть еще въ диалектахъ общерусскаго языка ¹⁾. Когда вмѣсто старыхъ *е*, *і* *ö* и *і* въ югозападныхъ говорахъ явились звуки *э* и *и*, согласные звуки, имъ предшествовавшіе, потеряли свою мягкость. Что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ измѣненіемъ характера гласныхъ, а не простой потерей мягкости предшествующихъ согласныхъ, доказывается тѣми случаями, когда *е* или *і* подвергались сокращенію и я оставляли свой слѣдъ въ мягкости согласныхъ (въ оконч. неопредѣл. наклон. и 2 л. множ. ч. повелит. наклон.) ²⁾, также такими, какъ *т'ша* (т'ша) при тѣмныи, т. е. когда старое *э* и *ч*чало, оставляя слѣдъ въ мягкости предшествующихъ согласныхъ, въ однихъ формахъ и переходило въ *е*, откуда *э*, въ другихъ формахъ, наконецъ тѣми, когда вмѣсто *э* изъ *е* черезъ посредство *ö* являлось *о* подъ влияніемъ формъ съ мягкой согласной послѣ выпаденія стараго *э* являлось *о* (*л'оп* при *л'па* вмѣсто *лри*) ³⁾. Имѣ кажется только, что измѣненіе *е* и *і* въ гортанно-небные звуки само по себѣ еще не могло-бы повлечь за собой потерю мягкости предшествовавшихъ согласныхъ, такъ какъ въ въ великорусскихъ говорахъ въ неударяемыхъ слогахъ явились же также *г о р т а* и *н о н е б н ы е* звуки (см. у Шахматова стр. 196), которые III. вслѣдъ за Сиверсомъ (Grundzüge der Phonetik, стр. 95) обозначаетъ буквами *а*, *о*, *е* съ точкою надъ ними, а между тѣмъ передъ такими гортанно-небными *е* согласные продолжали оставаться мягкими. Разница должна была быть или въ качествѣ самаго гортанно-небнаго гласнаго въ великорусскомъ и малорусскомъ или въ степени мягкости предшествующихъ согласныхъ, и послѣднее имѣ кажется особенно вѣроятнымъ: несомнѣнно, въ періодъ выдѣленія изъ общерусскаго яз. малорусской группы говоровъ согласные еще не достигли той крайней степени мягкости, которая имъ стала свойственна въ позднѣйшихъ великорусскихъ говорахъ; а что гортанно-небные звуки могутъ содѣйствовать уtratъ слабой степени мягкости, это доказываютъ факты нѣкоторыхъ болгарскихъ говоровъ, въ которыхъ при измѣненіи неударяемыхъ *е* и *і* въ глухіе, вѣроятно, гортанно-небные звуки (на письмѣ обознач. черезъ *з* или *ж*) предшествующіе имъ согласные теряютъ мягкость: *дэсвѣ* ви. *деснѣ*, *сэстрѣ* ви. *сестрѣ*, *зхнѣ* (зхнѣ) ви. *зхнѣ* (не слѣдуетъ смѣшивать *зхнѣ* вмѣсто *з* и *н* ѣ,

¹⁾ Сравн. замѣчанію Потебни, что вѣроятно, «чтобы когда либо *е* въ украинскомъ произносились слишкомъ мягко» («Два изслѣдованія», 120). Не имѣя подъ рукой указаннаго сочиненія А. А. Потебни, привожу эти слова изъ книги Колосова («Обзор. звук. и форм. особен. нар. русск. яз.», стр. 67).

²⁾ Это указано еще Потебнею («Два изслѣдованія», 120).

³⁾ См. стр. 102—103, 105—106.

что также встречается), годъи ви. годъи(ъ) и т. п. (см. Словарь болгар. яз. А. Л. Дювернуа, Сборн. болгар. пѣсенъ Дозона, Обложъ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгар. яз. П. А. Лаврова, стр. 48—49, Ant. Kalina, Studija nad historiju jezuka bugarskogo, §§ 16 и 26), хотя не во всѣхъ говорахъ (въ Конопчин, по свидѣтельству Калины, остается мягко-ть); это отвердѣннѣ согласныхъ подтверждаетъ и проф. М. С. Дриновъ.

Другихъ характерныхъ явленій, положившихъ грань между двумя группами русскихъ говоровъ, III. касается въ главѣ 4-й. Здѣсь авторъ указываетъ на измѣненіе слоговыхъ *э*, *ъ*, *и* «иррациональнаго» (терминъ проф. Фортунатова, означающій звуки неполнаго образованія), явившагося изъ *ь* послѣ смяченныхъ согласныхъ еще въ общесловянскую эпоху, въ нарѣчіяхъ русскаго яз. Здѣсь справедливо указывается на то, что неслоговые *э* и *ъ* исчезли не сразу во всякомъ положеніи, а кое-гдѣ сохранились еще по причинамъ частію фонетиче-скимъ, частію нефонетическимъ въ XIII—XIV столѣтіяхъ; такіе случаи особенно при плавныхъ. Именно туго проявляется разница между юго-западными и восточными нарѣчіями: въ великорусскомъ изъ древнерусскаго *к рьви* получалось потомъ *крѣви*. въ малорусскомъ и частію бѣлорусскомъ *к рѣви* и т. п. Но, желая быть вѣрнымъ системѣ распредѣленія русскихъ говоровъ по группамъ, авторъ, мнѣ кажется, прибѣгаетъ къ натяжкѣ: относитъ бѣлорусское нарѣчіе къ восточно-русской группѣ, онъ предполагаетъ для бѣлорус. *к рѣ*—иное объясненіе, чѣмъ для малорусскаго (стр. 44), а именно, что общерусск. *к рѣви* съ неслогов. *э* измѣнялось или въ *к рѣи* или въ *к рѣви* съ *э* иррациональн. слоговымъ (но моему—съ слоговымъ *э*)¹⁾, откуда въ малорусскомъ *к рѣви* (у Квиѣки), въ восточно-русск. *к рѣви* съ *ѵ* склоннымъ къ *и*, что давало затѣмъ въ бѣлорусск. *к рѣви*, а въ великорусскомъ *к рѣви*, *к рѣви*, такъ что одно и тоже *э* въ бѣлорусскомъ и малорусскомъ получилось, по его мнѣнію, разными путями; замѣчу, впрочемъ, что, конечно, невозможнаго тутъ ничего нѣтъ (сравните напр. дебрс. *накедонск. рока* съ хорутанско-словѣнск. *гока*; то и другое изъ общеслов. *р ж ка*, но, вѣроятно, разными путями). Разница русскихъ нарѣчій сказалась и въ измѣненіи слоговыхъ иррациональныхъ *у(ы)* и *и*: въ восточно-русскихъ нарѣчіяхъ они измѣнились въ звуки *ѵ* склон. къ *и* (не смягчившее предшествующаго согласнаго) *п е* склон. къ *і* (стр. 38), а далѣе въ бѣлорусскомъ отсюда изъ перваго звука *э* въ ударяемыхъ слогахъ и *э* въ неударяемыхъ, изъ втораго—*і*, въ великорускомъ въ нѣкоторыхъ говорахъ тоже *э* (удар.), *э* (неудар.) и *і*, но б. ч. *о* (удар.), *э* (неудар.), *е* (удар.), *і* (неудар.): бѣлор. *м а л а д ѣ ѣ* при добры, великорус. великолукц. *т а л с т ѣ ѣ* при милы и т. п. (стр. 39—41); дѣйствительно бѣлорусскіе говоры пережили здѣсь явленія, кажется, общія съ говорами великорусскими, какъ на это указываетъ часть великорусскихъ говоровъ, въ противоположность малорусскимъ, гдѣ *э* или *и* среднее какъ изъ первонач. иррац. *э*, такъ и изъ *и*; но сомнительно, чтобы *ѵ* склонное къ *и* изъ иррац. слоговаго *э* явилось еще въ общерусскую эпоху (стр. 45), т. е. что и малорус. *э* явилось не прямо изъ *э*, а черезъ посредство этого *ѵ* склон. къ *и*. Съ бѣлорусскимъ и частію великорусскимъ *ѣи* въ имен. над. един. ч. муж. р. не слѣдуетъ смѣшивать діалектческаго бѣлорусскаго и великорусскаго (во многихъ приволжскихъ и присурскихъ говорахъ) *ѣи* (*ѣя*) въ именит. множ. ч. прилагательныхъ, причемъ звукъ *э* проводится (если на немъ удареніе) въ этихъ говорахъ по формамъ всѣхъ падежей множ. ч., но не слышится именно въ именит. един. ч.; я считаю также совершенно невѣрнымъ мнѣніе, будто эти говоры носятъ какой-то бѣлорусскій оттѣнокъ (сравни мои статьи въ X т. «Archiv für slavische Philologie», стр. 349—351, и XI т. стр. 320, а также во 2 кн. «Живой Старинны» 1894 г.). Въ главѣ 4-ой Шахматовъ указываетъ также на появленіе иррациональн. слоговаго *э* на концѣ словъ вмѣсто неслоговаго *э* тамъ, гдѣ было стремленіе удержать звукъ по

¹⁾ Впрочемъ, употребляя выраженіе: «иррациональное слоговое *э*», Шахматовъ желаетъ и б. болѣе точно опредѣлить характеръ звука, такъ какъ подъ *э* могутъ разумѣться звуки вообще иррациональные, глухіе безъ ближайшаго опредѣленія, какіе именно.

причинамъ нефонетическимъ: добры вѣсто добр при формѣ жен. р. добра, т. е. въ ф. муж. р. удерживалось два слога, потому что столько-же было въ формѣ жен. р.; да-лѣе такая форма, какъ добры (какъ сказуемое) ассимилировалась въ нарѣчіяхъ съ мѣстоим. формой добрыи (первоначально только какъ опредѣленіе) и исчезала. Но въ сѣверновеликорусск. являлось тутъ иногда *о*, а диалектически *е* (изъ *ѳ*, которое изъ иррац. *ы*); такимъ образомъ, въ памятникахъ сѣверныхъ находимъ: плугъ Двин. грам. XVI в., Смоленско, Волхово (Новгор. лѣт.) и т. п. при вѣдале Варламе (вклад. 1192 г.) и мног. другихъ примѣрахъ *е* въ окончан. словъ муж. р., извѣстныхъ всѣмъ изслѣдователямъ исторіи русскаго яз.; любопытно, что это *е*, смягчающее предыдущ. согласн., сохранилось въ говорахъ и теперь: въ великолукскомъ уѣздѣ въ формѣ имен. един. ч. муж. р. прилагательныхъ, употребленныхъ въ смыслѣ сказуемаго, слышно въ неудар. слогѣ *и* (изъ *е* склон. къ *ѣ*): лёнъ волокнисти, собой чисти (стр. 49).

Третьимъ важнымъ явленіемъ, характеризующимъ раздѣленіе русскихъ говоровъ на двѣ группы, была судьба долгихъ гласныхъ *е*^і, *ѳ* и *о* въ нарѣчіяхъ общерусскаго яз. Еще въ 1-ой гл. (стр. 4) авторъ указалъ на появленіе долгихъ гласныхъ *э*, *о*, *ѳ* еще въ общесловянскую эпоху въ положеніи передъ согласн. ¹⁾ съ неслоговымъ *з* и *ж*. Въ главѣ 8-ой (стр. 94 — 96) онъ указываетъ на различную судьбу ихъ въ русскихъ нарѣчіяхъ: въ однихъ они сократились, и изъ возъ, мѳдъ съ *о* и *ѳ* долгимъ и *э* неслогов. здѣсь получились *воз* (ъ), *мѳд* (ъ) (восточнорусская группа); въ другихъ они сохранялись долгими и распались затѣмъ на дифтонгическія сочетанія *зе*^і, *жѳ* и *уо* (западнорусская группа). Но часть восточнорусскихъ нарѣчій, по-видимому, продолжала и послѣ отдѣленія югозападной группы сохранять долготу въ указанномъ положеніи, замѣнивъ её дифтонгами, какъ на это указываютъ бѣлорусскіе говоры Могилевской и Минской губ., гдѣ встрѣчается *двуор*, *вуол*, *пѣч* и т. п. (стр. 95 — 96); Довнаръ-Запольскій («Жив. Стар». 1893, вып. 1) приводитъ даже *вуовк*, *буоряднй*, гдѣ дифтонгъ изъ *о*, замѣнившаго *э*, изъ говора Минскаго уѣзда, а также *воунъ*, гдѣ дифтонгъ *оу*. На возраженіе проф. Соболевскаго (Ж. М. Н. Пр. 1894, апрѣль, стр. 429), что «ц. славянскіе стихи и нотныя книги не даютъ намъ ни малѣйшаго права говорить о неслоговомъ произношеніи *э* въ богъ и т. п.», я думаю отвѣтить такимъ образомъ, что, такъ какъ *э* въ такомъ положеніи не исчезало вполнѣ въ обыденной и прозаической рѣчи, а лишь становилось неслоговымъ подобно французскому «*e muet*», то естественно, что въ стихахъ, а иногда и въ прозѣ подъ вліяніемъ двусложности формъ другихъ надежей (какъ въ прилагательныхъ ф. имен. ед. муж. р. подпала вліянію формы имен. ед. жен. р.) *э* неслог. могъ получать слоговой характеръ, причеиъ предшествующій слогъ, вѣроятно, сокращалъ свои долгіе или полудолгіе ²⁾ звуки *е* и *о*, перенося часть длительности на слѣдующій слогъ (сравни франц. *lune* въ стихахъ); кромѣ того, необходимо предположить, что степень долготы этихъ среднихъ *е* и *о* въ общесловянскую эпоху была не та, что въ эпоху общерусскую, а въ эпоху общемалорусскую опять иная; также возможно опять то предположеніе, которое я принимаю и относительно другихъ фонетическихъ явленій, что уже въ общесловянскомъ, а затѣмъ и общерусскомъ различныя говоры были въ этомъ отношеніи неодинаковы.

Глава 10-я посвящена авторомъ этимъ дифтонгическимъ сочетаніямъ въ западно-русскихъ нарѣчіяхъ. Здѣсь я несогласенъ съ авторомъ въ томъ, чтобы дифтонги сѣверно-малорусскихъ говоровъ были неарханчны (стр. 120). Конечно, мы не имѣемъ права вводить въ нихъ прямыя прототипы украинскаго *ѣ*, ибо и они должны были имѣть свою исторію, но нѣтъ основанія считать ихъ заимствованіями изъ сосѣднихъ

¹⁾ Такъ я замѣняю употребленное авторомъ, вѣроятно, по недосмотру выраженіе: «передъ слогомъ съ неслоговымъ *з* и *ж*»; такъ какъ слогъ могъ сохраниться лишь до тѣхъ поръ, пока *з* и *ж* были еще слоговыми.

²⁾ Впрочемъ формы сербск. род. п. множ. ч. говорятъ противъ необходимости подобнаго сокращенія (см. напр. Pavić, Studije o hrvat. akcentu, стр. 4, 12 и др.).

говоры бѣлорусскихъ только потому, что въ сѣверно-малорусскихъ говорахъ и въ другихъ явленіяхъ замѣчается совпаденіе съ бѣлорусскими говорами. Несомнѣнно только, что сѣверно-малорусскіе, какъ и южно-бѣлорусскіе говоры принадлежатъ къ ряду говоры смѣшанныхъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ (въ широкомъ смыслѣ слова несмѣшанныхъ говоры не бываетъ), но мнѣ кажется, нельзя рѣшить, которой изъ легшихъ въ нихъ основаніе особи принадлежатъ сохранившіеся въ нихъ дифтонги. И такъ я остался при мнѣніи А. А. Потебни, которому, правда, еще не были извѣстны бѣлорусскіе дифтонги, открытыя лишь въ самое послѣднее время Довнаръ-Запольскимъ. Но вполне соглашаюсь съ авторомъ въ томъ, что дифтонгическія сочетанія должны были существовать въ древнѣйшую эпоху въ бѣлорусскихъ и южновеликорусскихъ говорахъ, и мнѣ кажется вѣроятнымъ, что именно новый законъ объ удареніи, ослабившій неударяемые слоги, повліялъ на исчезновеніе этихъ дифтонговъ въ большинствѣ великорусскихъ и бѣлорусскихъ говоры, такъ что, чередуясь съ краткими монофтонгами ¹⁾ въ неударяемыхъ слогахъ, дифтонги ударяемыхъ слоговъ (изъ старыхъ долгихъ) подъ вліяніемъ чередованія неударяемыхъ монофтонговъ съ ударяемыми въ старыхъ краткихъ слогахъ замѣнились также монофтонгами, въ большинствѣ говоры тѣми-же, что являлись подъ удареніемъ въ старыхъ краткихъ по положенію слоговъ.

Авторъ подробно останавливается на исторіи звука ъ, причѣмъ обращаетъ вниманіе и на правописаніе памятниковъ и на явленія живыхъ говоры. Въ памятникахъ онъ различаетъ передачу церковно-славянскаго ъ отъ передачи ъ русскаго. Передачу ъ черезъ е въ текстахъ церковнаго характера онъ объясняетъ разностью произношенія ъ ц. славянскаго и ъ русскаго. Эту мысль онъ высказалъ еще въ «Исслѣдованіи о языкѣ новгородскихъ грамотъ», но тамъ онъ иначе опредѣлилъ характеръ звука ъ въ старославянскомъ яз., чѣмъ здѣсь. А именно, въ «Исслѣд. о яз. новгор. грам.» (стр. 212) онъ говоритъ: «можно думать, что ъ было въ нѣкоторыхъ старослав. говорахъ открытымъ, опредѣляя его за Фортунатовымъ... какъ звуковое сочетаніе изъ *i+e* открытое». Въ разбираемомъ-же сочиненіи (стр. 134) говоритъ: «Если предположить, что звукъ, соответствовавшій русскому звуку ъ, звучалъ въ старослав. нарѣчій, легшемъ въ основаніе нашего церковнаго языка, не какъ *ie*, а какъ монофтонгъ, а такое предположеніе, думаю, не можетъ встрѣтить затрудненій ни въ старославянскихъ памятникахъ, ни въ дальнѣйшей судьбѣ старослав. нарѣчій, то придемъ къ заключенію, что церковное ъ въ русскомъ правописаніи не могло передаваться дифтонгомъ *ie*, а должно было передаваться монофтонгомъ изъ ряда звуковъ *e*... Очевидно, русское *eⁱ* всего ближе передавало старослав. звукъ... ъ церковныхъ книгъ... читалось какъ *eⁱ*... Такимъ образомъ, признавая раньше ъ церковнымъ дифтонгическимъ сочетаніемъ открытымъ во второй части, Ш. здѣсь признаетъ его звукомъ монофтонгическимъ и закрытымъ (склоннымъ къ *i*) (ср. также гл. 3, стр. 25), причѣмъ указаніе на *e* склон. къ *i* Ш. видитъ не въ рѣдкой замѣнѣ *e* изъ церкви. ъ черезъ *и* въ памятникахъ (Сборн. 1073 г., Мин. 1096 г.), а также въ томъ, что памятники, употребляющіе ъ вм. *e* въ положеніи передъ небными звуками, употребляютъ ъ и вмѣсто церковнаго ъ (стр. 26), между тѣмъ какъ въ памятникахъ, не смѣшивающихъ *e* и ъ въ русскихъ словахъ, церковныя слова пишутся черезъ *e* вм. ъ; къ числу такихъ книжныхъ формъ, не провѣрившихся въ народномъ языкѣ, не находившихъ въ немъ себѣ соответствія, относится вапр. предлогъ прѣ=рус. *пере*—, а также вообще неполногласныя формы *сѣ* вмѣсто рус. *ере*, которыя и писались б. ч. черезъ *e* (*пре*—, *древу* и т. п.). Такое-же произношеніе *eⁱ* Ш. предполагаетъ и для всякаго вообще церковнаго *e* въ русскомъ яз. Хотя нельзя не согласиться съ убѣдительностью доводовъ въ пользу того, что русскіе писцы читали ц. славянское ъ какъ закрытое *e*, склонное къ *i*, тѣмъ не менѣе и славянскіе памятники древнѣйшіе нерусскаго письма и особенно глаголическіе, мнѣ кажется, никакъ не говорятъ въ пользу такого произношенія ъ въ старославянскихъ го-

¹⁾ Вмѣсто старыхъ долгихъ неударяемыхъ.

ворахъ; напротивъ, одинаковость знака для *ъ* и *ja* (*я*) въ глаголическомъ письмѣ говоритъ въ пользу произношенія *ъ* какъ звука открытаго и, если это былъ дифтонгъ, склоннаго къ *а* во второй своей части; вслѣдствіе этого я считаю болѣе вѣроятнымъ предположеніе о произношеніи *ъ* въ старословянскомъ, высказанное авторомъ въ прежнемъ своемъ сочиненіи. Что-же касается русскаго *ъ*, то, между тѣмъ какъ въ «Исследован. о языкѣ новгор. грам.» стр. 212—213 авторъ предположилъ въ немъ дифтонгическое сочетаніе *ie* съ *е* закрытымъ, здѣсь онъ говоритъ, что это *ie* еще въ общерусскую эпоху подобно всякому *е* становилось во второй своей части закрытымъ передъ слѣдующими мягкими звуками, а передъ твердыми и въ конечномъ открытомъ слогѣ было открытымъ. Въ югозападной группѣ говоровъ въ этихъ дифтонгахъ, какъ и въ новыхъ дифтонгахъ изъ долгаго *е*, получила большую частью преобладаніе первая часть (*i*), откуда украинское и галицкое *i*. Относительно произношенія *ъ* въ восточно-русскихъ нарѣчіяхъ Ш. на основаніи изслѣдованія правописанія памятниковъ и произношенія живыхъ говоровъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ (гл. 12, стр. 163, гл. 14, стр. 195): слѣдуетъ различать три группы говоровъ, при чемъ во всѣхъ трехъ дифтонги перешли въ монофтонги; въ группѣ А дифтонги *ie^a* и *ieⁱ* измѣнились въ ударяемыхъ и непосредственно предшествующихъ ударенію слогахъ въ *eⁱ* и *ä* закрытое, въ прочихъ въ *e* гортаннонебное закрытое; въ гр. В они измѣнились подъ удареніемъ въ *e^a* и *eⁱ*, въ слогѣ предшествующ. ударенію въ *ä* закрыт., въ прочихъ въ *e* гортаннонеби. закрытое; въ гр. С. подъ удареніемъ и непосредств. передъ удар.—въ *e^a* в *eⁱ* и въ *ä* откр. и *ä* закр., въ прочихъ неударяемыхъ слогахъ первое въ *ä* (откуда *a* или *я*) или *e* гортаннонебное, второе въ *e* гортаннонебное ¹⁾. Подъ А разумѣются говоры сѣверновеликорусскіе, въ которыхъ закрытое *е* и до сихъ поръ мѣстами слышится вмѣсто стараго *ъ* даже передъ слѣдующ. твердымъ слогомъ, чередуясь иногда, особенно передъ мягкимъ слогомъ, со звукомъ *i*, который Ш. объясняетъ изъ *ie* черезъ посредство *i^e*; такое *и* вмѣсто *ъ* встрѣчается въ памятникахъ съ XIV вѣка и особенно часто въ XV и XVI в. (Шахм. стр. 168—169); а то *и* вм. *ъ*, которое находимъ въ памятникахъ XI—XII в., по мнѣнію Шахматова, представляетъ церковное произношеніе *ъ* какъ закрыт. *е* склон. къ *i* (стр. 137). Группы В и С заключаютъ въ себѣ говоры южновеликорусскіе и бѣлорусскіе.

Въ слѣдующихъ главахъ, начиная съ 13-ой, дѣло идетъ о различныхъ измѣненіяхъ, которымъ подверглись гласные *е, о, а* въ восточнорусскихъ нарѣчіяхъ, благодаря появленію новаго закона объ удареніи словъ. Сначала Ш. даетъ опредѣленія тѣхъ гласныхъ ряда *о, е*, какіе были, по его мнѣнію, въ общерусскомъ яз. Онъ думаетъ именно, что общерусскіе звуки *о, е, ъ* были открытыми и склонными къ *а*. Только *е* передъ мягкимъ звукомъ было закрытымъ *ä*. Предположеніе о склонности къ *а* ввукъ *о* онъ старается подтвердить какъ передачей греческихъ словъ, въ которыхъ *α* передавалась черезъ *о*, а *ο* черезъ *α* (грамота, тимаѳей; крылась—греч. κλήρος), такъ и появленіемъ *α* вмѣсто *ο* передъ слогомъ съ слѣдующ. ударяем. *α* въ малорусскихъ словахъ: багаты, гараздъ, гарачій, гдѣ *ο* неударяемое склонное къ *α* замѣнилось подъ вліяніемъ яснаго *α* слѣдующаго слога черезъ *α*. Переходя къ вопросу объ удареніи въ общерусскомъ языкѣ, Ш. предполагаетъ, что оно было, вѣроятно, м у з ы к а л ь н о э к с н и р а т о р н ы м ²⁾, т. е. распредѣлялось равномерно между всѣми частями слова, достигая въ одномъ изъ слоговъ наибольшаго напряженія. Этотъ характеръ ударенія измѣнился въ восточнорусскихъ нарѣчіяхъ такимъ образомъ, что удареніе приняло исключительно эспира-

¹⁾ Надо замѣтить, что звуки *eⁱ* и *e^a* являлись, по предположенію автора, лишь подъ удареніемъ, въ неударяемыхъ-же слогахъ *ä* закрытое и *ä* открытое (т. е. звуки съ менше опредѣленнымъ характеромъ *e*), которыя въ общерус. яз. предполагаются и для ударяем. слоговъ.

²⁾ Сравните его соображенія объ удареніяхъ общесловянскихъ и общесербскихъ въ статьѣ «Къ исторіи сербско-хорватскихъ удареній», стр. 40—62.

торный характеръ: вся сила его стала падать на одинъ слогъ, что сопровождалось ослабленіемъ слоговъ неударяемыхъ. Вліяніе новаго ударенія сказалося на измѣненіи какъ ударяемыхъ, такъ и неударяемыхъ гласныхъ. Подъ удареніемъ они получили бѣольшую окраску лежащаго въ основаніи ихъ звука: ä (такъ авторъ обозначаетъ общерусскій звукъ е) открытое измѣнилось въ е открытое e^2 , e^a) и совпало такимъ образомъ со звукомъ e^a , являвшимся подъ удареніемъ въ говорить В и С изъ дифтонгич. сочетанія ie^a , ä закрытое въ е закрытое и совпало съ e^i изъ ie^i въ тѣхъ-же говорахъ, а въ говорахъ А изъ ie^a , o^a и ö склоп. къ а перешли въ о открытое, не склонное къ а. Такимъ образомъ явились напр. восточнорус. спит é и мѣсто сп и т ä, родит. ед. м е н é вѣсто мевä (изъ послѣдняго при эклиптич. употребленіи получалось м е н я, которое затѣмъ въ нѣкоторыхъ говорахъ вытѣснило м е н ö и стало употребляться и съ удареніемъ на я), вин. ед. ч. вóду, вѣсну съ открытымъ яснымъ о вѣсто болѣе древнихъ во(а)ду, вöсну съ о и ö склонными къ а и т. п. Здѣсь-же авторъ приводитъ древнѣшіе примѣры измѣненія въ о открыт. звука ö склон. къ а, который обыкновенно означался на письмѣ черезъ е (слѣдоват. не отличался отъ ä); они восходятъ къ XIII в. (болѣе ранніе примѣры XI в. III. считается описками). Въ слѣдующей (14-ой) гл. говорится объ измѣненіи неудар. гласныхъ въ восточнорусскихъ нарѣчіяхъ. Слогъ, непосредственно предшествующій ударяемому, по мнѣнію автора, сохранилъ тотъ самый экспираторный вѣсъ, съ которымъ былъ полученъ въ общерусскомъ языкѣ, такъ что гласные звуки здѣсь остались безъ измѣненія: здѣсь сохранились ä закрытое, ä открытое (изъ ъ) о склонное къ а: läniv, näsi, päsok, vo^adä и т. п.¹⁾ Въ прочіхъ неударяемыхъ словахъ изъ а, o^a , ä развились звуки гортаннонебные (Ш. вслѣдъ за Сиверсомъ означаетъ ихъ черезъ а, о, е съ точкою надъ ними), болѣе гласныхъ другого мѣста образованія способные къ ослабленію (редукции). Здѣсь мнѣ кажется ошибочнымъ подведеніе всѣхъ прочихъ неударяемыхъ слоговъ подъ одно, между тѣмъ какъ въ слогѣ закрытомъ послѣ ударенія степень ослабленія гласнаго, несомнѣнно, больше, чѣмъ въ слогѣ открытомъ; кромѣ того, несомнѣнно, должны оказывать вліяніе сопровождающіе гласныя согласные: при плавныхъ и, кажется, особенно л ослабленіе гласныхъ должно быть значительнѣе, чѣмъ при другихъ согласныхъ. Вслѣдствие этого я думаю, что неудобно совершенно одинаково обозначать черезъ а и о съ точкою надъ ними такіе различные звуки, какъ конечное о въ словѣ сáло и о слога ко въ словѣ о́коло, первое о въ словѣ голо́ва, второе о въ словахъ голо́ву и горо́д(ъ), какъ конечное а въ словѣ сѣла, а второго слога въ словѣ плáкали, а начального слога рѣ въ словѣ стари́ку. Хотя въ говорахъ должны быть различія, а съ другой стороны качество и степень слабости неударяемыхъ гласныхъ зависятъ отъ качества соотвѣдныхъ согласныхъ, всетаки несомнѣнно, что только закрытый слогъ послѣ ударяемаго по степени слабости можетъ равняться слогу третьему передъ удареніемъ (считая первымъ слогъ ударяемый), слогъ-же послѣ ударенія открытый (конечный) сильнѣе²⁾. Поэтому, обозначая черезъ а, о съ точкою надъ ними конечные гласные словъ сѣла, сáло, о́кло, я вслѣдъ за Богородицкимъ предложилъ-бы употреблять э для а и о въ другихъ неударяемыхъ и не предшествующихъ непосредственно ударенію слогахъ: гьло́ва, пла́гли, стьри́ку, горьд (или горьт); въ случаѣ діалектическаго ослабленія гласнаго (напр. при л.) до нуля можно писать только букву сопровождающаго его согласнаго съ точкою или буквой э подъ или надъ ней. О явленіяхъ дальнѣйшаго ослабленія и совпаденія между собою звуковъ ä и ö у Шахматова дальше въ главѣ 22-ой³⁾.

¹⁾ Разумѣется, і, ъ и р небные, но я сохосъ затруднить типографію постановкой еще знака і, какъ знака небности, надъ ними.

²⁾ Богородицкій: «Гласные безъ ударенія въ общерусскомъ языкѣ», Казань, 1884, главы III, IV и V. Разумѣется, въ плавной рѣчи, когда конецъ одного слова непосредственно примыкаетъ къ началу другого, открытый слогъ можетъ стать закрытымъ.

³⁾ См. стр. 268, 279, 290—291 (о полномъ сокращеніи и исчезновеніи гласныхъ а и ö).

Главы 15-я, 16-я, 17-я, 18-я и 19-я заняты вопросом о влиянии небных согласных на гласные *a—o* в восточнорусских нарѣчійхъ. Сначала разсматриваются тѣ наиболѣе распространенныя явленія, когда послѣ всякихъ согласныхъ мягкихъ (т. е. какъ *tъхъ*, которые ведутъ свое начало отъ старыхъ мягкихъ, такъ и *tъхъ*, которые въ общерусскую эпоху начали образовываться, а въ восточнорусскую окончательно образовались изъ общесловянскихъ полумягкихъ) въ неудараемыхъ слогахъ гласные *a* и *o* подверглись измѣненію въ томъ смыслѣ, что они получили небную окраску, такъ что вмѣсто *a* и *o* является въ нихъ *e* закрытое (собств. *ä*, такъ какъ *e* являлось лишь подъ удареніемъ). Эти говоры названы Шахматовымъ говорами β для отлвчія отъ говоровъ α , которые такого измѣненія не знали. Такимъ образомъ вмѣсто общевосточнорусскаго *v' i o a snä* въ говорахъ α является *v' e n ä* или *v' e s n ä* (т. е. съ *o* или *a* послѣ мягкаго *e*), въ говорахъ-же β — *ve' snä* (точнѣе *v' ä' snä*), откуда въ нѣкоторыхъ говорахъ съ измѣненіемъ *ä* склоннаго къ *i* въ *i* — *vi s n ä*. Такому-же измѣненію подверглись и старое *a* послѣ мягкихъ согласныхъ, если послѣдніе не успѣли отвердѣть до начала дѣйствія указаннаго закона: *чснъ* (*ч* и *т* — еще во многихъ говорахъ, особенно сѣверныхъ и московскихъ, мягко) и даже *жерънъ*, *церънъ* (*ж* и *ч* отвердѣли позднѣе дѣйствія указаннаго закона), а также звукъ *ä* открытый, происшедшій изъ *je a* (*ѣ*): *лесä* — *лесä*. Существуютъ говоры, гдѣ и ударяемое *a* послѣ мягкихъ согласныхъ измѣнилось черезъ посредство *ä* въ *e*: *кнезь*, *зеть* и т. п. Дѣленіе α и β не совпадаетъ съ дѣленіемъ А и В. Говоры α и β одинаково могутъ встрѣчаться и въ сѣверномъ, и въ южновеликорусскомъ нарѣчій. Самымъ типичнымъ говоромъ β авторъ считаетъ московскій; кромѣ него, вполне послѣдовательнаго говора β не встрѣчается въ южновеликорусскомъ и бѣлорусскомъ. Авторъ приводитъ примѣры изъ памятниковъ, которые восходятъ къ XIII в. (Синод. сп. I Новгор. л.), причеъ это закрытое *ä* обозначалось черезъ *ь* (всего, вѣдоша и т. п.) (стр. 201). Указанное явленіе замѣчается и въ неудараемыхъ слогахъ, гдѣ напр. вмѣсто *o* изъ *ö* является *e* закрытое, и встрѣчается также уже въ Синод. спискѣ I-й Новгор. лѣт.: *горь*, *всь* вмѣсто *все* въ англичическомъ употребленіи и т. п. (стр. 223). Затѣмъ (въ главахъ 17-ой и 18-ой) дѣло идетъ о диалектическомъ измѣненіи звуковъ *a—e—o* подъ влияніемъ смягченныхъ согласныхъ въ древне-псковскомъ говорѣ, который извѣстенъ, благодаря проф. Соболевскому, собранному материалу для характеристики его изъ рукописей въ свопхъ «Очеркахъ изъ исторіи русскаго яз.», а также и о другихъ сходныхъ болѣе рѣдкихъ диалектическихъ явленіяхъ; въ 19-ой о сѣвернорусскомъ диалектическомъ измѣненіи ударяемаго и неудараемаго *e* закрытаго въ *i*; особенно замѣчательно измѣненіе именно ударяемаго *e*, какъ напр. *петрозавод. двирь*, *пичка* (стр. 246), в Милници Ппат. лѣт. 661 (стр. 243), такъ какъ такое измѣненіе удар. *e* извѣстно и въ южновеликорусскомъ (въ говорахъ β).

Въ послѣднихъ трехъ главахъ говорится о появленіи *акающихъ* и *окающихъ* говоровъ въ восточнорусскомъ нарѣчій и объ измѣненіи въ нихъ звуковъ *a—e—o*. Я не буду подробно излагать всего богатаго содержанія этихъ главъ, а укажу только на главнѣйшее. Важно то, что, кромѣ *окающихъ* говоровъ, авторъ различаетъ еще говоры *неокающіе*, т. е. не измѣнившіе ¹⁾ въ слогѣ передъ удареніемъ древнее и общевосточнорусское *o* склонное къ *a* въ *o*. Такимъ образомъ, вопреки обычному мнѣнію, что говоры *окающіе* отличаются лишь консервативностью, такъ какъ сохраняли будто-бы общерусское *o* въ слогѣ передъ удареніемъ, III. и въ нихъ видятъ отступленіе отъ старинны. Самыми консервативными, слѣдовательно, являются говоры *неокающіе*, т. е. говоры, по выраженію нѣкоторыхъ изслѣдователей, съ умереннымъ *оканьемъ*; таковы говоры сѣверо-западной части Олонецкой губ. (стр. 263 и

¹⁾ Разумѣется, мы не имѣемъ права утверждать, что измѣненія звука въ этихъ говорахъ вовсе не произошло, но во всякомъ случаѣ разница этого звука въ нихъ отъ древневосточнорусскаго ничтожна и неувловима сравнительно съ измѣненіемъ, которому подвергся этотъ восточнорусскій звукъ въ говорахъ *окающихъ* и *акающихъ*.

295—296). Въ главѣ 21-ой указывается время появленія *акавья*, примѣры котораго восходятъ по памятникамъ къ XIV в. (стр. 260—262). Изъ западнорусскихъ рукописей примѣры лишь съ XV в. (Полоцкій договоръ съ Ригю 1478 г.). Что и сѣвернорусское *о* въ слогѣ передъ удареніемъ было нѣкогда склоннымъ къ *а*, авторъ видитъ изъ того, что и въ *о*вающихъ говорахъ встрѣчаются формы *плѣтишь*, *посѣднѣ* (Рыбин. у.), вполне понятныя въ *о*вающихъ; а кромѣ того надо замѣтить, что рядомъ съ измѣненіемъ *о* склон. къ *а* въ *о* встрѣчается въ слогѣ передъ удареніемъ переходъ въ *о* звука *а* (*зоборъ* и т. п.) (стр. 263). Въ главѣ 22-ой дѣло идетъ о разнообразныхъ измѣненіяхъ гласныхъ *а—е—о* въ говорахъ *о*вающихъ, причѣмъ, какъ на общее начало, указывается на стремленіе замѣнять въ неударяем. слогахъ различныя отгѣнки звука однимъ (отсюда въ однихъ говорахъ *сѣна* и *пѣна* съ гортаннонебнымъ *а*, въ другихъ, какъ московскомъ, *сѣно* и *пѣно* съ такимъ-же *о*), въ гл. 23-ей объ измѣненіи ихъ въ сѣверныхъ говорахъ (о появленіи въ послѣднихъ звука *у* изъ *о* склон. къ *у* въ ударяемыхъ и неударяемыхъ слогахъ и другихъ явленіяхъ); въ нѣкоторыхъ *нео*вающихъ говорахъ указывается замѣчательное появленіе ударяемаго *а* вмѣсто неударяемаго *о* вслѣдствіе переноса ударенія (*на цѣ в а т ь*) (стр. 316).

Этимъ я заканчиваю свои замѣтки о богатомъ содержаніемъ вмѣстѣ съ красотой и оригинальностью объясненій трудѣ Шахматова. Какъ на пробѣлы, я бы могъ указать на то, что ничего не сказано о характерѣ *о*ванья малорусскаго и объ его отношеніи къ *о*ванью великорусскому, а также, что съ явленіями великорусскихъ говоровъ β не сопоставлены такіа явленія малорусскихъ говоровъ, какъ упомянутыя на стр. 106—107: *чѣвын*, *прывылы*, *срыбрѣ*, *ныбѣже*, а въ галицъ даже *сѣло* вмѣсто *сѣло*¹⁾. Для послѣднихъ фонетическихъ измѣненій нелишне было-бы указать и на болгарскіе говоры, гдѣ также обычно измѣненіе безударнаго *е* въ *и*, какъ и *о* безударнаго въ *у*; нѣтъ кажется, причина всѣхъ этихъ явленій—экспираторный характеръ ударенія въ говорахъ великорусскихъ, малорусскихъ и болгарскихъ; отсюда и понятно, почему въ малорусскихъ говорахъ, отличающихся не вполне экспираторнымъ характеромъ ударенія, а сохранившихъ, какъ кажется, нѣкоторую долю общерусской и общеславянской музыкальности, сближающей ихъ съ сербскими, указанное явленіе менѣе распространено, чѣмъ въ великорусскихъ. Если принять объясненіе Шахматова, что въ явленіяхъ великорусскихъ говоровъ β дѣйствовало вліяніе согласнаго на слѣдующій гласный, какъ и въ подобныхъ-же явленіяхъ говоровъ *а* въ слогѣ третьемъ передъ удареніемъ (*царярѣбъ*, *тжало* и т. п.²⁾, стр. 277), то не слѣдуетъ ли принять того-же и для нѣкоторыхъ малорусскихъ говоровъ и въ такомъ случаѣ отнести начало указанныхъ явленій въ очень древнюю эпоху, т. е. до измѣненія небныхъ *е* и *і* въ гортаннонебные звуки? Нѣтъ представляется, однако, сомнительнымъ, чтобы здѣсь звукъ *і*—*ы* развивался, благодаря настоящей или бывшей небности согласнаго; нѣтъ кажется гораздо вѣроятнѣе, что краткое *і*, какъ иррациональный звукъ, прежде всего развивалось изъ *е* вслѣдствіе его экспираторной слабости безъ всякаго участія небности³⁾ (а потому и могло быть то небнымъ *і*, то гортаннонебнымъ *ы*) подобно тому, какъ *у* изъ удар. *о* въ сѣверно-великорусскихъ и болгарскихъ говорахъ. Но пока еще воздержусь отъ провознесенія болѣе

¹⁾ Шахматовъ объясняетъ эти явленія, какъ остатокъ чередованія старыхъ *е* и *і*, измѣнившагося въ звукъ близкій къ *ы*, и *о*, замѣнившагося звукомъ *э*, затѣмъ сѣшавшихся между собою; въ такихъ случаяхъ, какъ *мыні* (дат. ед. ч.) вм. *мыи*, и теперь старая причина появленія *ы* осталась въ силѣ.

²⁾ Замѣчу, что въ такомъ положеніи является скорѣе (по крайней мѣрѣ нѣтъ прихотилось слышать) глухой звукъ *ь*, который есть крайняя степень ослабленія *е* въ слогѣ до ударенія; не путемъ ли протяженія этого *ь* объясняется лучше всего то *ы*, которое дѣйствительно слышится въ такомъ положеніи въ иныхъ говорахъ? Срв. Богородицъ, «Гласные безъ ударенія»...

³⁾ Небность обуславливала лишь измѣненіе *а* въ *е*, такъ какъ послѣ *не*небныхъ экспираторно-слабое *а* измѣнялось въ иррациональные звуки гортанные, губные и гортаннонебные, но не небные, явившіеся лишь послѣ-небныхъ согласныхъ.

рѣшительнаго приговора, такъ какъ обо всѣхъ этихъ явленіяхъ необходимо еще очень много подумать. Скажу только здѣсь кстати, что сочиненіе Шахматова, кромѣ своего громаднаго научнаго значенія въ смыслѣ освѣщенія многихъ темныхъ вопросовъ русской фонетики, является чрезвычайно важнымъ и потому, что наводитъ на новыя мысли, на новые вопросы, которые могутъ быть рѣшены и иначе, чѣмъ представляется автору, возбудившему ихъ въ головѣ читателя.

Прибавлю еще, что нѣкоторые изъ приводимыхъ авторомъ примѣровъ допускаютъ иное объясненіе. Сѣв.-великор. жалать, др.-рус. жалати я не считаю заимствовавшими свое «*я*», откуда *а*», изъ слова *жалѣти*, гдѣ *я* и затѣмъ *а* будто бы фонетически изъ *е* вѣ въ *ж* *е* *я* *ѣ* *т* *и* (стр. 63) по предполагаемому Шахматовымъ закону измѣненія *е* вѣ послѣ мягкихъ зв. передъ слогами съ *ь*, *и*, *о* въ *я* (какъ въ *жалѣзо*). Слово *жалѣть* «*lugere*» я отдѣляю отъ ц.-славянскаго *желѣти* *želati* (*ѣлѣти*) и произвожу непосредственно отъ существительнаго *жалъ*, въ которомъ *а* изъ *ѣ* послѣ шипящаго, и которое лишь по корню родственно съ *желѣти*; форма же жалати, какъ учащательный видъ, также показываетъ *жа* вм. *жѣ* и относится къ *желѣти* такъ, какъ напр. *прилѣгати* къ *прилежати*; правда, у Миклошича въ Lex. palaeoslov. мы не находимъ для формы *жалати* и цитатъ изъ древнихъ памятниковъ, а лишь изъ словаря Памвы Беринды, но существованіе примѣровъ этой формы уже въ русскихъ памятникахъ XIV в. ¹⁾ (Шахм. 63) достаточно говорить въ пользу ея древности, и вообще я считаю толкованіе ея, какъ формы учащательнаго вида, гораздо болѣе вѣроятнымъ и скорѣе склоненъ считать встрѣчающуюся нерѣдко въ старославянскихъ памятникахъ форму *желати* возникшей подъ вліяніемъ *желѣти* параллельно къ существовавшимъ вариантамъ *питѣти*—*питати*, *повѣдѣти*—*повѣдати* и т. п. безъ измѣненія кореннаго гласнаго. Что касается русскихъ формъ—*жалорусск. желати* (если оно не заимствованно изъ литературнаго языка), *великор. желать* (москов.), *жоланный* (вят.) (Ш. стр. 60—61), то онѣ основаны или на вариантахъ съ краткимъ кореннымъ гласнымъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, или на формахъ говоромъ *ѣ*, при чемъ для вятской формы *жо*—, кажется, возможно лишь первое, если не видѣть здѣсь измѣненія этимологическаго *а* въ *о*, наблюдаемаго въ нѣкоторыхъ окающихъ говорахъ.

Относительно формъ *клинѣнтъ*, *пянтикостѣя*, *сентямбрь* ²⁾ и т. п. я согласенъ съ проф. Соболевскимъ ³⁾, что *я* въ нихъ не принадлежитъ русскому языку и объясняется замѣной *ен* черезъ *я*, при чемъ послѣ *я* писался еще и носовой согласный (*н*, *м*); примѣровъ не мало въ старослов. памятникахъ (Соболевскій приводитъ изъ Супрасльск. рукописи).

Ссылка на древнерусское *мне* (род. ед.) уже въ Сборникѣ 1073 г. (Ш. стр., 216) я считаю рискованной въ виду того, что встрѣчаясь уже въ южнославянскихъ памятникахъ (нерѣдко въ Синайской псалтыри), эта форма могла быть занесена въ русскій списокъ изъ болгарскаго оригинала.

Что касается замѣчанія, что «легоньке, тольке въ сп. Домостроя XVI в. изд. Забѣлина слѣдуетъ читать *легонькѣ*, толькѣ, причеиъ *кѣ* вм. *ко*явленіе, характеризующее многіе сѣверно и южновеликор. говоры» (стр. 193), то въ виду приведенныхъ недавно А. В. Ветуховымъ изъ говоромъ Старобѣльскаго уѣзда Харьков-

¹⁾ Одинъ изъ нихъ найденъ въ Павсіевскомъ Сборникѣ XIV в. (см. «Поученія Серапіона Владимірскаго», издан. Е. В. Пѣтухова, стр. 14), не представляющемъ вообще фонетическаго измѣненія *е* въ *а* послѣ смягчен. согласныхъ; второй приводится Соболевскимъ изъ Типограф. псалтыри XIV в., имѣющей много примѣровъ «исковскаго» измѣненія *е* послѣ смягч. согласн. въ *а* (но б. ч. въ суффиксахъ или конечныхъ слогахъ). Востоковъ въ «Словарѣ ц. слав. языка» приводитъ ф. *жалати* изъ Пандект. Антиоха серб. сп. XV в. и Григор. Двоесл. болгар. XVI в.

²⁾ Шахматовъ, стр. 24.

³⁾ Ж. М. Н. Пр. 1894, апрѣль, 421—422.

ской губ. ¹⁾ южновеликорус. *кѡльке, тѡльке, малорус. тѣлке, стѣке, скѣке* его слѣдуетъ признать слишкомъ рѣшительнымъ. Въ виду этихъ же формъ можно сомнѣваться въ томъ, чтобы всякое только было вмѣсто древняго только, толика, а не возникло въ иныхъ говорахъ изъ *тольке*, которое въ другихъ давало *толькѣ* (сѣверн., *окающее*) или *толькя* (южное, *окающее*) (срв. у Шахм. стр. 274—275); это подтверждается и приведенными Шахматовымъ формами мѣстнаго пад., гдѣ въ однихъ говорахъ *ѣ* изъ *ѣ* измѣнилось въ *і*, въ другихъ является *я* изъ конечнаго открытаго *ѣ*: гдѣ является *і* въ мѣстн. пад., а также въ формахъ сравнит. степ. (у *домѣ* гомел., *домѣ* рязан., *болыши* гомельск., тульск.), тамъ *толькѣ* (трок., гомел.); гдѣ *домя*, тамъ *толькя* (курск., щигров., кадомск., тамбов.) (стр. 267, 274).

Въ заключеніе я хочу сказать нѣсколько словъ по поводу интересныхъ выводовъ, касающихся исторіи и распредѣленія русскихъ говоровъ, — выводовъ, сдѣланныхъ авторомъ какъ въ разсмотрѣнномъ сочиненіи, такъ и въ статьѣ, написанной, кажется, вскорѣ послѣ защиты авторомъ диссертациі и напечатанной въ № 3 «Рус. Филол. Вѣстн.» 1894 г. стр. 1—12 подъ заглавіемъ «Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій». Благодаря любезности автора, приславшаго мнѣ отдѣльный оттискъ этой статьи еще гораздо ранѣе полученія нашей бібліотекой указаннаго № «Р. Ф. В.», я могъ познакомиться съ нею еще въ іюлѣ. Въ статьѣ этой авторъ измѣнилъ свое мнѣніе объ образованіи и взаимномъ отношеніи русскихъ нарѣчій. Это касается именно отношенія бѣлорусской группы къ южновеликорусской. Въ диссертациі онъ вслѣдъ за А. А. Потемнею разсматриваетъ бѣлорусскую группу говоровъ не только, какъ часть восточнорусской, но ставитъ ее въ ближайшее родство именно съ группою южновеликорусской въ противоположность сѣверно-великорусской. Только историческія обстоятельства, сопровождавшія успленіе Москвы и собраніе вокругъ нея всѣхъ южно- и сѣверно-великорусскихъ племенъ ²⁾, а съ другой стороны собраніе бѣлорусскихъ племенъ ²⁾ въ союзъ литовско-русскомъ, разорвали старую связь южновеликорусской группы съ бѣлорусской и сблизили ее съ сѣвернорусской; это собраніе вокругъ Москвы тѣхъ восточнорусскихъ племенъ ²⁾, которыя не вошли въ группу литовскорусскую, и было началомъ образованія собственно великорусскаго нарѣчія, двѣ главныя части котораго раньше были между собою дальше, чѣмъ одна изъ нихъ (южная) къ бѣлорусскому. Такимъ образомъ, XIV-ый в. авторъ считаетъ началомъ великорусской и бѣлорусской обособленной жизни (стр. 253—254).

Иначе смотритъ на это авторъ въ статьѣ «Къ вопросу объ образ. рус. нар.». Здѣсь онъ уже въ древнѣйшую эпоху жизни русскаго языка дѣлитъ его не на двѣ, а на три главныя части, признавая, кромѣ юго-западной (галицко-волынской) и восточной, еще группу сѣверо-западную (около Полоцка). Кромѣ того, и восточная группа издревле дѣлилась на двѣ части: сѣверо-восточную (говоры новгородскіе и другіе) и юго-восточную (къ послѣдней относился и говоръ древне-кѣвскій). Къ явленіямъ, послужившимъ гранью между восточными говорами и западными, авторъ относитъ измѣненіе *оѣ* и *іѣ* въ *оѣ* и *ей* въ группѣ восточной. Когда послѣ татарскаго нашествія и разоренія Кіева, главная масса юговосточныхъ племенъ, ища безопасности, устремилась на сѣверъ, часть ихъ прикнула къ сильному сѣверо-восточному князеству, часть къ сѣверо-западному, а затѣмъ литовско-русскому союзу, часть осталась независимой въ Рязанскомъ княжествѣ. Эти обстоятельства имѣли важное значеніе. Благодаря присоединенію къ сѣверо-восточному князеству части юго-восточныхъ племенъ, центръ этого княжества былъ перенесенъ немного на югозападъ, а именно изъ Владимира въ Москву, вокругъ которой современемъ собрались всѣ восточнорусскія племена. Говоры этихъ юговосточныхъ племенъ,

¹⁾ «Говоры слободъ Бахмутовки и Новой Айдары Старобѣльскаго уѣзда Харьк. губ.» (оттискъ изъ «Р. Ф. В.» 1893 г.), стр. 2, 4, 8, 10; «Говоръ слободы Алексѣевки Старобѣльск. у. Харьк. губ.» («Р. Ф. В.» 1894 г., 306, 307, 308 стр.

²⁾ Во избѣжаніе недоразумѣній нелишне замѣтить, что слово «племя» употреблено авторомъ не въ смыслѣ антропологическомъ, а въ смыслѣ этнографическо-лингвистическомъ, т. е. о небольшой группѣ лицъ, говорящихъ близкими говорами.

присоединившихся къ сѣверному князству, подверглись вліянію сѣверному: вмѣсто *и* они стали произносить *г* (*з*), вм. мягкаго *тъ* въ 3 л. настоящ. врем. глаголовъ *т* твердое: вмѣсто *сѣло*, откуда въ другихъ юговосточныхъ говорахъ *сяло*, и *святѣй* въ говорахъ московскомъ вмѣстѣ съ сѣверными явились формы *се¹ло*, *све¹той*. Съ другой стороны западная часть юговосточныхъ племенъ¹⁾, соединившаяся съ сѣверо-западными, повліяла на языкъ племенъ сѣверо-западныхъ и передала ему нѣкоторыя черты своего говора (аканье, измѣненіе неударяемыхъ гласныхъ въ горганонозные п т. и.), и результатомъ этого вліянія болѣе сильныхъ будто-бы въ культурномъ отношеніи племенъ юго-восточныхъ, которымъ, по мнѣнію автора, принадлежала главная роль въ литовско-русскомъ княжествѣ, былообразованіе бѣлорускаго нарѣчія въ XIII—XV в. Это мнѣніе авторъ старается подтвердить тѣмъ, что сходство южновеликорусскихъ говоровъ съ бѣлорусскими касается какъ разъ именно области позднѣйшихъ фонетическихъ явленій, исконныя же черты той и другой группы различны (бѣлорус. *ый* и великорус. *ой*). Не берусь рѣшать, насколько дѣйствительно основательно предполагать одну общую нѣкогда группу бѣлорусско-южновеликорусскую въ противоположность сѣвернорусской; скажу только, что всякая группировка говоровъ страдаетъ натяжкой, такъ какъ принимаетъ за основаніе нѣсколько произвольно взятыхъ признаковъ, а между тѣмъ нѣтъ, кажется, говора, который бы не могъ быть по однимъ признакамъ причисленъ къ одной группѣ, а по другимъ къ другой; мы видимъ непрерывный рядъ говоровъ, постепенно переходящихъ одинъ въ другой: лишь тамъ, гдѣ были позднѣйшія переселенія, иногда замѣчается рѣзкая разница между двумя соседними говорами, какъ это наприм. наблюдается въ Харьковской и южныхъ частяхъ Курской и Воронежской губ., гдѣ сталкиваются представители малорусскихъ и южновеликорусскихъ говоровъ: тѣ и другіе, проживъ совершенно обособленно цѣлый рядъ вѣковъ, встрѣтились впервые, можетъ быть, лишь въ концѣ XVII-го вѣка или даже позднѣе; конечно, два или полтора вѣка, прожитыхъ ими вмѣстѣ, не остались безъ вліянія, и вотъ, какъ слѣдствіе взаимодѣйствія такихъ нѣкогда сильно разнившихся между собою говоровъ, является рядъ говоровъ смѣшанныхъ — явленіе обычное въ области всѣхъ словянскихъ (и разумѣется, и другихъ) языковъ: вспомнимъ говоры кайкавскіе, сѣверно-чакавскіе, сѣверно-македонскіе, западно-болгарскіе, восточно-словацкіе и друг. Но мнѣ представляется сомнительнымъ, чтобы аканье было заимствовано въ бѣлорусскомъ изъ южно-великорусскаго; правда, аканье проявляется раньше въ памятникахъ восточныхъ (XIV в.), чѣмъ въ западнорусскихъ (второй половины XV в.), но изъ этого еще нельзя, мнѣ кажется, выводить слѣдствіе о заимствованіи такой важной звуковой черты, органически связанной со всѣмъ строемъ бѣлорусской рѣчи; я скорѣе склоненъ предположить, что предки нынѣшнихъ бѣлорусскихъ говоровъ нѣкогда принадлежали къ различнымъ вѣтвямъ, и что такіе-же смѣшанные говоры, какіе появляются почти на нашихъ глазахъ въ Харьковской, Курской, Воронежской, а также и во многихъ другихъ губерніяхъ, гдѣ были переселенцы изъ разныхъ мѣстностей (напр. въ Тамбовской, Пензенской, южной части Нижегородской губ.), необходимо предположить и въ древнѣйшую эпоху жизни русскаго языка; при этомъ я замѣчу, что слово «смѣшанный» я употребляю не въ широкомъ смыслѣ, въ какомъ всякій говоръ есть смѣшанный, такъ какъ одинъ человѣкъ, обращаясь къ другому, уже оказываетъ вліяніе на его говоръ, а въ болѣе узкомъ, какъ результатъ скрещиванія говоровъ, уже раньше обособившихся одинъ отъ другого. сравн. прекрасныя замѣчанія о переходныхъ говорахъ Ягпча въ XIII т. «Archiv. f. sl. Phil.», стр. 396, и Облака *ibid* XVI, 44:).

Что касается говоровъ малорусскихъ, то въ обоихъ сочиненіяхъ авторъ относить ихъ предковъ далеко на западъ въ область галицко-волынскую, слѣдуя въ этомъ вопросѣ за проф. Соболенскимъ, предшественникомъ котораго былъ еще историкъ М. П. Погодинъ, развивавшій свою теорію о великорусскомъ элементѣ въ древнейшій Кіевъ и о позднѣйшемъ

¹⁾ Населявшая нынѣшнія губерніи Черниговскую, часть Курской, Орловскую, Калужскую и часть Тульской.

переселенія малорусовъ съ запада послѣ тагарскаго разоренія въ извѣстномъ спорѣ съ Максимовичемъ. Разница между старымъ мнѣніемъ Погодина и затѣмъ П. А. Лавровскаго въ его статьѣ о малорусскомъ нарѣчій въ Ж. М. Н. Пр. 1859 г. съ одной стороны и новымъ А. И. Соболевскаго и А. А. Шахматова съ другой заключается въ томъ, что первые отодвигали предковъ малорусовъ въ Карпаты, вторые-же присоединили къ Карпатамъ и Галиціи Волынь. По мнѣнію Шахматова, нынѣшнее украинское нарѣчіе восходитъ именно къ древнему волынскому, нынѣшнее галицкое къ древнему галицкому нарѣчію, причѣмъ особую группу представляютъ говоры сѣверно-малорусскіе, принадлежащіе областямъ, не входившимъ въ первоначальное галицко-волынское княжество и сосѣднимъ съ мѣстностями, входившими въ сѣверо-западный союзъ (Р. Ф. В. 1894, № 3, стр. 11—12). Кромя того, мнѣніе Соболевскаго и Шахматова основывается на болѣе подробномъ и внимательномъ изученіи большаго числа памятниковъ, чѣмъ это было у Лавровскаго. Къ сожалѣнію, однако, оно основано главнымъ образомъ на отрицательныхъ данныхъ памятниковъ кievскихъ, т. е. на основаніи отсутствія чертъ, характерныхъ для малорусскаго нарѣчія, уже въ обилии являющихся въ «галицко-волынскихъ» памятникахъ XII-го вѣка. Шахматовъ, повидимому, считаетъ мнѣніе Соболевскаго вполне доказаннымъ, такъ какъ высказываетъ его, не приводя съ своей стороны никакихъ новыхъ соображеній, и, къ сожалѣнію, совершенно не обращаетъ вниманія на тѣ возраженія, которыя сдѣланы И. В. Ягичемъ въ его «Четырехъ критико-палеографич. статьяхъ» (Спб. 1884), стр. 98—102 (стат. 3-я), и «Критическихъ замѣткахъ по исторіи русскаго яз.» (Спб. 1889), стр. 11—17, гдѣ между прочимъ на основаніи давнихъ такихъ памятниковъ, какъ Изборникъ Святослава 1073 г., Сборникъ Успенскаго Собора, сборникъ Вяземскаго (житіе св. Савы) и нѣкоторыхъ другихъ, которые не могутъ быть помѣщены въ группу «галицко-волынскую», а тѣмъ болѣе далеки отъ типа новгородскаго, предполагается «типъ кievскій», отражавшій «южнорусскій восточный говоръ, соприкасавшійся кое въ чемъ уже съ центральнымъ великорусскимъ, къ которому здѣсь находился естественный переходъ» (стр. 13); только для того времени, я думаю, вмѣсто выраженія «великорусскій» лучше употребить «восточнорусскій».

Борисъ Ляпуновъ.

Харьковъ, 1 ноября 1894 г.

*) Прибавлю: пользуется почегнымъ признаніемъ и у лингвистовъ европейскихъ, хотя имъ извѣстна лишь весьма малая часть его положеній и изслѣдованій, такъ какъ большая ихъ часть заключается въ неизданныхъ еще курсахъ, извѣстныхъ лишь черезъ его слушателей и отчасти изъ замѣчательныхъ трудовъ его даровитыхъ учениковъ—проф. Ульянова, ак. Шахматова... См. Bechtel, Fritz Die Hauptprobleme d. indogerm. Lautlehre seit Schleicher. Göllingen. 1892. Sp. 6, 225 ff., 382 ff.

Ред

G. Krek. Zur geschichte russischer hochzeitsbräuche. Graz. 1893 (Sonderabdruck aus Analecta Graeciensia. Festschrift zum 42 philologentage in Wien, 1893).

Передъ нами небольшая, но затрогивающая дѣльный рядъ интересныхъ вопросовъ брошюра извѣстнаго слависта. Крекъ обратилъ вниманіе на значительное количество свадебныхъ обрядовъ, сохранившихся отъ древнихъ временъ вообще у Славянъ и въ особенности у Русскихъ. Онъ останавливается на извѣстномъ мѣстѣ Несторовой лѣтописи, гдѣ лѣтописецъ дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній о нравахъ русскіихъ славянскихъ племенъ и между прочимъ о заключеніи ими браковъ. Обратившись для сопоставленій

въ хроникѣ Козьмы Пражскаго и къ сочиненіямъ византійскихъ писателей, Крекъ разсматриваетъ и объясняетъ разные способы заключенія браковъ, у отдѣльныхъ племенъ древней Руси. Въ обычѣ Древлянъ («и брака у нихъ не бываше, но умываху у воды дѣвица») онъ видитъ умыванье, воспоминанье о которомъ сохраняется въ русскихъ словахъ: умывча, убѣгъ, уводъ, увозъ, въ сербскомъ отица. Особо Крекъ выдѣляетъ обычай Радимичей, Вятичей и Сѣверянъ («браци не бываху въ нихъ, но игрища межю села, схожахуса на игрища, на плясанье и на вся бѣсовская игрища, и ту умываху жены собѣ, с нею-же кто свѣщашесе»), у которыхъ не было, собственно говоря, насильственного увода невѣсты. Обычай-же похищать невѣсту съ ея согласія можетъ указывать, по мнѣнію Крека, на существованіе купли невѣсты: похищеніе съ согласія похищаемой дѣлалось для того, чтобы избѣжать платы за невѣсту. Въ объясненіи обычая Полянъ («не хожаше зять по невѣсту, но привожаху вечеръ, а заутре приношаху по ней что владуче») Крекъ расходится съ существующимъ взглядомъ историковъ, что въ словахъ «приношаху по ней что» надо видѣть вѣно, выплачиваемое женихомъ за невѣсту. Крекъ думаетъ, что лѣтописецъ, если-бы имѣлъ въ виду этотъ выкупъ, употребилъ-бы знакомое ему и встрѣчающееся у него слово «вѣно». Здѣсь-же вышеуказанными словами обозначается приданое за невѣстой. То обстоятельство, что лѣтописецъ, говоря о брачныхъ обычаяхъ Полянъ, не употребилъ слово «вѣно» позволяетъ заключать, что у нихъ браки заключались не куплею, а договоромъ ¹⁾.

Далѣе Крекъ, разсматривая мнѣніе Фика, Бругмана и Прусика о происхожденіи словъ: «вѣно» и «невѣста», указываетъ, что грамматически невозможно слово невѣста производить отъ глагола вести, такъ что слово невѣста, восходя къ *nevovĕdta*, значило-бы «вновь приведенная въ домъ» («*die neu heimgefū hrtē*», «*die neu vermāhlte*»). Самъ Крекъ присоединяется къ мнѣнію Миклошича, что слово невѣста происходитъ отъ глагола вѣдѣти и значить «неизвѣстная» («*die unbekanntē*»). Но тутъ-же Крекъ оговаривается, что по существу дѣла больше подходитъ другое значеніе этого слова. Слово невѣста—общеславянское, и изъ его значенія Крекъ заключаетъ, что Славяне еще въ эпоху ихъ общеславянской жизни перестали уже заключать браки путемъ похищенія.

На послѣднихъ страницахъ своей брошюры Крекъ касается одного вопроса, до сихъ поръ обходимаго, именно вопроса о выборѣ невѣсты (*Brautwahl*) и даже, собственно говоря, одного вида этого выбора. Густавъ Клеммъ въ своей *Allgemeine Culturgeschichte der Menschheit* говоритъ со словъ Блазиуса ²⁾ слѣдующее: Въ Россіи, именно на сѣверѣ, есть обычай, что ежегодно въ извѣстное время молодые мужчины и дѣвушки, желающіе вступить въ бракъ, собираются въ опредѣленное мѣсто на своего рода смотрины. И такъ, каждый годъ толпа дѣвушекъ, желающихъ выйти замужъ, на лодкахъ, челнокахъ и паромахъ собираются съ Юга и Суховы въ Устюгъ. Онѣ имѣютъ при себѣ свое приданое и вѣстѣ съ нимъ располагаются рядами на площади. Тутъ-же находятся мужчины, ищущіе невѣсты, и выбираютъ изъ неизвѣстныхъ имъ дѣвушекъ будущую сожизнницу, смотря по ея наружности и ея имуществу.

Нѣчто подобное сообщаетъ объ угорскихъ малоруссахъ Воѣна Нѣпсова ³⁾. Она говоритъ о базарѣ дѣвушекъ, на который въ прошломъ столѣтіи сходились невѣсты. Такъ дважды въ годъ желающіе вступить въ бракъ мужчины, дѣвушки и

¹⁾ Соловьевъ. *Исторія Россіи*. Изданіе товарищества «Общественная Польза». Книга I, стр. 65.—Прим. Ред. Такое объясненіе почти за полъ вѣка было уже представлено В. Шульгинимъ въ его замѣчательномъ трудѣ «О состояніи женщинъ въ Россіи до П. В. Истор. изслѣд. В. Ш. Вып. I. Кіевъ. 1850. Стр. 17—18.

²⁾ Брауншвейгскій профессоръ Блазиусъ въ 1840 и 1841 гг. совершилъ путешествіе по Россіи. Описаніе своего путешествія («*Reise d. d. europäische Russland*») издалъ онъ въ 1844 г., въ двухъ томахъ.

³⁾ *Časopis českého musea* XXXIII, 101, v Praze 1859.

вдовы собирались со своими родственниками въ Красный Бродъ, вблизи Базиліанскаго монастыря. Иногда мужчина зналъ впередъ, кого онъ выберетъ, также какъ и дѣвушка иногда знала, кто за нее посватается; но были многіе, которые видѣлись здѣсь впервые. Обыкновенно мужчина подходилъ къ понравившейся ему дѣвушкѣ, протатывая ей руку. Если она ударила его по рукѣ, онъ вступалъ съ ея родственниками въ переговоры, послѣ чего тотчасъ - же слѣдовало вѣнчаніе въ монастырской церкви. Иногда дѣло доходило до ссоръ, если мужчина не нравился дѣвушкѣ, а ея родственники были на ея сторонѣ. Если-же посватавшійся былъ богатъ, то обыкновенно родственники дѣвушки принуждали ее насильно выйти замужъ. Бывало и такъ, что молодые люди желали вступить въ бракъ, но этому противились родственники, и иногда дѣло кончалось увозомъ невесты.

Далѣе Крекъ приводитъ два мѣста изъ сочиненій Геродота и Помпонія Мелы, показывающихъ, что подобный выборъ невестъ существовалъ у Вавилонянъ, Италійскихъ Венетовъ и Фракійцевъ.

Этотъ выборъ невесты изъ ряда дѣвушекъ Крекъ сближаетъ съ подобнымъ-же обычаемъ выбирать супругу великому князю, появившемуся при Московскомъ дворѣ съ начала XVI в., именно съ 1505 года, когда Василій III выбралъ изъ 1500 боярскихъ дочерей себѣ въ супруги Соломонію Сабурову. Герберштейнъ, у котораго мы находимъ указаніе на это событіе, введеніе подобнаго обычая приписываетъ близкому къ великому князю боярину Георгію Трахоніоту, родомъ Греку, который надѣялся, что такимъ образомъ его дочь сдѣлается московской великой княгиней. Но Крекъ ищетъ болѣе глубокаго основанія для такого обычая. Пока Русь была раздѣлена на удѣльныя княжества, выборъ великокняжеской невесты не представлялся затруднительнымъ. Но въ XVI в. удѣловъ уже не было, равно какъ не существовали единовѣрныя съ Россією царства византійское, сербское и болгарское. О перемѣнѣ вѣры какой-либо иностранной принцессой не могло быть и рѣчи, настолько въ это время обострились несогласія между восточной и западной церквами. Кромѣ того надѣялись охранить себя отъ иноземнаго вліянія, а также избѣжать придворныхъ интригъ, если государь будетъ выбирать себѣ супругу изъ дѣвушекъ своей страны. Но эта послѣдняя надежда не сбылась, и родственники избранной дѣвушки захватывали въ свои руки вліяніе и нерѣдко интриговали.

Н. Тупиковъ.

ОТДѢЛЪ IV.

Вопросы и отвѣты.

1. Откуда происходит лит. слово дайна (daina). Желательно получить свѣдѣнія:
 - a) О живомъ употребленіи этого слова въ лит. и латышск. языкахъ.
 - b) Объясненіе кельто-ирск. соотв. daena и румынскаго doina и т. д.
 - c) Сравнительное описаніе другихъ терминовъ пѣнія нар. пѣсень у Литовцевъ gėsmė, лат. dziesma, Довконт. aida arba auda, aīdowobi, audawobi и т. п.
2. Сравнительное изученіе латышскаго и литовскаго ударенія и установленіе научной, не сбивчивой терминологіи въ обозначеніи количественнаго ударенія («geschliffen» у Куршата не тождественно съ латышскимъ протянутымъ «gedehnten Ton»; равно какъ и употребляемый терминъ «gestossen»)? Срв. стр. 550 статьи Лескина «Untersuchungen über die Anartität u. Betonung in den slav. Sprachen. Leipzig. 1893.
3. Въ какихъ говорахъ Жмуди и вост. Литвы встрѣчаются данныя, относительно мѣста ударенія и произношенія на конечныхъ гласныхъ, которые представляли бы переходную ступень между лит. и латыш. произношеніями этимологически тождественныхъ словъ?
4. Географическая номенклатура общамъ Литовцамъ и Латышамъ, въ особенности относительно словъ—гола, гала; кайма—кѣмас; сола—сала и др.
5. Какіе есть остатки древняго носоваго произношенія гласныхъ въ Жмудскихъ говорахъ (срв. этудь Казим. Яуниса о Росс. говорѣ и данными, извлеченными изъ литов. старопечатныхъ книгъ, въ особенности изъ соч. И. Даукши 16 вѣка).
6. Какія данныя языка и лат.-лит. фольклора существуютъ для разъясненія географіи и исторіи распространенія культурныхъ растений (хмѣля etc.) и животныхъ?
7. Какая связь между названіями василька и vugin gele (Kornblume) съ культурою ржи и т. д.?
8. Въ какихъ пѣсняхъ, сказаніяхъ и легендахъ замѣтно христіанское наслоеніе (собирать свѣдѣнія о шпильманахъ, культѣ Маріи, разныхъ святыхъ, духовныхъ стихахъ, Ивановыхъ братьяхъ «Johannisbrüder»)?
9. Что этимологически обозначаетъ Voketys, латышск. Waccets и отъ какою герм. племени заимствовано названіе для Нѣмцевъ вообще?
10. Что означаетъ «tupo, dupo balnelis» литов. нар. пѣсень въ связи съ жмудскимъ tupa s, tupa i или ср. нѣм. timit, dimit двухнитаяя полковая матерія?

11. Какія данныя лингвистическія и фольклористическія существуютъ въ латыш., литов. и финскомъ относительно древняго обычая жертвоприношенія въ нар. обычаяхъ, заклинаніяхъ и т. под. (Срв. латыш. zeeds=жертва и цвѣтокъ)?
12. Какія русскія и славянскія слова заимствованы изъ литовскаго или латышскаго? (Срв. стр. 121, 111 у Dr-a Joos J. Mikkola «Berührungen zwischen den Westfinnischen und Slavischen Sprachen. Helsingfors 1894». Mémoires de la Soc. Finno-Ougrienne VIII).
13. Какія басни Крылова переведены на литовскій и латышскій языки? (представить литературно-библиографическій обзоръ).

Ф. Вольтеръ.

ОТДѢЛЪ V.

С м ѣ с ѣ.

Легенда о предсказаніи преподобнаго Геннадія.

Извѣстно, что населеніе, какъ самаго города Любима (Ярослав. губ.), такъ и его уѣзда, промышленяетъ средства къ существованію не дома, а на отхожихъ промыслахъ. Крестьяне Любимскаго уѣзда почти, за самымъ малымъ исключеніемъ, не занимаются земледѣліемъ, а если оно и ведется, то весьма не въ значительныхъ размѣрахъ и при томъ не самими владѣльцами земли, а наемными рабочими, преимущественно крестьянами Архангельской губ., которые и обрабатываютъ поле вмѣстѣ съ женщинами, женами и дочерьми владѣльцевъ земли. Мужчины-же—хозлева домовъ и подростки всѣ уходятъ на заработки преимущественно въ Петербургъ и Москву, гдѣ промышленяютъ трактирнымъ дѣломъ. Главная причина такого сильнаго развитія отхожихъ промысловъ въ Любимскомъ уѣздѣ—«малоземелица» и дурное качество земли. Но не такъ объясняетъ причину отхожихъ промысловъ народъ. Народъ смотритъ на любимцевъ, какъ на людей прежде всего «корыстныхъ» и рассказываетъ, по поводу этого интересное преданіе: Преподобный Геннадій, возвращаясь откуда-то въ свою обитель ¹⁾, подошелъ къ берегу рѣки Обнѣры и просилъ перевозчиковъ переправить его на другую сторону рѣки. Перевозчики потребовали съ преподобнаго Геннадія впередъ деньги за перевозъ, а такъ-какъ денегъ у Преподобнаго не оказалось, то перевозчики отказались переправить его, и преподобному вмѣсто денегъ пришлось отдать свои рукавички. Переѣхавъ на другую сторону, преподобный вознегодовалъ на Любимцевъ за корысть и осудилъ ихъ: «Мыкаются вамъ по бѣлу свѣту, какъ евреямъ и быть несатымъ-неголоднымъ». Пророчество это, говоритъ народъ, до сихъ поръ тяготѣетъ надъ Любимцами:—«мыкаются они по бѣлу свѣту», и добавляетъ рассказъ о пророчествѣ еще другимъ насмѣшливымъ рассказомъ: Идетъ Любимецъ по Питеру въ шляпѣ «баринской», а подъ мышкой несетъ пѣтуха. На встрѣчу ему попадаетъ знакомый и спрашиваетъ Любимца, куда онъ идетъ?—Въ трактиръ чайку попить.—А пѣтухъ зачѣмъ? За чашекъ-съ заплатить.

Н. А. Тихомировъ.

¹⁾ Монастырь Преподобнаго Геннадія существуетъ и нынѣ.

Особая форма нищенства.

Намъ пришлось наблюдать въ Вельскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи, очень интересный фактъ въ жизни крестьянъ Архангельской губерніи — это собраніе милостыни на свадьбу.

Нищенствомъ на свадьбу занимаются крестьяне Шенкурскаго уѣзда, Архангельской губерніи, преимущественно двухъ волостей этого уѣзда—Сулонской и Успендинской. Надо замѣтить, что, какъ намъ передавали крестьяне Вельцы, экономическое благосостояніе крестьянъ этихъ двухъ обширныхъ волостей, сравнительно, очень удовлетворительное. «А такъ ужъ по обычаю собираютъ»—пояснили Вельцы.

Преимущественно во время Филипповскаго и Великаго постовъ, крестьяне упомянутыхъ волостей, цѣлыми партіями на лошадяхъ являются въ Вельскій уѣздъ и разсѣваются въ разныхъ направленіяхъ по селамъ и деревнямъ этого уѣзда и, переѣзжая изъ одной деревни въ другую, собираютъ милостыню. «Сѣнца на прокормленіе лошадки, а намъ хлѣбца» — выкрикиваютъ сборщики подъ окнами домовъ. Партіи нищенствующихъ крестьянъ, обыкновенно, состоятъ изъ отцовъ и дочерей — невѣсты или сыновей—жениховъ. Несмотря на то, что вельскіе крестьяне вообще нескуны на подаваніе, архангелъцы, при выпрашиваніи милостыни, пускаются и на хитрости; они съ большимъ успѣхомъ эксплуатируютъ слабость вельцевъ къ сказкамъ. Какъ только архангелъецъ останавливается въ деревнѣ на ночлегъ, сей-часъ-же начинаетъ рассказывать хозяевамъ дома «заманчивыя сказки», вѣсть объ этомъ быстро разиосится слушателями и особенно слушательницами. Сказки слушаются съ захватывающимъ интересомъ, и рассказчику щедро сыплются даванія и «сѣнцомъ и хлѣбцемъ». Собранный хлѣбъ тутъ-же на мѣстахъ собранія сушится въ сухари, а затѣмъ, какъ хлѣбъ, такъ и сѣно продаются, а вырученные деньги, достигающія иногда солидной цифры, специально предназначаются на приданое дочери, или на расходы при женитьбѣ сына. Такимъ образомъ архангелъецъ, справляя свадьбу дочери или сына, сохраняетъ свой хлѣбъ и не производитъ затратъ на свадьбу изъ своихъ средствъ.

Н. А. Тихоміровъ.

Письмо П. В. Шейна къ Редактору Ж. Ст.

Только на дняхъ мнѣ удалось прочесть во II выпускѣ «Живой Старины» за истекшій годъ любопытнѣйшее сообщеніе г. Н. Чехова о найденномъ имъ полномъ спискѣ рукописи сборника пѣсенъ Кириши Данилова, считавшемся доселѣ безслѣдно утеряннымъ для науки. Это извѣстіе безъ сомнѣнія обрадуетъ всѣхъ любителей и изслѣдователей нашей народной словесности; меня же оно болѣе всего заинтересовало тѣмъ, что въ отысканной рукописи находятся цѣликомъ и тѣ 9 стихотвореній, которые во 2-мъ изданіи (1818 г.) названнаго знаменитаго сборника ученый его редакторъ К. Калайдовичъ, счелъ нужнымъ исключить огуломъ, какъ неприличныя, позволивъ себѣ только привести въ выноскѣ по одному лишь стиху изъ каждаго изъ нихъ. Въ числѣ этихъ-то забракованныхъ стихотвореній одно начинается стихомъ: «Изъ монастыря Боголюбова старецъ Игряинице» (стр. XXIX) есть, по всей вѣроятности не что иное, какъ близкій вариантъ сатирической пѣсни, копію съ которой я въ 1860 году получилъ въ подарокъ отъ незабвеннаго для русской литературы А. Н. Аванасьева. По моей программѣ, пѣсня эта должна была занять подобающее ей мѣсто въ отдѣлѣ пѣсенъ чернеческихъ моего обширнаго великорусскаго сборника, осужденнаго по милости обстоятельствъ, далеко не отъ меня зависящихъ, на

безплодное для науки пребываніе подь спудомъ въ моемъ архивѣ Богъ вѣсть до какой поры. Но въ виду возможности скорого появленія въ печати новаго, болѣе полнаго и точнаго изданія сборника Кирши, куда на этотъ разъ войдетъ вѣроятно и означенная выше черне-ческая пѣсня, я считаю своимъ долгомъ, въ интересахъ науки, безотлагательно предста-вить на Вашъ просвѣщенный судъ любопытный Аванасьевскій вариантъ (а можетъ и ори-гиналь?) названной пѣсни, съ тѣмъ, что если найдете его заслуживающимъ вниманія чи-тателей Вашего уважаемаго журнала, то соблаговолите напечатать въ одной изъ бли-жайшихъ его книжекъ.—Вотъ этотъ вариантъ:

Изъ монастыря Боголюбова
Шли старцы станицами,
Станицами, вереницами.
Напередъ идетъ Демидь чернецъ,
Демидь чернецъ, сынъ Захарьевичъ.
Онъ на гору идетъ—слотыкается,
А подь гору колесомъ катится.
Онъ подходитъ ко двору, ко боярскому,
Онъ проситъ милостыню.
Увидала княжна-боярыня
Изъ високова изъ терема,—
Высылала она милостыню
Съ душой красной дѣвницей.
Демидь-чернецъ беретъ не милостыню,
А беретъ онъ красную дѣвицу,
Онъ сажаетъ ее въ сумочку,

Онъ кладетъ ее за корточки,
Онъ несетъ ее въ свой монастырь.
Повстрѣчались Демиду чернецу
Ребята Десятильниковы:
«Что, Демидь, въ твоей сумочкѣ?»
Демидь чернецъ сказываетъ:
«У меня капуста бѣленькая,
«Да свеколка красенькая,
«Да рѣдечка горьконькая!»
Они ему не повѣрили:
Побѣжали во кузницу,
Разжигали шилья вострыя,
Стали въ сумочку тыкать,
А въ сумочкѣ стало пикать,—
Изъ бѣлой капусты
Разсолъ потекъ.

Изъ рукописи. сборника XVIII вѣка. Сообщ. А. Н. Аванасьевымъ.

Едвали можно предполагать, чтобы въ Киршевскомъ вариантѣ («написанномъ въ насмѣшливомъ тонѣ») о старцѣ Игримицѣ того же Боголюбовскаго монастыря за-ключалась болѣе сильная насмѣшка надъ цѣломудріемъ чернецовъ, чѣмъ въ добро-душномъ, безобидномъ, только что приведенномъ, нашемъ спискѣ, и для насъ остается совершенной загадкой: что могло побудить Калайдовича выбросить и эту піесу изъ своего изданія «Древнихъ російскихъ стихотвореній»? Что не цензура была тому при-чиной,—это, кажется, достаточно ясно изъ того, что она въ этомъ же очищенномъ изданіи, въ піесѣ подь № LIV (стр. 987) пропустила вотъ какіе стихи:

Было беззаконство великое:
Старицы по кельямъ—родильницы,
Черницы по дорогамъ—разбойницы и т. д.

Затѣмъ знаемъ, что года за три до появленія въ свѣтъ этого изданія (т. е. въ 1815 г.) въ сборникѣ Прача тою же цензурой пропущены такіа пѣсни о чернецахъ и черницахъ, какъ напр.:

Во городѣ было во Казани
Молодой чернецъ постригся
и: За святыми воротами черничка гуляла и т. д.

Отсюда ясно, что «стихотвореніе» о старцѣ Игримицѣ выпущено Калай-довичемъ подь давленіемъ другой авторитетной силы, волѣдствие соображеній, совер-шенно чуждыхъ интересамъ науки.

П. Шейнъ.

Кривулэ у Латышей.

Сдѣланный мнѣ проф. Мѣржинскимъ запросъ, относительно существованія или несуществованія Кривулэ у Латышей, понудилъ меня навести объ этомъ справки, которыми вполне удостовѣряется существованіе Кривулэ у Латышей въ былое, могу даже сказать въ весьма недавнее время.

Вотъ что пишетъ по этому поводу Анлизе Лапскалнѣ, уроженка Нурмуйжской волости, Тальсенскаго уѣзда, Курляндской губерніи, въ письмѣ отъ 9-го февраля 1894 г.: «Я еще помню, что лѣтъ 40 тому назадъ, была такая палка (pūja, spiekis); ее всѣ знали въ волости; одинъ владѣлецъ усадьбы (saimnieks) посылалъ ее другому; въ кому эту палку приносили, тотъ долженъ былъ въ слѣдующее воскресенье послать одного человѣка на мызу; ему тамъ давали ту или другую работу».

Послѣ этого, мнѣ кажется, существованіе Кривулэ у Латышей не подлежитъ никакому сомнѣнію, хотя названіе это уже нигдѣ болѣе не извѣстно, а поминать такую палку только подъ общими названіями «pūja» или «spiekis». Но это ничуть не измѣняетъ характера и значенія этой «pūja», которая вполне соответствуетъ Литовской «lazda», употребляемой до сего времени въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Литвы.

Относительно этимологій «Лазды» позволяю себѣ, въ опроверженіе разныхъ невозможныхъ толкованій, замѣтить, что это слово по моему происходитъ просто отъ латышско-литовскаго слова «lazda» — орѣшникъ.

Сохранилась-ли еще гдѣ нибудь упомянутая «pūja», въ наши дни, мнѣ пока неизвѣстно. Насколько я знаю, то для извѣщенія членовъ волости теперь содержатъ такъ называемаго «казака» (kāzāks), исправляющаго одновременно должность почтальона.

Прежде, когда волостнымъ судомъ кому нибудь бывали присуждаемы розги, то исполнителемъ правосудія опять являлся «казакъ».

Вознаграждался онъ, по сообщенію Анлизе Лапскалнѣ, такъ: мыза давала ему квартиру волость — жалованье; а тотъ, кого онъ поролъ (kas pēģenu dabuja), долженъ былъ отблагодарить его за трудъ нѣсколькими копѣйками.

Г. Виссендорфъ

Протоколъ 1-го заоѣданія Латышско-Литовской комиссіи (25 ноября 1894 года).

Въ пятницу, 25 ноября 1894 года, состоялось первое въ этомъ году собраніе Литовско-Латышской комиссіи, подъ предѣлательствомъ проф. В. И. Ламанскаго и въ присутствіи членовъ ея: А. И. Соболевскаго, О. М. Истомина, Г. Г. Гинкена, С. І. Балтрамайтиса, кн. П. А. Путятина, Э. А. Вольтера, А. Л. Погодина и гостей.

На этомъ собраніи проф. А. И. Соболевскій сдѣлалъ сообщеніе о ирусскихъ поселеніяхъ въ Россіи и въ предѣлахъ бывшаго Царства Польскаго. Переселенія Пруссовъ, вызванныя покореніемъ ихъ земли Тевтонскимъ орденомъ, происходили въ XIII вѣкѣ и были, повидному, многочисленны. О нихъ упоминаетъ лѣтопись (Ипатьев. списокъ) подъ 1276 г. На территоріи бывшаго Польскаго королевства 22 поселенія носятъ названіе Пруссы; поселенія съ тѣмъ же названіемъ имѣются и въ губерніяхъ Великорусскихъ (Москов. губ. — 1, Орлов. — 1, въ Петерб. губ. послѣднее звучитъ Пруссы съ древнимъ окончаніемъ). Затѣмъ есть поселенія Пруссы въ Галиціи и Пруска (весь) въ Грод-

невской губ. Переселившіеся знатные прусскіе роды вступили на службу русскихъ князей (см. лѣтопись по Ипатскому списку, стр. 584) и сдѣлались родоначальниками боярскихъ родовъ: старорусскія генеалогіи этихъ послѣднихъ говорятъ объ ихъ происхожденіи «отъ Прусь».

По поводу доклада проф. А. И. Соболевскаго, чл.-сотр. А. И. Лященко высказалъ предположеніе, что генеалогія «отъ Прусь» могла вызываться не дѣйствительнымъ происхожденіемъ, но просто господствовавшей модой; А. И. Соболевскій призналъ это предположеніе маловѣроятнымъ.

Послѣ вышеупомянутаго доклада Г. Г. Гинкенъ сообщилъ о рукописномъ сборникѣ Бурбы, принадлежащемъ Географическому обществу. Докладчикъ остановился, главнымъ образомъ, на лингвистической сторонѣ записей и указалъ, что эта запись иногда не лишена противорѣчій. Сборникъ, въ виду интереса, представляемаго тщательной записью мелодій пѣсенъ, рѣшено напечатать въ органѣ этнографическаго отдѣленія, журналѣ «Живая Старина».

Э. А. Вольтеръ выразилъ желаніе, сочувственно принятое всѣми членами комиссіи, чтобы комиссія участвовала своими трудами въ предстоящемъ Археологическомъ съѣздѣ 1896 года.

Въ заключеніе, А. И. Соболевскій обратился къ членамъ комиссіи съ вопросомъ— нельзя ли какъ-нибудь изъ мѣстныхъ именъ объяснить лѣтописныя географическія на, званія Сѣтьгола и Лотыгола. Этотъ вопросъ остался открытымъ. Затѣмъ г. Вольтеръ сообщилъ, что, на основаніи найденной имъ записки Довконта, не можетъ быть сомнѣній въ томъ, что пѣсню о Вирутѣ написалъ не Пошка, а Валюнасъ (ср. Ваграс. 1894. № 8, стр. 124). Въ заключеніе имъ же и кн. Путятинимъ были сдѣланы сообщенія о нѣсколькихъ новыхъ книгахъ.

Протоколъ 2-го засѣданія Литовско-Латышской комиссіи (12 декабря 1894 года).

Комиссія, подъ предсѣдательствомъ проф. В. И. Ламанскаго и въ присутствіи членовъ ея: г.г. Истомина, Вольтера, Гинкена, Пельца, Балтрамайтиса, Махвичъ-Мацкевича, Шмидта, Бражджониса, Повплькиса, Машулайтиса и Погодина, собравшись 12 декабря 1894 года, занималась слѣдующими предметами:

1) П. П. Шмидтъ сообщилъ о сочиненіяхъ «отца латышской письменности», Георгія Манцелія. Очертивши его жизнь, референтъ перешелъ къ подробному перечисленію орфографическихъ правилъ и важныхъ для исторіи латышскаго языка особенностей стила Манцелія: онъ указалъ на окончаніе *i* въ Dat. Sing. женскихъ основъ на-*a*, на сохраненіе окончанія *i* въ формахъ какъ *zīvis*, *avis* и т. д., на окончаніе *o* въ Gen. Pl. и *ms* въ Dat. Plur., на приставку *ŗ* для обозначенія пространства; въ формахъ спряженія Манцеліи представляетъ также не мало интереснаго: такъ, онъ сохранилъ еще для нѣкоторыхъ глаголовъ (напр. *atbilda*, *glūna*, *dzēda*, *skale* и др.), окончаніе 3 л. ед. числа настоящаго времени и имѣть для 2 л. множ. числа настоящаго и будущаго времени окончанія: *aīta*, *ēta*, *āt*, и т. д. Далѣе Манцелій употребляетъ уже вымершую теперь форму герундивнаго причастія на *tius*, *tīna* и полныя окончанія причастій на *ams*, *ama*. Отмѣтивши еще нѣсколько особенностей языка Манцелія (въ предлогахъ, вопросительной частицѣ—*gi* и *g* и т. п.), референтъ привелъ цѣлый рядъ словъ, почему-либо обращающихъ на себя особое вниманіе въ сочиненіяхъ Манцелія.

2) Г. Балтрамайтыс сдѣлалъ сообщеніе о выходящихъ въ 1894 году литовскихъ періодическихъ изданіяхъ: въ настоящее время ихъ издается 20 названій, частью въ Пруссіи, частью въ Америкѣ. Какъ образчикъ этнографическихъ статей въ литовскихъ органахъ, референтъ прочелъ корреспонденцію г. Жалтиса о Литовцахъ Лидскаго уѣзда Виленской губерніи.

3) Ш. А. Вольтеръ сообщилъ о десятилѣтнемъ юбилей литовской газеты *Vaivas* и перечислилъ главныя статьи этого органа за истекшее десятилѣтіе. Далѣе онъ прочелъ списокъ главныхъ литовскихъ книгъ, вышедшихъ въ 1893 году, и предложилъ послать отъ имени комиссіи 13 приложенныхъ къ протоколу вопросовъ на Рижскій X Археологическій сѣздъ.

Комиссія на собраніи между членами деньги (6 р. 55 к.) поручила своему секретарю выписать литовскую газету *Vaivas* на 1895 г. Кромя того она поручила ему обратиться къ нѣкоторымъ литовскимъ и латышскимъ дѣятелямъ съ просьбой содѣйствовать своими трудами цѣлямъ комиссіи.

Отдѣль III.

Критика и библиографія.

1. А. Шахматовъ. Исслѣдованія въ области русской фонетики. <i>Б. М. Ляпунова</i>	101—116
2. G. Krek. Zur geschichte russischen hochzeitsbräuche. Graz. 1893. <i>Н. Тупикова</i>	116—118
-

Отдѣль IV.

1. Вопросы и отвѣты. <i>Э. Вольтера</i>	119—120
-

Отдѣль V.

Смѣсь.

1. Легенда о предсказаніи преподобнаго Геннадія. <i>Н. А. Тихомірова</i>	121
2. Особая форма нищенства. <i>Н. А. Тихомірова</i>	122
3. Письмо къ Редактору Жив. Стар. <i>П. В. Шейна</i>	122—123
4. Кривуле у Латышей. <i>Г. Виссндорфа</i>	124
5. Протоколь 1-го засѣданія Латышско-Литовской комисіи (25 ноября 1894 года)	124—125
6. Протоколь 2-го засѣданія Литовско-Латышской комисіи (12 декабря 1894 года)	125—126
-